

Санкт-Петербургский государственный университет

КОЛОТАЕВ Юрий Юрьевич

Выпускная квалификационная работа

**Стрессоустойчивость европейских общественных и политических
институтов на национальном и наднациональном уровнях в условиях
эпохи постправды**

**The resilience of European social and political institutions on the national and
supranational levels in the age of post-truth**

Уровень образования: Магистратура

Направление 41.04.05 «Международные отношения»

Основная образовательная программа

ВМ.5558.2018 «Европейские исследования»

Научный руководитель:
заведующий кафедрой европейских исследований,
д. и. н., профессор,

Худoley Константин Константинович

Рецензент:
генеральный директор,
ООО «Бриз-Моторс Групп»,
к.п.н.,

Павловский Аркадий Игоревич

Санкт-Петербург
2020

Оглавление

Введение.....	2
Глава 1: <i>Постправда: причины появления, характеристика и последствия</i>	13
1.1 Генеалогия и концептуальная гетерогенность концепции «постправда».....	13
1.2 Теоретические основы постправды и её концептуальные рамки	20
Глава 2: <i>Стрессоустойчивость как новая категория стратегического мышления в европейской политике</i>	28
2.1 Академическая и политическая интерпретация концепции «стрессоустойчивости»	29
2.2 Сопоставимость категории «стрессоустойчивости» с явлениями эпохи постправды: адаптивная и патерналистская парадигмы противодействия	36
Глава 3: <i>Постправда как вызов для европейских институтов на наднациональном уровне (выработка наднациональной стрессоустойчивости перед выборами в Европейский парламент 2019 г.)</i>	43
3.1 Концептуальные сложности в развитии современного подхода Европейского союза к проблеме распространения политики постправды	43
3.2 Подготовка к выборам в Европейский парламент 2019 г. как пример комбинированной стратегии противодействия негативному влиянию политики постправды.....	49
Глава 4: <i>Влияние политики постправды на стрессоустойчивость национальных общественно-политических институтов (выборы в Бундестаг 2017 г. и трансформации немецкой политической системы)</i>	59
4.1 Проявления политики постправды перед выборами в Бундестаг в 2017 г. и государственные меры по противодействию им.....	60
4.2 Итоги выборов в Бундестаг 2017 г. как вызов для немецкой политической стрессоустойчивости.....	66
Заключение.....	74
Список использованных источников и литературы.....	79

Введение

Процесс общественного развития непрерывно вносит изменения в традиционные для человека категории и понятия. Технические и дискурсивные трансформации второго десятилетия двадцатого века привели к снижению общественного статуса верифицируемых истин, выраженного в формировании политики постправды. Данное понятие привнесло новый стимул в философские дебаты вокруг категорий «правды» и «лжи», как неотъемлемых составляющих человеческих коммуникаций. Однако общественная повестка, связанная с ростом недоверия большому количеству традиционных институтов, а также децентрализация источников распространения информации привели к тому, что вопросы философского характера приобрели конкретное воплощение в политической плоскости. С 2016 г., после ярких примеров проявления постправды в связи с «Брекзитом» и президентскими выборами в США, данное понятие не исчезает из дискурса большого количества стран, преимущественно Запада. В каждом конкретном случае такой интерес к процессу роста влияния эмоциональности в рамках политических процессов находится на стыке влияния глобальных процессов в информационной сфере и конкретных (национальных) предпосылок для развития феномена в отдельном сообществе. Зачастую при этом вопросы влияния политики постправды выходят далеко за пределы национальных государств, имея свои проявления в рамках международных отношений, о чём свидетельствует в частности пример Европейского союза (ЕС).

Европа во многом является наиболее интересным примером распространения постправды в мире, т.к. представляет из себя сочетание наднационального, национального и регионального уровней проявления проблемы. На каждом из уровней существует свой ответ на угрозы, связанные с постправдой, а именно фейковые новости и риторику ненависти. В то же время общественно-политические институты различных уровней имеют разную степень *стрессоустойчивости* к данным вызовам, что даёт возможность изучить многообразие форм проявления угрозы и обозначить различные практики выстраивания стрессоустойчивости к феномену. В рамках данного исследования особое внимание уделено проявлениям постправды, а также примерам выработки стрессоустойчивости к ним на уровне Европейского союза (наднациональном), Федеративной республики Германия (национальном) и отдельных федеральных земель ФРГ (региональный).

Актуальность данного исследования связана с несколькими причинами. Прежде всего, распространение постправды как в рамках национальных государств, так и в мировой политике (о чём свидетельствует постепенное разрушение доверия и действующих

глобальных режимов), ведёт к необходимости изучения многообразия её проявления. Снижение доверия и рост артикулируемой агрессии на всех уровнях системы характеризуют непредсказуемость действий ключевых общественно-политических институтов. Устранение данной непредсказуемости возможно именно через анализ примеров различных уровней системы. При этом чёткое выстраивание связей между уровнями позволит объяснить происходящие сдвиги в политическом дискурсе и практике. В то же время, важным и актуальным аспектом является стрессоустойчивость отдельных элементов системы к угрозе. Именно рассмотрение способности системы справляться с исследуемыми вызовами даёт ответ на вопрос, как выработать наилучшую практику борьбы с постправдой. Опыт Германии и ЕС предоставляет важный набор примеров успешного и неудачного опыта противодействия фейковой информации и риторики ненависти. Результаты его изучения могут помочь выработать другим странам успешные механизмы, усиливающие общественные институты и делающие их менее восприимчивыми к росту недостоверной информации в рамках единой информационной среды.

Новизна работы связана как с самой проблематикой распространения эпохи постправды, так и с применяемой для её анализа теории стрессоустойчивости. Постправда требует диверсификации исследуемых примеров. Разнообразие примеров, предоставляемых в рамках Европейского союза позволяют сформировать новый многосторонний взгляд на проблему. В то же время использование при анализе междисциплинарной концепции стрессоустойчивости позволяет применить несколько важных предпосылок, позволяющих структурировать понимание воздействия постправды на общество, а также реакцию разных уровней общества на угрозу. Важнейшими составляющими теории при этом выступают различные парадигмы стрессоустойчивости, понимание неразделимости угрозы и системы, многоуровневость самой системы, а также акцент на ресурсах системы, как ключевого аспекта стрессоустойчивости. Также исследование дополнено авторской интерпретацией соотношения мер по противодействию угрозе фейковых новостей с различными парадигмами стрессоустойчивости. В качестве основных примеров для демонстрации разработанной классификации выбраны актуальные события последних лет, включающие выборы в немецкий парламент (Бундестаг) в 2017 г., а также выборы в Европейский парламент 2019 г.

Целью данной работы является комплексное исследование проблемы распространения постправды при помощи теории стрессоустойчивости, а также концептуализация ключевых форм противодействия ей.

Исходя из поставленной цели можно выделить следующие *задачи*, поставленные в рамках исследования:

- Определить концептуальные рамки и теоретические основы постправды;
- Выявить ключевые предпосылки развития и становления постправды (в частности в Европейском союзе);
- Сопоставить категорию «стрессоустойчивости» с феноменами фейковых новостей и риторики ненависти, а также определить основные формы противодействия им;
- Изучить опыт и ключевые документы Европейского союза и Германии в области борьбы с явлениями эпохи постправды и укрепления общественной стрессоустойчивости к информационным угрозам;
- Исследовать на примере выборов в Бундестаг 2017 г. и Европейский парламент 2019 г. последствия применения различных стратегий укрепления общественной стрессоустойчивости, а также выявить основные проявления постправды в рамках избирательного процесса и после него;
- Установить какие факторы способствуют устранению при помощи стрессоустойчивости кризисных явлений, адаптируясь под угрозу, а какие вызывают стагнацию политической системы, формируя неблагоприятные последствия.

Объектом исследования данной работы является постправда как феномен и угроза современному обществу. Предмет исследования – процессы и тенденции, происходящие в связи с распространением постправды на национальном и наднациональном уровнях европейской системы, в особенности воздействие таких вызовов как фейковые новости, риторика ненависти и дезинформация на политическую стрессоустойчивость в процессе проведения выборов.

В рамках проведённого исследования был затронут большой пласт литературы и источников, затрагивающих концепцию «постправды» и теорию «стрессоустойчивости». Основными работам, давшими характеристику начального этапа развития и формирования концепции «постправда» являются статья Стива Тесича (в рамках которой произошло

первое употребление термина),¹ а также монографии Ральфа Кейса,² Джеймса Балла,³ Мэттью д'Анкона⁴ и Евана Дэйвиса.⁵ Для отображения междисциплинарного характера постправды внимание было уделено работам из области философии,⁶ антропологии,⁷ международных отношений,⁸ статистического анализа,⁹ культурологии.¹⁰ Кроме того, особое значение имели исследования связанные с такими подходами как критические политические исследования¹¹ и дискурсивная психология.¹²

Ключевыми монографиями, заложившими в рамках исследования теоретические основы в понимании постправды, являлись работы таких авторов как Игнас Калпокас,¹³ Дэвида Блока,¹⁴ Стюарта Сима,¹⁵ Розмари Оверелл и Бретта Ничоллса.¹⁶ Важную роль в концептуализации бинарной оппозиции фактов и эмоций, имеющую существенное значение при понимании постправды, сыграли работы Анны Дурновой.¹⁷ В методологическом плане большое значение имела работа Даниэля Канемана,¹⁸ позволившая рассмотреть проблему распространения постправды с точки зрения теории

¹ Tesich, S. A Government of Lies / S. Tesich // The Nation. - 1992. Vol. 254, № 1. - P. 12-14.

² Keyes, R. The Post-truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life / R. Keyes - New York: St. Martin's, 2004. - 325 p.

³ Ball, J. Post-Truth: How Bullshit Conquered the World / J. Ball - London: Biteback Publishing, 2017. - 320 p.

⁴ d'Ancona, M. Post-Truth: The New War On Truth and How to Fight Back / M. d'Ancona - London: Ebury Press, 2017. - 164 p.

⁵ Davis, E. Post-Truth: Why We Have Reached Peak Bullshit and What We Can Do About It / E. Davis - London: Little, Brown Book Group, 2017. - 368 p.

⁶ Wight, C. Post-Truth, Postmodernism and Alternative Facts / C. Wight // New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations. - 2018. Vol. 26, № 3. - P. 17-30.

⁷ Mair, J. Post-truth anthropology / J. Mair // Anthropology Today. - 2017. Vol. 33, № 3. - P. 3-4.

⁸ Michelsen, N., Tallis, B. Post-Truth-Telling in International Relations / N. Michelsen, B. Tallis // New Perspectives. - 2018. Vol. 26, № 3. - P. 7-16.

⁹ Roozenbeek, J., van der Linden, S. The fake news game: actively inoculating against the risk of misinformation / J. Roozenbeek, S. van der Linden // Journal of Risk Research. - 2019. Vol. 22, № 5. - P. 570-580.

¹⁰ Duncombe, C. Popular Culture, Post-Truth and Emotional Framings of World Politics / C. Duncombe // Australian Journal of Political Science. - 2019. Vol. 54, № 4. - P. 543-555.

¹¹ Braun, K., Dodge, J. Critical policy studies and the politics of post-truth politics / K. Braun, J. Dodge // Critical Policy Studies. - 2018. Vol. 12, № 1. - P. 1-2. ; Durnová, A. Unpacking emotional contexts of post-truth / A. Durnová // Critical Policy Studies. - 2019. Vol. 13, № 4. - P. 447-450.

¹² McDermott, R. Psychological underpinnings of post-truth in political beliefs / R. McDermott // PS - Political Science and Politics. - 2019. Vol. 52, № 2. - P. 218-222. ; Demasi, M. A. Facts as social action in political debates about the European Union / M. A. Demasi // Political Psychology. - 2019. Vol. 40, № 1. - P. 3-20.

¹³ Kalpokas, I. A Political Theory of Post-Truth / I. Kalpokas - Cham: Palgrave Pivot, 2019. - 135 p.

¹⁴ Block, D. Post-Truth and Political Discourse / D. Block - Cham: Palgrave Pivot, 2019. - 142 p.

¹⁵ Sim, S. Post-Truth, Scepticism & Power / S. Sim - Cham: Palgrave Macmillan, 2019. - 175 p.

¹⁶ Overell, R., Nicholls, B. Post-truth and the Mediation of Reality / R. Overell, B. Nicholls - Cham: Palgrave Macmillan, 2019. - 215 p.

¹⁷ Durnová, A. Understanding Emotions in Post-Factual Politics: Negotiating Truth / A. Durnová - Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. - 192 p. ; Durnová, A. Unpacking emotional contexts of post-truth / A. Durnová // Critical Policy Studies. - 2019. Vol. 13, № 4. - P. 447-450. ; Durnová, A. Der ‚March for Science‘ als Schauplatz der gesellschaftspolitischen Polarisierung zwischen Elite und Volk: ein interpretativer Beitrag zur Analyse von Postfaktizität / A. Durnová // Zeitschrift für Politikwissenschaft. - 2019. Vol. 29, № 2. - P. 345-360.

¹⁸ Kahneman, D. Thinking, fast and slow / D. Kahneman - London: Macmillan, 2011. - 512 p.

ограниченной рациональности. Монографии Кэтлин Халл Джамиесон и Джозефа Н. Саппелла¹⁹ и Элли Парисер²⁰ стали основой для понимания таких феноменов как «эхо камера» и «пузыри-фильтры», связанных с техническими трансформациями современного общества.

Среди использованных русскоязычных исследований феномена постправды особое место следует отвести первой научной монографии данной тематики на русском языке авторского коллектива СПбГУ под руководством О.В. Поповой.²¹ Кроме того, работа С. В. Чугрова²² дополнила понимание эмоциональной составляющей феномена постправды.

В рамках освящения концептуальных основ теории стрессоустойчивости основное внимание было уделено работам основоположника научного использования термина, Кроуфорда Холлинга,²³ а также других исследователей и последователей теории, таких как Джереми Уолкер, Мелинда Коопер,²⁴ Стив Карпентер, Брайан Уолкер. Ж. Марти Андериес и Ник Абель.²⁵ Ключевую роль сыграла монография коллектива исследователей стрессоустойчивости под редакцией Д. Чендлера и Д. Коффи.²⁶ Классификации типов стрессоустойчивости, представленные в ней самими Чендлером и Коффи, а также их коллегой Ф.Бурбо составляют основу теоретического аппарата для исследования реакции системы на вызовы.

¹⁹ Jamieson, K.H., Cappella, J.N. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment / K.H. Jamieson, J.N. Cappella - Oxford: Oxford University Press, 2008. – 313 p.

²⁰ Pariser, E. The filter bubble: How the new personalized web is changing what we read and how we think / E. Pariser - New York: Penguin, 2011. – 304 p.

²¹ Попова, О.В. «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Попова - СПб.: Скифия-принт, 2018. - 216 с.

²² Чугров, С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С. В. Чугров // Polis: Journal of Political Studies. - 2017. № 2. – С. 42-59.

²³ Holling, C. S. Resilience and stability of ecological systems / C.S. Holling // Annual review of ecology and systematics. – 1973. Vol.4, № 1. - P. 1-23. ; Walker, B., Holling, C. S., Carpenter, S., Kinzig, A. Resilience, adaptability and transformability in social-ecological systems / B. Walker, C. S. Holling, S. Carpenter, A. Kinzig // Ecology and society. – 2004. Vol. 9, № 2. URL: <https://www.ecologyandsociety.org/vol9/iss2/art5/inline.html> (дата обращения: 18.03.2020).

²⁴ Walker, J., Cooper, M. Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation / J. Walker, M. Cooper // Security Dialogue. – 2011. Vol. 42, № 2. - P. 143–160.

²⁵ Carpenter, S., Walker, B., Anderies, J.M., Abel, N. From Metaphor to Measurement: Resilience of What to What / S. Carpenter, B. Walker, J.M. Anderies, N. Abel // Ecosystems. - 2001. Vol. 4, №. 8. - P. 765–781.

²⁶ The Routledge handbook of International resilience / D. Chandler, J. Coaffee [et al.]. - New York, London: Routledge, 2016. – 420 p.

Не менее значимую роль в рамках исследования сыграли исследования российских авторов, в особенности Т.А. Романовой,²⁷ Е.Б. Павловой,²⁸ Е.Ю. Трещенкова,²⁹ Н.Н. Гудалова и Д.С. Тулупова.³⁰ В совокупности именно российское видение и понимание проблематики, связанной со стрессоустойчивостью и легло в основу данной работы.

Следует также отметить перечень работ, затрагивавших методы противодействия различным угрозам, прежде всего фейковым новостям. Данные работы позволили отобразить имеющиеся подходы к восприятию информационных угроз через различные парадигмы стрессоустойчивости. К ним относились работы, связанный с классификацией типов фейковых новостей,³¹ а также раскрывавшие имеющиеся практики противодействия им.³² Важную роль играла и работа Д. В. Винника, раскрывавшая сущность и другой угрозы эпохи постправды, а именно риторики ненависти.³³

²⁷ Романова, Т. А. Категория “стрессоустойчивость” в Европейском союзе / Т. А. Романова // Современная Европа. – 2017. Т. 76, № 4. – С. 17-28. ; Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. – 312 с.

²⁸ Романова, Т. А., Павлова, Е. Б. От гражданской и нормативной силы к стрессоустойчивости? Эволюция идейных основ внешней деятельности ЕС / Т. А. Романова, Е. Б. Павлова // Международные процессы. – 2018. Т. 16, № 2. – С. 73-90.

²⁹ Трещенков, Е. Ю. Стрессоустойчивость в современных дискурсах управления / Е. Ю. Трещенков // Власть. – 2018. № 8. – С. 24-31.

³⁰ Гудалов, Н. Н., Тулупов, Д. С. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов / Н. Н. Гудалов, Д. С. Тулупов // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. Т. 88, № 1. – С. 135-147.

³¹ Tandoc Jr., E.C., Lim, Z.W., Ling, R. Defining “Fake News” / E.C. Tandoc Jr., Z.W. Lim, R. Ling // Digital Journalism. – 2018. Vol. 6, № 2. - P. 137-153. ; Farte, G. I., Obada, D. R. Reactive Public Relations Strategies for Managing Fake News in the Online Environment / G. I. Farte, D.R. Obada // Postmodern Openings. – 2018. Vol. 9, № 2. - P. 26-44. ; Vasu, N., Ang, B., Teo, T. A., Jayakumar, S., Raizal, M., Ahuja, J. Fake news: National security in the post-truth era / N. Vasu, B. Ang, T. A. Teo, S. Jayakumar, M. Raizal, J. Ahuja - Singapore: RSIS, 2018. – 32 p. ; Rozgonyi, K. The Impact of the Information Disorder (Disinformation) on Elections / K. Rozgonyi – Strasbourg: European Commission for Democracy Through Law (Venice Commission), 26.11.2018. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-LA\(2018\)002-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-LA(2018)002-e) (дата обращения: 14.03.2020).

³² Yatid, M. M. Truth Tampering Through Social Media: Malaysia’s Approach in Fighting Disinformation & Misinformation / M. M. Yatid // IKAT: The Indonesian Journal of Southeast Asian Studies. – 2019. Vol. 2, № 2. - P. 203-230. ; Hacıyakupoglu, G., Hui, J. Y., Suguna, V. S., Leong, D., Rahman, M. F. B. A. Countering fake news: A survey of recent global initiatives / G. Hacıyakupoglu, J. Y. Hui, V. S. Suguna, D. Leong, M. F. B. A. Rahman - Singapore: RSIS, 2018. – 22 p. ; Baade, B. Fake News and International Law / B. Baade // European Journal of International Law. – 2018. Vol. 29, № 4. - P. 1357-1376. ; Niklewicz, K. Weeding out Fake News: An Approach to Social Media Regulation / K. Niklewicz – Brussels: Wilfried Martens Centre for European Studies, 2017. – 66 p. ; Drums: Distortions, Rumours, Untruths, Misinformation, and Smears / V. Norman, J. Shashi, A. Benjamin [et al.]. - World Scientific, 2018. – 200 p. ; Burkhardt, J. M. Combating Fake News in the Digital Age / J. M. Burkhardt // Library Technology Reports. – 2017. Vol. 53, № 8. – P. 5-9. ; Levi, L. Real Fake News and Fake Fake News / L. Levi // First Amendment Law Review. - 2018. Vol. 16. - P. 223–327. ; Alemanno, A. How to Counter Fake News? A Taxonomy of Anti-Fake News Approaches / A. Alemanno // European Journal of Risk Regulation. - 2018. Vol. 9, № 1. -P. 1–5.

³³ Винник, Д. В. Социальная феноменология цифровой эпохи: риторика ненависти, анонимусы, копирайт и полицейский надзор / Д. В. Винник // Философия образования. - 2013. Т. 51, № 6. - С. 79-88.

Источники, использованные в рамках данной работы, можно разделить на 4 категорий:

Первая категория представляет из себя документы, выпущенные или принятые различными институтами или органами Европейского союза, а также федеральными ведомствами и правительственными учреждениями Германии. К данной категории относятся резолюции Европейского парламента,³⁴ доклады, стратегии и сообщения Европейской комиссии,³⁵ Глобальная стратегия ЕС,³⁶ законодательные акты ФРГ,³⁷

³⁴ European Parliament resolution of 17 July 2014 on Ukraine (2014/2717(RSP)) // OJ C 224. - 2016. - P. 14–18 ; European Parliament resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)) // OJ C 224. – 2018. - P. 58–67. ; European Parliament resolution of 15 June 2017 on online platforms and the digital single market (2016/2276(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0272_EN.html (дата обращения: 15.04.2020). ; European Parliament resolution of 3 May 2018 on media pluralism and media freedom in the European Union (2017/2209(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0204_EN.html (дата обращения: 15.04.2020).

³⁵ European Commission. Joint Communication to the European Parliament and the Council *A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action* JOIN(2017) 21 final / European Commission - Brussels, 2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52017JC0021> (дата обращения: 30.03.2020). ; European Commission. A multi-dimensional approach to disinformation *Report of the independent High Level group on fake news and online disinformation* / European Commission - Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. – 40 p. ; European Commission. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions *Tackling online disinformation: a European Approach* COM(2018)236 final / European Commission - Brussels, 2018. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018DC0236> (дата обращения: 15.04.2020).; European Commission. Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions *Action Plan against Disinformation* JOIN(2018) 36 final / European Commission – Brussels, 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/eu-communication-disinformation-euco-05122018_en.pdf (дата обращения: 16.04.2020). ; European Commission. Report From the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee Of The Regions on the implementation of the Communication "Tackling online disinformation: a European Approach" COM(2018) 794 final / European Commission – Brussels, 2018. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/report-implementation-communication-tackling-online-disinformation-european-approach> (дата обращения: 16.04.2020). ; European Commission. Joint communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions *Report on the implementation of the Action Plan Against Disinformation* JOIN(2019) 12 final / European Commission - Brussels, 2019. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_report_on_disinformation.pdf (дата обращения: 14.04.2020).

³⁶ European Union. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe - A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy / European Union - Brussels, 2016. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

³⁷ Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz - NetzDG) vom 1. September 2017 // Bundesgesetzblatt. – 2017. T. I Nr. 61. – S. 3352.

доклады подразделений Бундестага,³⁸ а также документы, выпущенные Министерством экономики и энергетики ФРГ.³⁹

Вторую категорию источников составляют официальные заявления политиков разных стран и представителей различных институтов ЕС. К этой категории могут относиться как комментарии и цитаты политиков из новостных изданий, так и официальные выступления или речи. Среди ключевых фигур, чьи цитаты и выступления были использованы, находятся бывший Председатель Европейского совета Дональд Туск,⁴⁰ Жан-Клод Юнкер, Экс-председатель Европейской комиссии,⁴¹ Рамон Луис Валькарсель Сисо, бывший Вице-президент Европейского парламента,⁴² Андрус Ансип, Экс-вице-президент Европейской комиссии,⁴³ Федерика Могерини, бывший Высокий представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности,⁴⁴ Ангела Меркель, Федеральный канцлер Германии,⁴⁵ а также ряд других немецких политиков регионального и федерального значения.

³⁸ Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. Bekämpfung von Fake-News im europäischen Ausland WD 10 – 3000 – 004/17 / Deutscher Bundestag – 2017. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/502160/b90e2e68a419dc63e466f0728ccdc62/WD-10-004-17-pdf-data.pdf> (дата обращения: 02.05.2020). ; Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. Der Umgang mit Fake-News - Rechtslage und Reformansätze WD 10 - 3000 - 067/16 / Deutscher Bundestag – 2016. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/494418/4321d229204080dce488ebd0356b5db2/wd-10-067-16-pdf-data.pdf> (дата обращения: 02.05.2020).

³⁹ Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. Weißbuch Digitale Plattformen - Digitale Ordnungspolitik für Wachstum, Innovation, Wettbewerb und Teilhabe / Bundesministerium für Wirtschaft und Energie - Berlin: Hirschen Group, 2017. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Digitale-Welt/weissbuch-digitale-plattformen.html> (дата обращения: 02.05.2020).

⁴⁰ Tusk, D. The battle for CETA was highly emotional / D. Tusk // Twitter. - October 30, 2016. URL: <https://twitter.com/eucopresident/status/792717582524674048> (дата обращения: 30.10.2019).

⁴¹ EU's Juncker: there is still a risk of no-deal Brexit despite delay / F. Y. Chee // Reuters. – 20.04.2019. URL: <https://uk.reuters.com/article/uk-britain-eu-juncker/eus-juncker-there-is-still-a-risk-of-no-deal-brexit-despite-delay-idUKKCNI1RV1B5> (дата обращения: 15.04.2020).

⁴² EU vs Fake News: The truth about Brussels' fight against disinformation / M. Williams // Channel 4. – 18.12.2018. URL: <https://www.channel4.com/news/eu-vs-fake-news-the-truth-about-brussels-fight-against-disinformation> (дата обращения: 15.04.2020).

⁴³ Statement by Vice-President Ansip on the action plan to counter disinformation and progress achieved so far (press conference) / European Commission - December 5, 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2014-2019/ansip/announcements/statement-vice-president-ansip-action-plan-counter-disinformation-and-progress-achieved-so-far-press_en (дата обращения: 21.11.2019).

⁴⁴ Remarks by HR/VP Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council / European External Action Service - Luxembourg, April 16, 2018. URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighbourhood-policy-enp/42996/remarks-hr-vp-mogherini-press-conference-following-foreign-affairs-council_en (дата обращения: 22.11.2019).

⁴⁵ Angela Merkel im Wortlaut: "Wenn wir nicht gerade aus Stein sind" // Der Tagesspiegel. - 21.09.2016. URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/angela-merkel-im-wortlaut-wenn-wir-nicht-gerade-aus-stein-sind/14576252.html> (дата обращения: 04.05.2020).

Третья категория - статистические данные. В основном статистика затрагивает результаты выборов в Европейский парламент,⁴⁶ Бундестаг,⁴⁷ немецкие региональные парламенты,⁴⁸ а также результаты опросов общественного мнения.⁴⁹

Четвертая категория состоит из новостных статей, публикуемых в интернете различными информационными изданиями и агентствами на собственных ресурсах. Источники из этой категории активно используются в данной работе в рамках ивент-анализа. Используемые статьи написаны на различных языках. К англоязычным статьям относятся материалы таких новостных агентств как Reuters,⁵⁰ The Guardian.⁵¹ Среди рассматриваемых немецкоязычных изданий и СМИ следует отметить ресурсы федерального и регионального значения. В первую категорию входят Süddeutsche Zeitung,⁵² Die Zeit.⁵³ К региональному уровню относятся Mitteldeutscher Rundfunk,⁵⁴ Rheinische Post,⁵⁵

⁴⁶ The 2019 Post-Electoral Survey. Have European Elections Entered a New Dimension? Eurobarometer Survey 91.5 / European Parliament: DG Communication. Public Opinion Monitoring Unit, 2019. J. Zalc, N. Becuwe, A. Buruiian. – Brussels, 2019. № 91.5. – 116 p. ; Share of votes for populist and nationalist parties in the European Parliamentary Elections of 2019, by country // Statista, Politics & Government. - 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/1027735/populist-vote-share-in-eu-elections/> (дата обращения: 16.04.2020).

⁴⁷ Bundestagswahl 2017 - Endgültige Ergebnisse // Der Bundeswahlleiter. – Wiesbaden, 2017. URL: <https://bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2017/ergebnisse.html> (дата обращения: 05.05.2020).

⁴⁸ Wahlergebnisse und Wählerschaft der AfD / F. Decker // Bundeszentrale für politische Bildung. - 16.07.2018. URL: <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/afd/273131/wahlergebnisse-und-waehlerschaft> (дата обращения: 05.05.2020).

⁴⁹ Neue LFM-Studie zu Fake News: Mehr als die Hälfte der Onlinenutzer hat Erfahrung Damit // Landesanstalt für Medien NRW. – Düsseldorf, 2017. URL: <https://www.medienanstalt-nrw.de/presse/pressemitteilungen/pressemitteilungen-2017/2017/juni/neue-lfm-studie-zu-fake-news-mehr-als-die-haelfte-der-onlinenutzer-hat-erfahrung-damit.html> (дата обращения: 04.05.2020).

⁵⁰ Germany looks to revise social media law as Europe watches // Reuters. - 08.03.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-germany-hatespeech/germany-looks-to-revise-social-media-law-as-europe-watches-idUSKCN1GK1BN> (дата обращения: 05.05.2020).

⁵¹ AKK's resignation sparks battle for soul of German conservatism // The Guardian. - 11.02.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/11/annegret-kramprach-karrenbauer-resignation-sparks-battle-for-soul-of-german-conservatism> (дата обращения: 06.05.2020).

⁵² AfD drittstärkste Kraft im Bundestag, herbe Verluste für Union und SPD // Süddeutsche Zeitung. - 25.09.2017. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/bundestagswahl-2017-historische-verluste-fuer-union-und-spd-afd-zweistellig-1.3681185> (дата обращения: 05.05.2020).

⁵³ Steinmeier redet Parteien ins Gewissen // ZEIT Online. - 20.11.2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-11/bundespraesident-erwartet-von-allen-parteien-gesprachsbereitschaft> (дата обращения: 05.05.2020).

⁵⁴ Die Chronologie des Wahltags in Thüringen // Mitteldeutscher Rundfunk, Thüringen. - 06.02.2020. URL: <https://www.mdr.de/thueringen/ministerpraesident-wahl-ablauf-chronologie-kemmerich100.html> (дата обращения: 06.05.2020).

⁵⁵ Geplatze Sondierungsgespräche: AfD feiert sich nach Jamaika-Aus // Rheinische Post Online. - 20.11.2017. URL: <https://rp-online.de/politik/deutschland/afd-feiert-sich-nach-jamaika-aus-aid-20774975> (дата обращения: 05.05.2020).

Passauer Neue Presse.⁵⁶ Также используются русскоязычные СМИ, среди которых следует отметить в частности РБК.⁵⁷

Методологической основой данного исследования стала комбинация *ивент-анализа* и *дискурс-анализа* (в его критической разновидности). Основное своё применение ивент-анализ получил при анализе причинно-следственных связей и динамики взаимодействия различных политических субъектов в рамках предэлекторального, электорального и постэлекторального периодов. Данный метод активно используется в рамках 4 главы для изучения событий 2016-2020 гг. в Германии, и роли в них политики постправды. Основными источниками являются новостные сообщения из СМИ. Также ивент-анализ применяется для выстраивания логики трансформации в подходах институтов ЕС к выработке мер по противодействию дезинформации. Документы основных институтов ЕС являются при этом ключевыми источниками.

Дискурс-анализ дополняет исследование в вопросах выстраивания идентичности субъектов и их позиционирования по отношению к угрозам на основе речевых практик и языковой деятельности. Дискурс выступает в рамках работы как «динамическая форма социальной практики».⁵⁸ Особое значение имеет изменение дискурса и взаимосвязь различных дискурсивных процессов. Наибольшего применения дискурс-анализ получает в рамках третьей главы при анализе публичных заявлений политиков и функционеров европейских институтов. С его помощью удаётся выявить различные артикуляции проблемы фейковых новостей при определении его положения по отношению к системе (внешний или внутренний характер).

Свою роль в исследовании имеют также и другие методы. В частности, использование теории стрессоустойчивости ведёт к применению системной логики при выстраивании различных отношений в рамках рассматриваемой проблематики. В особенности важны такие элементы *системного анализа* как положение угрозы в рамках системы (внутри неё или за её пределами), ресурсные возможности системы (какие элементы система может мобилизовать, чтобы выработать стрессоустойчивость), а также

⁵⁶ Friedrich Merz spricht über GroKo, AfD und die Probleme der CDU // Passauer Neue Presse. - 07.11.2019. URL: <https://www.pnp.de/nachrichten/politik/Friedrich-Merz-spricht-ueber-GroKo-AfD-und-die-Probleme-der-CDU-3504452.html> (дата обращения: 06.05.2020).

⁵⁷ Фаворитка Ангелы Меркель отказалась баллотироваться в канцлеры ФРГ // РБК. - 10.02.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/02/2020/5e41244b9a794711d331210a> (дата обращения: 06.05.2020).

⁵⁸ Йоргенсен, М. В., Филлипс, Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс / Пер. с англ. - 2-е изд., испр. - Харьков: Гуманитарный центр, 2008. - С.200.

акцент на сравнении уровней системы (в случае изучения ЕС как системы – наднациональный, национальный и региональный, а иногда и локальный).

Также при анализе проблемы появления и становления политики постправды используется парадигма *теории ограниченной рациональности*.⁵⁹ Вопросы роста влияния дискурсивных практик, основанных на неverified утверждениях, объясняются при помощи включения ограниченной рациональности в системное понимание проблемы, при котором частичная иррациональность индивидов является имманентной составляющей самой общественной системы. Данное свойство инструментализируется в рамках политических действий, а также при помощи различных механизмов распространения недостоверной информации, имеющей эмоциональную привлекательность для конкретной социальной группы.

В процессе написания данной работы отдельные её фрагменты прошли апробацию на всероссийских и международных научных конференциях, в том числе на 13-ой Пан-Европейской конференции по международным отношениям (София, Болгария, 11-14 сентября 2019 г.), международном молодежном научном форуме «Ломоносов-2019» и VII Всероссийской студенческой научной конференции «Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности». Кроме того, по результатам исследований были написаны и опубликованы 4 публикации по теме выпускной работы, среди них 2 статьи,⁶⁰ 1 коллективная монография (участие в написании главы, посвященной проблемам фейковых новостей и дезинформации - § 3.2.)⁶¹ и 1 рабочая тетрадь Российского совета по международным делам (РСМД).⁶² Проведенная в рамках написания научных работ исследовательская деятельность финансировалась в рамках гранта РНФ № 17-18-01110 «Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и её последствия для России».

⁵⁹ Kahneman, D. Thinking, fast and slow / D. Kahneman - London: Macmillan, 2011. – 512 p.

⁶⁰ Романова, Т. А., Соколов, Н. И., Колотаев, Ю. Ю. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена / Т. А. Романова, Н. И. Соколов, Ю. Ю. Колотаев // Балтийский регион. - 2020. Т. 12, №. 1. – С. 53-67. ; Колотаев, Ю. Ю. Фейковые новости, дезинформация и стратегические коммуникации-ключевые категории в отношениях между Европейским союзом и Россией в условиях постправды. Внешние угрозы и внутренние вызовы / Ю. Ю. Колотаев // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. Сборник работ VII международной студенческой научной конференции (29 марта 2019 г., Санкт-Петербург). / Санкт-Петербургский государственный университет; ред. Е.М. Скворцова, К.А. Коновалова, Е.Н. Данилова, Е.В. Смирнов, Д.О. Матяшова. - СПб.: Скифия-принт, 2019. — 456 с. - С. 431-438.

⁶¹ Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 312 с.

⁶² Концепция стрессоустойчивости (resilience): рекомендации для России в контексте взаимодействия с Европейским союзом: рабочая тетрадь 55/2019 / Т. А. Романова [и др.]; под ред. И. С. Иванова. - Российский совет по международным делам (РСМД). - М.: НП РСМД, 2019. – 40 с.

Глава 1: Постправда: причины появления, характеристика и последствия

1.1 Генеалогия и концептуальная гетерогенность концепции «постправда»

Политический контекст в странах Европы и Северной Америки, основанный на росте популизма, падении доверия к экспертному знанию, а также трансформации информационной среды, пошатнул общественный консенсус относительно существовавшей системы производства, потребления и оценки информации. В контексте разрастающегося разнообразия информационных потоков, способных нести любую информационную нагрузку, и неограниченного доступа к ним, западная общественность столкнулась с новой, непривычной интерпретацией существовавших и ранее явлений. Ложь и дезинформация приобрели новое значение в терминах «фейковые новости» и «альтернативные факты», а структурированное информационное влияние сродное пропаганде стало называться «стратегическими коммуникациями». Смена понятий и рост их использования характеризовала смену восприятия тех условий, в которых находится общество, всё чаще акцентируя внимание на снижении роли фактов и увеличения влияния эмоций. Новая идея о распространении «политики постправды» или «эпохи постправды», используемая для обозначения изменения отношения социума к фактической составляющей информации и её рациональному восприятию, проникла в политический дискурс различных стран. Произошло это после того, как трансформации в информационном поле столкнулись с острыми противоречиями и социальными конфликтами внутри отдельных стран Запада в 2015-2016 гг. (миграционный кризис в ЕС, Брекзит, выборы президента США и т.д.).

Появление в общественном дискурсе сперва англоязычного пространства, а впоследствии и в рамках других языков, понятия «постправда» (*англ.* post-truth) повлекло дискуссии на тему концептуальных перемен в современном восприятии категорий «правды», «лжи», «факта» и «рациональности» в их философской, политической и других сопутствующих коннотациях. Возникли споры о новизне феномена, его причинной обусловленности, влиянии среды и причинах популярности понятия. Термин получил сразу же большое количество сторонников и противников, при этом появилось множество политиков, публицистов и ученых, трансформирующих его в риторический штамп. Специфику «постправды» обуславливает изначально свойственная данному термину публицистическая натура, мешающая до сих пор дать точное определение понятию и соотнести его с какой-либо конкретной областью знаний. Связано это, в частности, с

активным использованием идеи о наступлении «эпохи постправды» политическими деятелями и журналистами в выступлениях или в газетных и журнальных материалах, выпущенных в 2016-2017 годах и посвященных темам избрания президентом США Д. Трампа и референдума в Великобритании по выходу из ЕС.⁶³ Они во многом и определили рост популярности термина в общественном дискурсе. Популярность закрепились ещё больше после избрания «post-truth» словом года по версии Оксфордского словаря в конце 2016 г.⁶⁴

В интерпретации авторов Оксфордского словаря английского языка, постправда – это *“условия, в которых объективные факты в меньшей степени влияют на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям”*.⁶⁵ В последующем, определение в интерпретации «Oxford Advanced Learner's Dictionary» было упрощено до «обстоятельств, в которых люди реагируют в большей степени на чувства и убеждения, чем на факты».⁶⁶

Определение, данное Оксфордским словарём, продолжает доминировать в дебатах на тему постправды и по сей день. Это наблюдается большим количеством ссылок на него и неизбежным упоминанием в начале фактически любого исследования на тему постправды. При этом само определение по себе носит ограниченный характер и заслуживает критического переосмысления. В частности, отмечается некорректность и «нежизнеспособность представления эмоций и правды (*или фактов*) как диаметрально противоположных сущностей; т.к. выступление в защиту правды может быть столь же эмоциональным сколь и посягательство на неё».⁶⁷

Потребность в более научном определении постправды приводит к постепенному развитию более академического подхода к понятию. Однако сам переход «постправды»

⁶³ The Age of Post-Truth Politics // The New York Times. - 24.08.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html> (дата обращения: 16.02.2020). ; Post-truth politics. Art of the lie // The Economist. - 10.09.2016. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/09/10/art-of-the-lie> (дата обращения: 16.02.2020). ; Post-truth politicians such as Donald Trump and Boris Johnson are no joke // The Guardian. - 13.05.2016. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/may/13/boris-johnson-donald-trump-post-truth-politician> (дата обращения: 16.02.2020). ; Welcome to the post-truth presidency // The Washington Post. - 02.12.2016. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/welcome-to-the-post-truth-presidency/2016/12/02/baaf630a-b8cd-11e6-b994-f45a208f7a73_story.html (дата обращения: 16.02.2020).

⁶⁴ Word of the Year 2016 / OxfordLanguages. - Oxford University Press, 2020. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 14.02.2020).

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ «Post-truth» / Oxford Learner's Dictionary. - Oxford University Press, 2020. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/post-truth> (дата обращения: 14.02.2020).

⁶⁷ Hyvönen, A. E. Careless speech: Conceptualizing post-truth politics / A. E. Hyvönen // New Perspectives. - 2018. Vol. 26, № 3. - P. 38.

именно из общественного дискурса в научный во многом обуславливает трудности концептуализации термина в полноценную научную категорию или даже теорию. Помимо этого, постправду также затронуло такое явление, как распространяющаяся в общественно-гуманитарных науках тенденция к междисциплинарности. Сама природа постправды, находящаяся на стыке влияния информационных технологий и социальных предпосылок, ставит её в зависимость от таких сфер знаний, как психология, политология, социология, медиаведение (media studies) и философия. Столь существенная многогранность на начальном этапе формирования явления имеет двойственный характер. С одной стороны, разнообразие подходов приводит к более разностороннему пониманию феномена. С другой же стороны, междисциплинарность может привести к созданию целых категорий и понятий, пытающихся объяснить комплекс явлений, имеющих, в то же время, размытый характер. Следствием становится постепенное их превращение в «пустые обозначающие» в силу множественности интерпретаций.

«Постправда» как формирующаяся научная категория сталкивается как с положительными моментами её междисциплинарного характера, так и с угрозой стать определением для всего подряд, не отсылая при этом ни к чему конкретному. Но для того, чтобы разобраться с данной двойственностью постправды, следует сперва обратиться более детально к тому пути, который прошло определение «постправда» от своего зарождения до текущего момента, а затем предложить определение, отражающее наиболее существенные черты постправды для данного исследования (в контексте политологии и международных отношений).

Первое письменное использование слова «постправда» приписывают сербско-американскому сценаристу Стиву Тесичу в рамках статьи в журнале *The Nation* в 1992 году.⁶⁸ На примере американской реальности (в период войны в Персидском заливе) в ней указывается, что «люди добровольно выбрали жизнь в мире постправды»,⁶⁹ а произошло это вследствие того, что они стали отказываться от механизмов, позволяющих определять степень правдивости тех или иных заявленных фактов из-за нежелания занижать собственную общенациональную самооценку в конфликтный период и постоянно воспринимать негативную новостную повестку.⁷⁰ В данной среде нет необходимости подавлять правду, как в тоталитарных режимах. Необходимо лишь обратиться к

⁶⁸ Tesich, S. A Government of Lies / S. Tesich // *The Nation*. - 1992. Vol. 254, № 1. – P. 12-14.

⁶⁹ Ibid. P.13.

⁷⁰ Ibid.

соответствующим инструментам, связанным с намеренным публичным сокрытием «неудобных фактов», в угоду тех, которые общество восприняло бы с большим энтузиазмом. К таким выводам Тесич приходит исходя из анализа официальных заявлений правящих кругов США, «приводивших к серьезным военно-политическим последствиям, которые спустя некоторое время оказывались ложными и опровергались, но не имели ни малейших последствий для тех, кто озвучивал подобные намеренные «фейки».⁷¹

Дальнейшее развитие термина проявилось уже в работе Ральфа Кейса в рамках его книги «Эпоха постправды: нечестность и обман в современной жизни»,⁷² выпущенной в 2004 г. и рассматривающей проблемы лжи и её мотивы с точки зрения популярной психологии. Став первой книгой, использовавшей понятие «постправда» в своём названии, работа Кейса выдвигает предположение о том, что мы живём в эпохе постправды, которая заключается в разрастающейся «этической серой зоны», позволяющей быть «лицемерным без необходимости считать себя бесчестным».⁷³ Рост серой зоны связан с развитием большого количества эвфемизмов, позволяющих скрывать ложь в дискурсивном контексте. Примерами здесь служат определения из английского языка: *parallel truth* (параллельная истина/правда), *imaginative truth* (воображаемая правда), *alternative reality* (альтернативная реальность), *strategic misrepresentations* (стратегическое искажение), *nonfull disclosure* (неполное раскрытие информации), *selective disclosure* (избирательное разглашение информации) и *augmented reality* (дополненная реальность).⁷⁴ На сегодняшний день, спустя 16 лет после выхода книги, данный ряд эвфемизмов легко продолжить политизированными «*highly likely*» (с большой долей вероятности) или «*alternative facts*» (альтернативные факты).

Следующим значительным этапом концептуального развития постправды стал ряд публикаций, появившийся в 2016-2017 гг. на волне роста популярности термина. Это были статьи и полноценные книги, имевшие публицистический характер и выпущенные преимущественно авторами, профессионально связанными с журналистикой.⁷⁵ К данному перечню публикаций можно отнести книги таких авторов как Джеймс Балл,⁷⁶ Мэттью

⁷¹ Лучинский, Ю. В. "Правительство лжи": феномен "постправды" Стива Тесича / Ю. В. Лучинский // Век информации. - 2018. Т. 1, № 2. – С. 323.

⁷² Keyes, R. The Post-truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life / R. Keyes - New York: St. Martin's, 2004. – 325 p.

⁷³ Ibid. – P.12.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Block, D. Post-Truth and Political Discourse / D. Block - Cham: Palgrave Pivot, 2019. – P. 4.

⁷⁶ Ball, J. Post-Truth: How Bullshit Conquered the World / J. Ball - London: Biteback Publishing, 2017. – 320 p.

д'Анкаона⁷⁷ и Еван Дэйвис,⁷⁸ отреагировавших своим вкладом в том числе и на избрание «постправды» словом года.⁷⁹ Данные книги обозначили некоторые «направления в понимании того, чем именно являются политика постправды и связанные с ней фейковые новости, что послужило их причиной и что с ними следовало бы теперь делать».⁸⁰

Все три книги подчёркивают необходимость обратить внимание на наличие изменений в общественном и информационном пространстве, выраженных в наступлении эпохи постправды. В то же время концепция «постправды» имеет у трех авторов различную отправную точку для анализа и, соответственно, определенные различия в смысловой нагрузке. Для Дэйвиса и Балла она связана с концепцией «брехни» (англ. *bullshit*), выдвинутой профессором Принстонского университета Гарри Франкфуртом в его статье 1986 г.,⁸¹ преобразованной впоследствии в книгу в 2005 г.⁸² В основе концепции «брехни» лежит различие между ложью и брехней как таковой. Фундаментальная разница обозначена тем, что лжец пытается скрыть правду или может вовсе не знать об акте лжи. Брехня же характеризуется отходом категории «истины» вовсе на второй план. Важны лишь намерения, убеждение и их воплощение. В данном контексте для Дэйвиса постправда связана с «новым стилем коммуникации, загруженным утверждениями, сосредоточенными на привлечении внимания и не основывающимися на фактах, либо экспертной оценке».⁸³ Балл связывает «брехню», образующую постправду, с любыми типами «искажений, полуправдами и вопиющими случаями лжи».⁸⁴ Мэттью д'Анкаона видит же в политике постправды «снижение ценности правды в качестве «резервной валюты» в обществе, а также распространение пагубного релятивизма, замаскированного под обоснованный скептицизм».⁸⁵ Новизна постправды при этом проявляется в общественном безразличии к данным трансформациям.⁸⁶

⁷⁷ d'Ancona, M. *Post-Truth: The New War On Truth and How to Fight Back* / M. d'Ancona - London: Ebury Press, 2017. – 164 p.

⁷⁸ Davis, E. *Post-Truth: Why We Have Reached Peak Bullshit and What We Can Do About It* / E. Davis - London: Little, Brown Book Group, 2017. – 368 p.

⁷⁹ Wight, C. *Post-Truth, Postmodernism and Alternative Facts* / C. Wight // *New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations*. - 2018. Vol. 26, № 3. - P. 17.

⁸⁰ Crilley, R. *International relations in the age of 'post-truth' politics* / R. Crilley // *International Affairs*. - 2018. Vol. 94, № 2. – P.417.

⁸¹ Frankfurt, H. G. *On Bullshit* / H. G. Frankfurt // *Raritan Quarterly Review*. - 1986. Vol. 6, № 2. - P. 81–100.

⁸² Frankfurt, H. G. *On Bullshit* / H. G. Frankfurt - Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. – 81 p.

⁸³ Davis, E. *Post-Truth: Why We Have Reached Peak Bullshit and What We Can Do About It* / E. Davis - London: Little, Brown Book Group, 2017. – P.XI.

⁸⁴ Ball, J. *Post-Truth: How Bullshit Conquered the World* / J. Ball - London: Biteback Publishing, 2017. – P. 5.

⁸⁵ d'Ancona, M. *Post-Truth: The New War On Truth and How to Fight Back* / M. d'Ancona - London: Ebury Press, 2017. – P.2.

⁸⁶ *Ibid.* - P.26.

Несмотря на безусловную важность данных трех монографий в качестве отправных точек для новой волны изучения постправды, к их недостаткам относились обобщённая аргументация, опирающаяся на психологические предпосылки, а также ограниченный анализ таких социальных предпосылок и проблем, как расизм, ксенофобия и антиправительственный настрой, сыгравших свою роль в ключевых примерах, используемых в исследованиях (а именно брекзит и избрание Трампа).⁸⁷

Дальнейшее развитие концепции «постправда», протекающее в последние 2 года, характеризуется двумя параллельными тенденциями. С одной стороны, слово окончательно вошло в политический мейнстрим. С другой же, произошла диверсификация в рамках научных исследований. Появились первые серьезные исследования, соотносимые с более конкретными составляющими постправды, имеющие уже не публицистический, а академический характер. Так, к примеру, появились работы по статистическому анализу,⁸⁸ дискурсивной психологии,⁸⁹ философии,⁹⁰ критическим политическим исследованиям,⁹¹ международным отношениям,⁹² антропологии,⁹³ политологии⁹⁴ и культурологии.⁹⁵ Всё это указывает на растущую междисциплинарность феномена. Её следствием становится появление в каждом конкретном случае своего собственного определения постправды. В случае с международными и политологическими исследованиями наиболее фундаментальным и проработанным трудом, предлагающим свою интерпретацию постправды, является работа «Политическая теория постправды», выпущенная в 2019 г. исследователем в области политической теории и международных отношений, Игнасом Калпокасом.⁹⁶ Определение постправды, выдвинутое в монографии, будет рассмотрено во

⁸⁷ Crilley, R. International relations in the age of 'post-truth' politics / R. Crilley // *International Affairs*. - 2018. Vol. 94, № 2. - P.423

⁸⁸ Roozenbeek, J., van der Linden, S. The fake news game: actively inoculating against the risk of misinformation / J. Roozenbeek, S. van der Linden // *Journal of Risk Research*. -2019. Vol. 22, № 5. - P. 570–580.

⁸⁹ McDermott, R. Psychological underpinnings of post-truth in political beliefs / R. McDermott // *PS - Political Science and Politics*. - 2019. Vol. 52, № 2. - P. 218–222. ; Demasi, M. A. Facts as social action in political debates about the European Union / M. A. Demasi // *Political Psychology*. - 2019. Vol. 40, № 1. - P. 3-20.

⁹⁰ Wight, C. Post-Truth, Postmodernism and Alternative Facts / C. Wight // *New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations*. - 2018. Vol. 26, № 3. - P. 17–30.

⁹¹ Braun, K., Dodge, J. Critical policy studies and the politics of post-truth politics / K. Braun, J. Dodge // *Critical Policy Studies*. - 2018. Vol. 12, № 1. - P. 1–2. ; Durnová, A. Unpacking emotional contexts of post-truth / A. Durnová // *Critical Policy Studies*. - 2019. Vol. 13, № 4. - P. 447–450.

⁹² Michelsen, N., Tallis, B. Post-Truth-Telling in International Relations / N. Michelsen, B. Tallis // *New Perspectives*. - 2018. Vol. 26, № 3. - P. 7-16.

⁹³ Mair, J. Post-truth anthropology / J. Mair // *Anthropology Today*. - 2017. Vol. 33, № 3. - P. 3–4.

⁹⁴ Kalpokas, I. A Political Theory of Post-Truth / I. Kalpokas - Cham: Palgrave Pivot, 2019. – 135 p.

⁹⁵ Duncombe, C. Popular Culture, Post-Truth and Emotional Framings of World Politics / C. Duncombe // *Australian Journal of Political Science*. - 2019. Vol. 54, №4. - P. 543-555.

⁹⁶ Kalpokas, I. A Political Theory of Post-Truth / I. Kalpokas - Cham: Palgrave Pivot, 2019. – 135 p.

второй части главы, т.к. оно является отправной точкой для описания теоретических основ данной работы. В целом же книга Калпокаса связывает феномен постправды с такими явлениями, как медиатизация социальной реальности (mediatisation) и инструментализацией больших данных (big data).

Помимо монографии Игнаса Калпокаса к новому этапу изучения постправды также можно отнести ещё три монографии, вышедшие в 2019 г. и характеризующие окончательное закрепление постправды в академическом пространстве. Первая из них, написанная профессором социолингвистики, Дэвидом Блоком, рассматривает постправду через призму критического дискурс-анализа на примере испанской политической практики.⁹⁷ Вторая книга, «Постправда, скептицизм и власть», посвящена контекстуализации постправды и фейковых новостей в рамках философского дискурса о правде и ставит вопрос об опасности постправды для традиции либеральной демократии.⁹⁸ Третья фундаментальная работа по постправде, вышедшая в рамках последней на данный момент волны изучения феномена – это работа «Постправда и медиация реальности», основанная на культурологическом анализе текущих общественных процессов и опирающаяся на работы Жана Бодрийяра и Жака Лакана.⁹⁹ В центре внимания работы находятся «политика хештегов» и президентство Д. Трампа.

Исходя из пройденного на данный момент пути развития категории «постправда», следует отметить, что, несмотря на относительно давнее появление самого понятия, популярность оно снискало в конкретном социально-политическом контексте, связанном с политическими трансформациями, вылившимися в события 2016 года. После данных событий и последовавшей за ними волны публикаций, обращавшихся к идее о наступлении эпохи постправды, потребовалось короткое время, пока этот феномен не стал объектом исследования в академической среде. В то же время рост интереса к постправде породил множественность интерпретаций феномена в совершенно разных плоскостях, сделав его гетерогенным в своей сущности и междисциплинарным в исследовательском отношении явлением.

⁹⁷ Block, D. Post-Truth and Political Discourse / D. Block - Cham: Palgrave Pivot, 2019. – 142 p.

⁹⁸ Sim, S. Post-Truth, Scepticism & Power / S. Sim - Cham: Palgrave Macmillan, 2019. – 175 p.

⁹⁹ Overell, R., Nicholls, B. Post-truth and the Mediation of Reality / R. Overell, B. Nicholls - Cham: Palgrave Macmillan, 2019. – 215 p.

1.2 Теоретические основы постправды и её концептуальные рамки

Для изучения реальности, созданной постправдой, и определения основных угроз, связанных с ней, важно выделить ряд ключевых характеристик, объединяющих постправду, вне зависимости от сферы академического применения. После роста интереса к понятию «постправда» дальнейшее его развитие зависит от способности научного сообщества разработать солидные теоретические рамки (включающие в себя данные характеристики), на основе которых возможно осмысление и перспективное применение термина. На текущий момент постправда находится в полисемантическом поле, в котором её связывают и противопоставляют таким бинарным оппозициям, как ложь и правда, рациональность и эмоциональность. Большинство исследований начинается именно с изучения данных категорий посредством анализа, основанного на интерпретации этих понятий классиками как античности (Платон, Аристотель),¹⁰⁰ так и современности (Ж. Бодрийяра,¹⁰¹ Х. Аренд,¹⁰² М. Фуко,¹⁰³ Ж.-Ф. Лиотар¹⁰⁴). Такого рода подход ставит своей целью поиск исторических корней постправды, исходя при этом из двух ключевых предпосылок: либо постправда не представляет из себя принципиально нового феномена, а отражает новую вариацию старых знаний и тенденций, либо постправда имеет определённые исторические корни в прошлом, но меняющийся мир и условия в нём делают постправду принципиально новым явлением. Исходя из такой вариативности понимания природы и характеристик постправды, в теоретическом отношении понятие «постправда» требует разрешения двух ключевых вопросов для своей концептуальной солидности. Во-первых, следует установить, *чем постправда является*, а чем (и это не менее существенно) *не является*. Во-вторых, следует указать *причины зарождения постправды* и её последствия.

¹⁰⁰ Wight, C. Post-Truth, Postmodernism and Alternative Facts / C. Wight // New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations. - 2018. Vol. 26, № 3. - P. 17–30. ; Fuller, S. Post-truth: Knowledge as a power game / S. Fuller - London: Anthem Press, 2018. – 218 p.

¹⁰¹ Tredinnick, L. Post truth, information, and emotion / L. Tredinnick // Business Information Review. - 2016. Vol. 33, № 4. - P. 204–206. ; Speed, E., Mannion, R. The Rise of Post-truth Populism in Pluralist Liberal Democracies: Challenges for Health Policy / E. Speed, R. Mannion // International Journal of Health Policy and Management. - 2017. Vol. 6, № 5. - P. 249–251.

¹⁰² Wight, C. Post-Truth, Postmodernism and Alternative Facts / C. Wight // New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations. - 2018. Vol. 26, № 3. - P. 17–30. ; Michelsen, N., Tallis, B. Post-Truth-Telling in International Relations / N. Michelsen, B. Tallis // New Perspectives. - 2018. Vol. 26, № 3. - P. 7-16.

¹⁰³ Prozorov, S. Why is there truth? Foucault in the age of post-truth politics / S. Prozorov // Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory. - 2019. Vol. 26. - P. 18–30.

¹⁰⁴ Aradau, C. Assembling Credibility: Knowledge, Method and Critique in Times of 'Post-truth' / C. Aradau // Security Dialogue. - 2019. Vol. 50, № 1. - P. 40 –58.

В целом существует три смысловых измерения, в рамках которых возможна артикуляция постправды – предметное, темпоральное и социальное.¹⁰⁵ Предметное пространство отображает противостояние «манипулятивной» практики конструирования правды (посредством массмедиа) дискурсу «истины», основанному на научном анализе и критическом мышлении. Данное измерение чаще всего выступает объектом для анализа в рамках изучения постправды. Следующее, темпоральное измерение, определяет постправду через политико-культурный контекст, ставя симуляционную политику «эпохи постмодерна» в противовес логике мировой глобализации. Социальное измерение выражается в нормативной двойственности постправды, зависящей от коллективного восприятия двумя акторами друг друга. Данная нормативная двойственность строится на следующем тезисе: «что для одних участников коммуникативного процесса является демонстрацией политического цинизма, «популизма», «политического варварства», для других — это естественное состояние, некая безусловная «правда» жизни и способ поддержания политической идентичности и государственного суверенитета».¹⁰⁶

В рамках данной работы ключевыми выступают первое и третье измерение постправды, отражающие в своей сути комбинацию изменчивого влияния новой информационной среды и социального детерминизма, близкого по своим концептуальным основам к социальному конструктивизму. Исходя из этих предпосылок, следует обратиться к более точному определению самого понятия «постправда», интерпретированного в контексте предметного и социального измерения. Такое определение было дано Игнасом Калпокасом. По созданной им теории, постправда – *«обстоятельства, при которых происходит отделение утверждений, претендующих на правдивость, (truth-claim) от верифицируемых фактов»*,¹⁰⁷ а также это *«условия, при которых, в процессе принятия (affiliation) аудиторией конкретного утверждения (truth-claim), определяющим весом обладают другие критерии его принятия, нежели проверяемость (верифицируемость) утверждения. Сами же эти утверждения преподносятся аудитории в качестве нарративных фикций, представляющих из себя полноценные, обособленные реальности, самостоятельно объясняющих мироустройство на свой лад»*.¹⁰⁸ «В такой среде важнее всего заполучить внимание аудитории, при этом эффективность заявления о правдивости

¹⁰⁵ Попова, О.В. «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Попова - СПб.: Скифия-принт, 2018. - С.8.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Kalpokas, I. A Political Theory of Post-Truth / I. Kalpokas - Cham: Palgrave Pivot, 2019. – P.5.

¹⁰⁸ Ibid.

какого-либо утверждения становится сама по себе ключевым критерием правдивости; так правдой становится что-либо по причине того, что люди верят в это и ведут себя так, будто это правда из-за того, что они *хотели бы*, чтобы это было правдой». ¹⁰⁹

Несмотря на то, что такое развернутое определение не даёт точного представления о причинах новизны феномена и может даже показаться интерпретацией более устоявшихся идей социального конструктивизма, оно точно отображает обстоятельства, характеризующие дискурс и условия, связанные с постправдой. Для более детального понимания феномена перечень ключевых предпосылок постправды будет рассмотрен далее. Исходя же из данного определения, важно понимать, что постправда не сводится лишь до категории эмоциональности. Постправда – это не набор отдельных риторических приёмов или дискурсивных практик. Постправда образуется из социального консенсуса относительно конструируемой правдивости тех или иных утверждений, образующих самостоятельную реальность, сосуществующую с реальностью других социальных групп. В отдельных случаях такая реальность может исходить из представлений «альтернативной эпистемологии», несоответствующей традиционным стандартам проверяемости и доказуемости. ¹¹⁰

Данное противопоставление имеет тенденцию приводить к созданию бинарной оппозиции фактов и эмоций. ¹¹¹ В таком ключе бинарная оппозиция становится мощной дискурсивной стратегией, означающей, что нельзя прибегать к эмоциональной аргументации или считаться эмоциональным при следовании убеждениям о важности фактических доказательств. Данное убеждение действует и в обратном направлении, превращая науку в «оппортунистическую стратегию» ¹¹² для сторонников альтернативных эпистемологий. В такой ситуации важным становятся не столько идеологические убеждения, сколько дискурсивная стратегия. При этом появляется возможность вариативной трактовки эмоциональности. Эмоциональная критика таких политиков, как Трамп, встретит поддержку, в то время как эмоциональное отрицание климатических

¹⁰⁹ Kalpokas, I. A Political Theory of Post-Truth / I. Kalpokas - Cham: Palgrave Pivot, 2019. – P.5.

¹¹⁰ Lewandowsky, S., Ecker, U. K. H., Cook, J. Beyond misinformation: Understanding and coping with the “post-truth” era / S. Lewandowsky, U. K. H. Ecker, J. Cook // Journal of applied research in memory and cognition. – 2017. Vol. 6, № 4. – P. 356.

¹¹¹ Durnová, A. Understanding Emotions in Post-Factual Politics: Negotiating Truth / A. Durnová - Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. – 192 p.

¹¹² Durnová, A. Unpacking emotional contexts of post-truth / A. Durnová // Critical Policy Studies. - 2019. Vol. 13, № 4. - P. 448.

изменений станет поводом для обвинения сторонников в нерациональности.¹¹³ В западном дискурсе это создаёт удобную для популизма оппозицию «рациональной» элиты и «иррационального» народа или толпы.¹¹⁴

В то же время отдельные аспекты «иррациональности» могут быть объяснены при помощи концепции «ограниченной рациональности», заимствованной из психологии. Экономист и социальный психолог Даниэль Канеман, в своей снискавшей популярность книге «Думай медленно... решай быстро» (более точный английский вариант: «Thinking, Fast and Slow») выделил два ключевых типа мышления и обработки информации, играющих значительную роль в определении поведенческих паттернов людей.¹¹⁵ Первый соответствует рефлексивному и стереотипному мышлению, связанному с быстрым ответом на поступающую информацию. Второй же требует как умственных усилий, так и больших аналитических затрат. В силу того, что первый тип мышления требует значительно меньшей энергии, для людей легче верить в информацию, требующую меньших когнитивных затрат от мозга. С точки зрения массового сознания, людям проще верить вещам и данным, которые снискали обширное принятие, поскольку это повышает их вероятность быть правдой.¹¹⁶ Иначе человеку на ежедневной основе приходилось бы рассматривать каждый социальный консенсус с аналитической точки зрения, прослеживая все связи, касающиеся мотивов и убеждений каждого актора. Вместо этого в общественном дискурсе распространена интуитивная и рефлексивная приверженность мнению большинства, основанная на оценке того, сколько других людей привержены тому или иному мнению.¹¹⁷ Отсюда, когда мы обращаемся к концепции постправды, мы понимаем, что она «апеллирует к рефлексам, но не к рефлексии».¹¹⁸

Исходя из данных психологических предпосылок, мы сталкиваемся с тем, что действующие внутри людей механизмы могут быть использованы и инструментализированы. В эпоху цифровизации чаще всего это происходит через социальные сети. Именно «ограниченной рациональностью» индивидов объясняются

¹¹³ Durnová, A. Unpacking emotional contexts of post-truth / A. Durnová // Critical Policy Studies. - 2019. Vol. 13, № 4. - P.448-449.

¹¹⁴ Durnová, A. Der ‚March for Science‘ als Schauplatz der gesellschaftspolitischen Polarisierung zwischen Elite und Volk: ein interpretativer Beitrag zur Analyse von Postfaktizität / A. Durnová // Zeitschrift für Politikwissenschaft. - 2019. Vol. 29, № 2. - P. 345-360.

¹¹⁵ Kahneman, D. Thinking, fast and slow / D. Kahneman - London: Macmillan, 2011. – 512 p.

¹¹⁶ McDermott, R. Psychological underpinnings of post-truth in political beliefs / R. McDermott // PS - Political Science and Politics. - 2019. Vol. 52, № 2. - P. 220.

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ Чугров, С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С. В. Чугров // Polis: Journal of Political Studies. - 2017. № 2. – С. 46.

случаи, когда соцсети усиливают и навязывают лживую информацию, что происходит особенно эффективно, когда люди ограничены так называемыми «эхо-камерами»,¹¹⁹ воспроизводящими и вторящими ключевым убеждениям индивида. Таким образом, при низменности психологических предпосылок людей, *ключевым фактором, повлекшим становление и развитие постправды стала новая информационная среда и связанные с ней технологические изменения в распространении, потреблении и воспроизводстве информации.* Прежде всего в развитых странах произошла утрата государственными институтами монополии на безраздельное определение информационной политики, а также диверсификация источников информации (блоггеры, фейковые новостные агентства и т.д.). Способствовали этому в том числе и такие предпосылки, как развитие интернета,¹²⁰ уже упомянутая «медиатизация» (процесс повышающегося влияния медиа на конструирование социальной реальности),¹²¹ а также культура «агрессивной рекламы и промоушена» (promotionalism).¹²² Параллельно с ростом доступа к новой информационной инфраструктуре росла и возможность производить подкрепляющую данную инфраструктуру информацию в практически неограниченном размере, создавая тем самым независимые и самостоятельные информационные реальности. Отсюда появился и ключевой парадокс нового, казавшегося открытым и доступным, информационного пространства. По своей сути интернет, «предоставляющий любому заинтересованному лицу мгновенный доступ к достоверной информации, стал ничем другим как эхо-камерой»,¹²³ в которой внутренние ограничения создаются самими пользователями в процессе потребления их собственного информационного потока.

В то же время трансформации в массмедиа и появление интернета не являются единственными технологическими факторами и причинами, приведшими к изменению информационной среды и распространению политики постправды. Важным явлением стало и повсеместное распространение алгоритмических технологий, основанных на обработке данных пользователей. Данный феномен тесно связан как с образованием «эхо-камер», так

¹¹⁹ Jamieson, K.H., Cappella, J.N. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment / K.H. Jamieson, J.N. Cappella - Oxford: Oxford University Press, 2008. – 313 p.

¹²⁰ Braun, K., Dodge, J. Critical policy studies and the politics of post-truth politics / K. Braun, J. Dodge // Critical Policy Studies. - 2018. Vol. 12, № 1. - P. 1.

¹²¹ Marcinkowski, F. Mediatisation of politics: Reflections on the state of the concept / F. Marcinkowski // Javnost-The Public. – 2014. Vol. 21, № 2. - P. 5-22.

¹²² Kalpokas, I. A Political Theory of Post-Truth / I. Kalpokas - Cham: Palgrave Pivot, 2019. – P.14.

¹²³ McIntyre, L. Post-truth / L. McIntyre - Cambridge, MA: MIT Press, 2018. – P.96.

и с распространением «пузырей-фильтров» (filter bubble),¹²⁴ являющихся определенным типом ограничительных механизмов, создающих для пользователя поток, соответствующий его личным и эмоциональным предпочтениям. Инструменты социальных сетей, пользуясь данными пользователей на основе закрытых алгоритмов, создают искаженные реальности,¹²⁵ поскольку, исходя из предпочтений пользователя, отображают контент непропорционально. Такие обстоятельства создают широкое поле для манипуляций при росте так называемой «экономики внимания» (attention economy)¹²⁶ и «культуры сенсаций»,¹²⁷ заточенных на получение максимального отклика от пользователей. В политическом контексте всё это влечёт далёкую от воплощения, но реальную опасность создания условий, в которых, при помощи детального анализа персональных данных людей, возможно управлять эмоциональным восприятием общественности и его реакцией.¹²⁸ По мнению некоторых исследователей, это ведёт к тому, что «человечество переживает переходный период от общества фактов к обществу данных, когда статус знаний и чисел в общественной жизни меняется, а сама истина отвергается».¹²⁹

Помимо технических аспектов на становление постправды существенную роль сыграл и тот социальный контекст, в котором протекает становление нового феномена. Речь идёт прежде всего об атмосфере недоверия, затронувшей целый ряд направлений. Сюда относится и деградация общественного потенциала (выраженного в доверии общественным институтам и гражданской деятельности),¹³⁰ и провоцирующее общественную поляризацию социальное неравенство,¹³¹ и снижающаяся вера в науку,¹³² связанная с её политизацией.¹³³ Своё практическое выражение недоверие приобретает в

¹²⁴ Pariser, E. The filter bubble: How the new personalized web is changing what we read and how we think / E. Pariser - New York: Penguin, 2011. – 304 p.

¹²⁵ Lewis, P. 'Fiction is outperforming reality': How YouTube's algorithm distorts truth / P. Lewis // The Guardian. – 02.02.2018. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2018/feb/02/how-youtubes-algorithm-distorts-truth> (дата обращения: 09.03.2020).

¹²⁶ Harsin, J. Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies / J. Harsin // Communication, Culture & Critique. - 2015. № 8. - P. 327–333.

¹²⁷ Crilley, R. International relations in the age of 'post-truth' politics / R. Crilley // International Affairs. - 2018. Vol. 94, № 2. – P.421.

¹²⁸ Harsin, J. Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies / J. Harsin // Communication, Culture & Critique. - 2015. № 8. - P. 330.

¹²⁹ Котова, Н. С., Дукян, С. С. Феномен "фейка" в политическом дискурсе эпохи "постправды" / Н. С. Котова, С. С. Дукян // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. - 2018. № 2. – С.132.

¹³⁰ Lewandowsky, S., Ecker, U. K. H., Cook, J. Beyond misinformation: Understanding and coping with the "post-truth" era / S. Lewandowsky, U. K. H. Ecker, J. Cook // Journal of applied research in memory and cognition. – 2017. Vol. 6, № 4. – P. 357.

¹³¹ Ibid. - P. 358.

¹³² McIntyre, L. Post-truth / L. McIntyre - Cambridge, MA: MIT Press, 2018.

¹³³ Braun, K., Dodge, J. Critical policy studies and the politics of post-truth politics / K. Braun, J. Dodge // Critical Policy Studies. - 2018. Vol. 12, № 1. - P. 1.

увеличивающейся эмоциональности политического дискурса,¹³⁴ преобразовываясь в том числе далее в популизм, к которому нередко и приравнивают постправду. Миграционный кризис 2015-2016 гг. стал одним из финальных триггеров для распространения атмосферы недоверия в Европе, созданной финансовыми и социальными проблемами начала XXI века. Результатом стало преобразование *плюрализма* в *поляризацию*, спровоцировавшее в демократических государствах внутривнутриполитические противоречия.

В завершение рассмотрения теоретического обоснования предпосылок становления постправды следует отметить ещё один важный аспект перехода западных стран к эпохе постправды. Суть его заключается в том, как произошла смена парадигмы условной «рациональности» на парадигму «эмоциональности». Зачастую предпринимается ошибочная попытка связать приход постправды с развитием и распространением идей постмодерна и постструктурализма, провозглашающих падение условностей и догм просвещения и модерна.^{135,136} Производятся попытки возвестить наступление тотального релятивизма, размывающего категории истины и правды в рамках социальных интеракций и превращающего их в интерпретации доминирующих дискурсов. В то же время постмодерн (как идейное или культурное течение) лишь предвещает и характеризует те условия, которые нашли своё выражение в постправде.¹³⁷ В частности все попытки привести Фуко в качестве идейного вдохновителя условий постправды можно считать исключительным редукционизмом его концепций до более примитивного релятивизма.¹³⁸ В действительности ключевой переменной, произошедшей в рамках общественного сознания, является «само признание, как в рамках исследования, так и в рамках общественного дискурса, что эмоции имеют значение».¹³⁹ Эмоции всегда имели вес. Однако ключевым становится сам факт признания данной важности. Такой акт признания приводит в действие сдвиг дискурса от дискурса правды (принижающего важность эмоций), на дискурс постправды (учитывающего эмоциональное измерение). Таким

¹³⁴ Braun, K., Dodge, J. Critical policy studies and the politics of post-truth politics / K. Braun, J. Dodge // Critical Policy Studies. - 2018. Vol. 12, № 1. - P. 1.

¹³⁵ d'Ancona, M. Post-Truth: The New War On Truth and How to Fight Back / M. d'Ancona - London: Ebury Press, 2017. – 164 p.

¹³⁶ Aradau, C. Assembling Credibility: Knowledge, Method and Critique in Times of 'Post-truth' / C. Aradau // Security Dialogue. - 2019. Vol. 50, № 1. - P. 40 –58.

¹³⁷ Kalpokas, I. A Political Theory of Post-Truth / I. Kalpokas - Cham: Palgrave Pivot, 2019. – P.104

¹³⁸ Prozorov, S. Why is there truth? Foucault in the age of post-truth politics / S. Prozorov // Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory. - 2019. Vol. 26. - P. 18–30.

¹³⁹ Crilley, R. International relations in the age of 'post-truth' politics / R. Crilley // International Affairs. - 2018. Vol. 94, № 2. – P.419.

образом, постправда пребывает не в сфере «производства» лжи, а в сфере «восприятия».¹⁴⁰ Ложь во всех её видах и формах проявлялась в политике всегда. Изменилось общественное восприятие, сместившееся внимание в область эмоций.¹⁴¹

Исходя из обозначенных предпосылок и сделанных выводов, постправду можно определить, как особые условия меняющихся в дискурсе приоритетов в рамках формируемой *бинарной оппозиции эмоций и фактов* с преобладанием первых над вторыми. Эти изменения обусловлены целым рядом факторов, изменивших социальную жизнь. К ним относятся как *технические предпосылки*, такие, как распространение интернета и новых типов массмедиа, рост использования колоссальных объемов персональных данных пользователей посредством алгоритмов, децентрализация источников информации, так и *социально обусловленный рост недоверия* во всем многообразии своего проявления. Кроме того, эпоху постправды характеризует *меняющееся отношение к эмоциям* со стороны общественности и осознание их важности. Постепенно распространение всех этих феноменов ведёт к проникновению термина и концепции «постправды» как в общественный, так и в научный дискурс. Дальнейшее развитие данной концепции во многом зависит от того, насколько успешно учёным удастся закрепить за термином устойчивое определение до того, как он превратится в политическое клише или штамп. Для этого необходимо искать новые подходы к осмыслению постправды не просто как угрозы, но как среды, в которой находится современный мир.

¹⁴⁰ Wight, C. Post-Truth, Postmodernism and Alternative Facts / C. Wight // New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations. - 2018. Vol. 26, № 3. - P.22.

¹⁴¹ Ibid.

Глава 2: Стрессоустойчивость как новая категория стратегического мышления в европейской политике

За последние четверть века Европейский союз сталкивался со множеством явлений, испытывающих его устойчивость как актора на региональном и глобальном уровне. В конце второго десятилетия XXI века новым вызовом стала политика постправды, проявляющаяся не только на уровне национальных государств, но и на уровне самого интеграционного объединения внутри его институтов и в рамках европейского политического дискурса в целом. Появление и концептуализация постправды как угрозы или вызова демократическому порядку совпало с закреплением в европейском стратегическом мышлении новой категории, именуемой «стрессоустойчивость» (русский перевод понятия «resilience»),^{142,143} представляющей из себя новый подход к практикам управления сообществом и его внешней деятельности. Данная категория видоизменяет положение и понимание любой системы по отношению к предстающим перед ней (и её различными уровнями) вызовам и угрозам. На данный момент стрессоустойчивость стала одним из ключевых понятий для действующей политики ЕС в различных сферах,¹⁴⁴ в том числе и в рамках Глобальной стратегии ЕС,¹⁴⁵ определяющей взаимоотношение ЕС с другими акторами и исходящими извне угрозами. Вследствие этого, стрессоустойчивость позволяет концептуально развить теоретическое осмысление постправды как очередного вызова для ЕС.

В данной главе поставлена задача раскрыть соотношение категории стрессоустойчивости с вызовами, исходящими от политики постправды. Для этого были рассмотрены теоретические основы «стрессоустойчивости», её проникновение в европейский политический дискурс (2.1), а также установлено какие именно аспекты постправды могут относиться к потенциальным вызовам для системы, какое положение эти вызовы занимают по отношению к системе (внешний или внутренний характер) и какие подходы в противодействии им имеются (2.2). В целом, стрессоустойчивость как

¹⁴² Романова, Т. А. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе / Т. А. Романова // Современная Европа. – 2017. Т. 76, № 4. – С. 17-28.

¹⁴³ Гудалов, Н. Н., Тулупов, Д. С. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов / Н. Н. Гудалов, Д. С. Тулупов // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. Т. 88, № 1. – С. 135-147.

¹⁴⁴ Романова, Т. А. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе / Т. А. Романова // Современная Европа. – 2017. Т. 76, № 4. – С. 17-28.

¹⁴⁵ European Union. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe - A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy / European Union - Brussels, 2016. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

междисциплинарное понятие позволяет взглянуть на опасности и перспективы, которые предстают перед системой в условиях негативного воздействия. В случае же с постправдой, концепция стрессоустойчивости дает возможность определить, является ли постправда для системы средой, угрозой или всего лишь риторическим приёмом, а также установить связь системы с другими категориями, которые приписываются постправде, таким как фейковые новости и дезинформация.

2.1 Академическая и политическая интерпретация концепции «стрессоустойчивости»

Стрессоустойчивость - междисциплинарная концепция, приобретающая все большую популярность в широком кругу дисциплин. Она раскрывает и развивает системное видение угроз, позволяет характеризовать стойкость той или иной системы, её способность поглощать изменения, а также структурировать отношения между внешним и внутренним характером угрозы или вызова. Стрессоустойчивость как научное понятие за последние пять десятилетий развития прошла значительный путь трансформаций, закрепившись на данный момент и в социальных науках. Она становится особенно важной, поскольку она доминирует в дискурсе европейской политики в различных сферах, включая противодействие дезинформации.

Первоначально стрессоустойчивость была связана с экологией. Исследователь К. Холлинг противопоставил ее в своей работе 1973 г. понятию стабильности. Он охарактеризовал стрессоустойчивость как «способность... систем справляться с изменениями в переменных состояния (state variables), задающих переменных (driving variables) а также других параметрах, и по-прежнему продолжать своё существование», в результате чего «стрессоустойчивость является свойством системы, а живучесть или вероятность исчезновения – её результат».¹⁴⁶ Иное, более социально-ориентированное определение стрессоустойчивости описывает его как «способность системы поглощать потрясения и реорганизовываться в процессе изменений, сохраняя при этом практически те же самые функции, структуру, идентичность и обратную связь».¹⁴⁷ Благодаря своей универсальности стрессоустойчивость проникла из экологии в социальные науки,

¹⁴⁶ Holling, C. S. Resilience and stability of ecological systems / C.S. Holling // Annual review of ecology and systematics. – 1973. Vol.4, № 1. - P.17

¹⁴⁷ Walker, B., Holling, C. S., Carpenter, S., Kinzig, A. Resilience, adaptability and transformability in social–ecological systems / B. Walker, C. S. Holling, S. Carpenter, A. Kinzig // Ecology and society. – 2004. Vol. 9, № 2. URL: <https://www.ecologyandsociety.org/vol9/iss2/art5/inline.html> (дата обращения: 18.03.2020).

психологию, экономику, антикризисное управление и другие сферы.¹⁴⁸ «Базой для широкого распространения стрессоустойчивости в теории и на практике стали соответствие современному неолиберализму и идея, что стрессоустойчивостью обладает не только природа, но и общество, которое может анализироваться и как часть социо-экологической системы, и как отдельная система».¹⁴⁹

В общем смысле, сама по себе стрессоустойчивость – это качество системы, строящееся на совокупности связанных с ней элементов (угроз, ресурсов, акторов).¹⁵⁰ При каждом случае применения концепции стрессоустойчивости важно определить несколько ключевых параметров анализа: стрессоустойчивость *чего* изучается (какова изучаемая система?), стрессоустойчивость *перед чем* (каковы вызовы и угрозы?) и стрессоустойчивость *для кого* (в чьих интересах?).^{151,152} При этом на концептуальном уровне стрессоустойчивость «прежде всего ориентирована не на анализ угроз, а на изучение ответов системы на вызовы, то есть ресурсов, которые позволяют системе выживать».¹⁵³

Практическая реализация установленных рамок анализа во многом зависит от сферы применения концепции стрессоустойчивости. Но, несмотря на междисциплинарную природу и множественность интерпретации, концепция требует при работе с ней четкого определения ключевых теоретических характеристик стрессоустойчивости. Данные характеристики остаются неизменными вне зависимости от переменных анализа. На сегодняшний день в рамках *политических наук* указываются следующие пять основных аспектов,¹⁵⁴ характеризующих стрессоустойчивость:

- 1) Стрессоустойчивость – имманентная характеристика любой функционирующей системы, без неё система неспособна продолжать своё существование;

¹⁴⁸ Walker, J., Cooper, M. Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation / J. Walker, M. Cooper // Security Dialogue. – 2011. Vol. 42, № 2. – P. 143–160.

¹⁴⁹ Концепция стрессоустойчивости (resilience): рекомендации для России в контексте взаимодействия с Европейским союзом: рабочая тетрадь 55/2019 / Т. А. Романова [и др.]; под ред. И. С. Иванова. – Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2019. – С. 8.

¹⁵⁰ Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – С.12

¹⁵¹ Там же. – С.13

¹⁵² Carpenter, S., Walker, B., Anderies, J.M., Abel, N. From Metaphor to Measurement: Resilience of What to What / S. Carpenter, B. Walker, J.M. Anderies, N. Abel // Ecosystems. – 2001. Vol. 4, № 8. – P. 765–781. ; Johnson, J.L., Zanolini, L., Ma Zhao, Yu, D.J., Johnson, D.R., Kirkham, A., Carothers, C. Interplays of Sustainability, Resilience, Adaptation and Transformation / J.L. Johnson, L. Zanolini, Ma Zhao, D.J. Yu, D.R. Johnson, A. Kirkham, C. Carothers // Handbook of Sustainability and Social Science Research / W. Leal Filho, R.W. Marans, J. Callewaert [et al.]. – Springer, 2018. – P. 3–25.

¹⁵³ Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – С.12

¹⁵⁴ Там же.

- 2) Стрессоустойчивость не связана ни с какими конкретными этическими или нормативными позициями, т.к. является объективным свойством системы (стрессоустойчивость как характеристика не имеет идеологической подоплеки, стрессоустойчивым может оказаться не только положительные (демократия), но и негативные (преступность) свойства системы);
- 3) Акцент на ресурсах, а не на угрозах делает стрессоустойчивость отличной от секьюритизации в академическом смысле;
- 4) В контексте стрессоустойчивости, система выступает одновременно источником и ресурсов, и угроз (неделимость пространства системы на внешнее и внутреннее, также как и угроз);¹⁵⁵
- 5) Наличие множественности уровней системы (и взаимосвязанных подсистем), на которых происходит взаимодействие, а иногда и столкновение практик стрессоустойчивости.

Последним важным аспектом в рамках академического понимания стрессоустойчивости являются различия в видах самой стрессоустойчивости. Начиная с 1970-х годов стрессоустойчивость прошла постепенный путь развития представлений о реакции системы на вызовы и раздражители. Эти представления хорошо отражены в двух классификациях: одна предложена Д. Чендлером и Д. Коффи, а другая Ф.Бурбо.

Классификация Бурбо состоит из трех типов стрессоустойчивости, условно названных моделями «поддержания» (maintenance), «периферийности» (marginality) и «обновления» (renewal).¹⁵⁶ Первый тип стрессоустойчивости («поддержание») «характеризуется адаптацией, при которой ресурсы и энергия будут расходоваться на поддержание статус-кво».¹⁵⁷ В данном случае вызов будет представлен в качестве угрозы в рамках доминирующего дискурса, определяющего саму угрозу как нечто «опасное». По сравнению с данным подходом, следующий тип стрессоустойчивости («периферийность»), делает в концептуальном отношении шаг вперед. На «периферийных» участках каких-либо политических процессов начинается процесс изменений, однако действующая основа политики не оспаривается. В данном случае, сталкиваясь с проблемой, в рамках дискурсивных практик происходят незначительные изменения, при которых, однако, сама «проблема» перестает стоять так остро. Третий же тип стрессоустойчивости,

¹⁵⁵ Chandler, D. Resilience: The Governance of Complexity / D. Chandler – Abingdon: Routledge, 2014. – 270 p.

¹⁵⁶ Bourbeau, P. Resilience, Security and World Politics / P. Bourbeau // The Routledge handbook of International resilience / D. Chandler, J. Coaffee [et al.]. - New York, London: Routledge, 2016. – P. 29.

¹⁵⁷ Ibid.

закрывающийся в «обновлении», «характеризуется реакцией, при которой происходит трансформация основных политических установок и, тем самым, потенциально меняется социальная структура».¹⁵⁸ Данный тип стрессоустойчивости содержит в себе наибольший потенциал для преобразований, которые могут повлечь создание новых политических мер или типов управления.

Другая классификация, предложенная Чендлером и Коффи, фокусируется на различиях в соотношении консерватизма и интерактивности в рамках системы. Чендлер классифицирует стрессоустойчивость также в трех категориях, выраженных в гомеостатическом, аутопоэтическом и «ad hoc» подходах.¹⁵⁹ Гомеостаз в данном контексте вновь означает поддержание статус-кво или «откат назад» (bouncing back) путем «возврата к существовавшему ранее равновесию» и сосредоточения усилий на *внутренних свойствах* общества или системы. Аутопоэтический подход (autopoietic approach) воспринимается как второе поколение стрессоустойчивости, которое нацелено на рост и развитие посредством процесса «саморегуляции». Таким образом, наиболее важной характеристикой становится «постоянное самопреобразование ... связанное со «скачком вперед» (bouncing forward)».¹⁶⁰ Данные «скачки вперед», имеющие целью адаптацию к вызову или угрозе, вызывают качественные преобразования системы. Третий же подход ориентирован в большей степени на субъект в рамках системы, на «развитие стрессоустойчивости на уровне микрополитики (micro-politics, life-politics)».¹⁶¹ В этом контексте стрессоустойчивость создает *вовлеченные и активные сообщества* (engaged communities), в которых любая проблема переосмысливается как нечто стимулирующее и создающее новые возможности.

В целом стрессоустойчивость - это концепция, которая расширяет наше понимание любой социальной динамики перед лицом вызовов и угроз. При этом, как упоминалось ранее, большое значение имеет связь между внешними и внутренними характеристиками какой-либо проблемы. Между ними нет строгого разделения, поскольку они взаимосвязаны. Осознание возможных последствий и побочных эффектов приводит к

¹⁵⁸ Bourbeau, P. Resilience, Security and World Politics / P. Bourbeau // The Routledge handbook of International resilience / D. Chandler, J. Coaffee [et al.]. - New York, London: Routledge, 2016. - P. 29.

¹⁵⁹ Chandler, D., Coaffee, J. Introduction: contested paradigms of international resilience / D. Chandler, J. Coaffee // The Routledge handbook of International resilience / D. Chandler, J. Coaffee [et al.]. - New York, London: Routledge, 2016. - P. 5.

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ Ibid. - P.6.

подходу, при котором «проблемы не всегда рассматриваются как нечто внешнее», а иллюстрируют «наше собственное непонимание или неготовность к переменам...».¹⁶²

Все рассмотренные выше аспекты стрессоустойчивости описывают её *академическую интерпретацию*. В то же время стрессоустойчивость стала привлекательной категорией для *политического управления*, находившегося «в условиях доминирования неолиберальной парадигмы».¹⁶³ В частности, она стала понятием, используемым как в рамках глобального управления, так и регионального.¹⁶⁴ В европейском политическом дискурсе она используется с 1980-х годов. Первыми сферами её применения были экономика и охрана окружающей среды, однако уже с 1990-х гг. начинается применения концепции стрессоустойчивости в отношениях с третьими странами.¹⁶⁵ Кроме того, постепенно, по мере развития самой концепции стрессоустойчивости, начинается её заимствование и в новых сферах. Так в XXI веке понятие «стрессоустойчивость» проникает в сферу информационной безопасности и энергетики ЕС.¹⁶⁶ В целом категория стрессоустойчивости прошла три этапа развития и применения в Европейском экономическом сообществе и его последователе Европейском союзе: «на первом термин «стрессоустойчивость» появляется в различных областях внутренней деятельности ЕЭС и Евросоюза; на втором этапе категория укрепилась в политике развития; на третьем этапе она стала центральной для внешней деятельности ЕС в целом, но также вернулась в обновленном виде в его внутреннюю деятельность».¹⁶⁷

Наиболее активной фазой использования понятия стрессоустойчивости стал третий этап, совпавший со вторым десятилетием XXI века. К этому периоду в ЕС сформировалось два вида применения термина: «первый – для внутренних процессов, главным образом в поддержании стабильного функционирования экономики, обеспечения безопасности информационной инфраструктуры; второй – для развивающихся стран, которым ЕС

¹⁶² Chandler, D., Coaffee, J. Introduction: contested paradigms of international resilience / D. Chandler, J. Coaffee // The Routledge handbook of International resilience / D. Chandler, J. Coaffee [et al.]. - New York, London: Routledge, 2016. – P.4.

¹⁶³ Трещенков, Е. Ю. Стрессоустойчивость в современных дискурсах управления / Е. Ю. Трещенков // Власть. – 2018. № 8. – С.30.

¹⁶⁴ См.: Там же.

¹⁶⁵ Концепция стрессоустойчивости (resilience): рекомендации для России в контексте взаимодействия с Европейским союзом: рабочая тетрадь 55/2019 / Т. А. Романова [и др.]; под ред. И. С. Иванова. - Российский совет по международным делам (РСМД). - М.: НП РСМД, 2019. – С. 16

¹⁶⁶ Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – С. 55-56

¹⁶⁷ Там же. - С. 54

оказывал активную помощь».¹⁶⁸ При этом ещё в 2013 г. в контексте политики развития ЕС принимает основные принципы стрессоустойчивости.¹⁶⁹ К ним относятся «ответственность национального правительства за стрессоустойчивость, совместная работа над стрессоустойчивостью ЕС и стран-членов с учётом национальной специфики, долгосрочность, сотрудничество с международными организациями, учёт национального и регионального контекста, интеграция стрессоустойчивости во все связи ЕС с соответствующими странами, работа с гражданским обществом и местными сообществами партнёров, уважение гендерного равенства».¹⁷⁰

Принципиальным изменением в подходе ЕС к стрессоустойчивости стало принятие новой Глобальной стратегии безопасности в 2016 году.¹⁷¹ В стратегии стрессоустойчивость становится одной из ключевых категорий, она обозначается как «способность государств и сообществ реформироваться, противостоять тем самым и восстанавливаясь от внутренних и внешних кризисов».¹⁷² Исходя из этого определения ЕС ставит себе целью продвижение стрессоустойчивости в ближайших регионах, в то же время акцентируя внимание на том, что стрессоустойчивость как концепция включает в себя не только государства, но и общество (и входящих в него людей). Стрессоустойчивым же при этом может быть только общество, основанное на «демократии, вере в институты, устойчивом развитии» (только такое общество лежит в основе стрессоустойчивого государства).¹⁷³

Таким образом, в рамках Глобальной стратегии происходит становление комплексного образа стрессоустойчивости ЕС, завязанного, с одной стороны, на стрессоустойчивости окружающих стран, а, с другой стороны, на особом внимании к обществу, а не только государству. При этом на передний план выходит ценностный аспект, увязывающий стрессоустойчивость с демократией. Данная связь трансформирует при этом изначальное понимание концепции. «Из аналитической категории стрессоустойчивость становится в ЕС категорией нормативной, и вся дискуссия о ее поддержании смещается на

¹⁶⁸ Романова, Т. А. Категория “стрессоустойчивость” в Европейском союзе / Т. А. Романова // Современная Европа. – 2017. Т. 76, № 4. – С.20

¹⁶⁹ Council of the European Union. Council Conclusions on EU Approach to Resilience - 3241st Foreign Affairs Council meeting, Brussels, 2013, 28 May / Council of the European Union – Brussels, 2013. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/137319.pdf (дата обращения: 14.04.2020).

¹⁷⁰ Цит. по: Романова, Т. А. Категория “стрессоустойчивость” в Европейском союзе / Т. А. Романова // Современная Европа. – 2017. Т. 76, № 4. – С.19

¹⁷¹ European Union. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe - A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy / European Union – Brussels, 2016. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁷² Ibid. – P.23.

¹⁷³ Ibid.

идеологический уровень».¹⁷⁴ Данная связь между нормативным измерением и стрессоустойчивостью показывает, что концепция становится для ЕС политическим инструментом, применяемым во внешней политике для воздействия на третьи страны «за счёт акцентирования способности партнёров интеграционного объединения изменяться (прежде всего за счёт восприятия тех норм, которые Брюссель считает основополагающими)».¹⁷⁵

Расхождение академической и политической интерпретации стрессоустойчивости не ограничивается, однако, лишь нормативным аспектом. Если обратиться к соотношению ресурсов и угроз, указываемых в Глобальной стратегии и конкретизируемым в Совместном сообщении Европейской службы внешних связей и Еврокомиссии по разъяснению категории «стрессоустойчивости»,¹⁷⁶ то виден явный акцент на угрозах, что сближает подход ЕС с процессом секьюритизации.^{177,178} Не конкретизируя средства выработки стрессоустойчивости европейской системы и их взаимодействие, в документах излагаются центральные угрозы для ЕС: гибридные угрозы, кибербезопасность, стратегические коммуникации (в т.ч. дезинформация), экстремизм.^{179,180} Такое явное противопоставление ЕС по отношению к угрозам наделяет их также внешним характером, отделяя их как бы от самой системы и преподнося как внешний раздражитель. Но в случае с большинством из этих угроз, четкое разграничение на внешнее и внутреннее изменение немыслимо в силу неразрывности того пространства, в рамках которого всей системе, в которой находится ЕС и его страны, приходится взаимодействовать (это характерно и для киберугроз, и для дезинформации и т.д.).

¹⁷⁴ Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. — С. 70

¹⁷⁵ Романова, Т. А., Павлова, Е. Б. От гражданской и нормативной силы к стрессоустойчивости? Эволюция идейных основ внешней деятельности ЕС / Т. А. Романова, Е. Б. Павлова // Международные процессы. — 2018. Т. 16, № 2. — С.80.

¹⁷⁶ European Commission. Joint Communication to the European Parliament and the Council *A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action* JOIN(2017) 21 final / European Commission - Brussels, 2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52017JC0021> (дата обращения: 30.03.2020).

¹⁷⁷ Романова, Т. А. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе / Т. А. Романова // Современная Европа. — 2017. Т. 76, № 4. — С.21

¹⁷⁸ Buzan, B., Waever, O., de Wilde, J. *Security: A New Framework for Analysis* / B. Buzan, O. Waever, J. de Wilde - Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. — 239 p.

¹⁷⁹ European Union. *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe - A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy* / European Union - Brussels, 2016. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁸⁰ European Commission. Joint Communication to the European Parliament and the Council *A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action* JOIN(2017) 21 final / European Commission - Brussels, 2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52017JC0021> (дата обращения: 30.03.2020).

Таким образом, Европейский союз на сегодняшний день наглядно демонстрирует практическую реализацию термина «стрессоустойчивость» в своем политическом дискурсе. За более чем три десятилетия термин интегрировался в стратегическое мышление европейских институтов. В то же время, современное использование в политической практике термина «стрессоустойчивость» меняет его свойства с академической точки зрения, превращая концепцию в политический инструмент. Процесс наделяния стрессоустойчивости нормативными свойствами, а также процесс секьюритизации угроз вызывают деформацию изначального смысла понятия. Тем не менее академическая сторона стрессоустойчивости позволяет рассматривать процессы противодействия угрозам в ЕС с системной точки зрения, определяя ресурсы и уровни противодействия, которыми система обладает.

2.2 Сопоставимость категории «стрессоустойчивости» с явлениями эпохи постправды: адаптивная и патерналистская парадигмы противодействия

Междисциплинарность «постправды» как концепции позволяет обратиться к стрессоустойчивости как полезному инструменту в анализе её системного влияния. Закрепившись в научном и общественном дискурсе, постправда тем не менее сохраняет неопределенность о своем статусе в рамках общественного пространства. Вопрос о статусе заключается в определении места постправды по отношению к сложившейся системе общественно-политических отношений в Европе. Теория стрессоустойчивости дает в этом отношении полезную перспективу на проблематику, позволяя интерпретировать постправду как системное явление, отдельные аспекты которого возводятся до уровня угрозы. В данном случае необходимо проанализировать постправду через обозначенные ранее теоретические постулаты стрессоустойчивости, чтобы конкретизировать влияние постправды на европейский дискурс и практику.

Начать стоит с деконструкции постправды, выделяя ключевую дихотомию: фактов и эмоций.¹⁸¹ Сама дихотомия кроит в себе переплетенную систему отношений между социальными категориями «правды» и «неправды/лжи», а также «рациональности» и «эмоциональности». Условная связь в рамках дискурса правды с рациональностью и лжи с эмоциональностью вызывает логический тупик для исследований, перенося все вопросы с

¹⁸¹ Durnová, A. Unpacking emotional contexts of post-truth / A. Durnová // Critical Policy Studies. - 2019. Vol. 13, № 4. - P.448 ; Durnová, A. Understanding Emotions in Post-Factual Politics: Negotiating Truth / A. Durnová - Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. – 192 p.

возможностей противостояния постправде (т.е. стрессоустойчивости и ресурсов) на дебаты о философском релятивизме и относительности категории правды и рациональности. Альтернативой является изменение отношения к выстраиванию связей между «правдой» и «эмоциями». Если исходить из понимания постправды И. Калпокасом,¹⁸² приведенного в первой главе работы, то можно установить, что *важным является не сама категория правды, а её инструментализация через эмоциональную аффилиацию человека с утверждением, становящимся для него правдивым*. Происходит это в силу уже рассмотренной «ограниченной рациональности»¹⁸³ индивидов в рамках общественных интеракций, делающей иррациональность неизменной составляющей общественных отношений и общественного дискурса. Таким образом, выделяя процесс эмоциональной аффилиации человека в качестве имманентного в системе общественных отношений, *эмоциональность или «ограниченная рациональность» становится системным свойством*, исходя из которого выстраивается дальнейшее восприятие вызовов, происходящих от феномена постправды и той среды, которая с ней распространяется. *Вызовы же проистекают из инструментализации «правды», выражающейся в различных типах дезинформации, фейковых новостях и других формах лжи*.

В то же время, несмотря на прямую связь фейковой информации с постправдой, присутствуют концептуальные сложности в понимании, что именно она из себя представляют. Сама по себе категория включает в себя перечень терминов: *дезинформация, фейковые новости, пропаганда, стратегические коммуникации* и т.д.¹⁸⁴ Все они относятся к области информационного воздействия, однако имеют определенную разницу в коннотациях. В то же время наиболее актуальным из них с точки зрения дискурсивных практик является понятие «фейковые новости». Оно комбинирует в себе обусловленную средой новизну феномена с устоявшимся пониманием информационного воздействия. Вместе с тем, понятие «новости» в данном термине сужает его понимание, политизирует

¹⁸² Kalpokas, I. A Political Theory of Post-Truth / I. Kalpokas - Cham: Palgrave Pivot, 2019. – 135 p.

¹⁸³ Kahneman, D. Thinking, fast and slow / D. Kahneman - London: Macmillan, 2011. – 512 p..

¹⁸⁴ Колотаев, Ю. Ю. Фейковые новости, дезинформация и стратегические коммуникации-ключевые категории в отношениях между Европейским союзом и Россией в условиях постправды. Внешние угрозы и внутренние вызовы / Ю. Ю. Колотаев // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. Сборник работ VII международной студенческой научной конференции (29 марта 2019 г., Санкт-Петербург). / Санкт-Петербургский государственный университет; ред. Е.М. Скворцова, К.А. Коновалова, Е.Н. Данилова, Е.В. Смирнов, Д.О. Матяшова. - СПб.: Скифия-принт, 2019. — 456 с. - С. 431-438.

его,¹⁸⁵ отчего целесообразнее использовать расширенную версию понятия - фейковая информация.

В академической среде отмечается вариативность подходов к пониманию фейков и дезинформации. Так фейковые новости могут подразумевать целый спектр действий, распределенный в 3 измерениях: степени правдивости, намерениях, роли аудитории.¹⁸⁶ Основываясь на соотношении данных измерений выделяется до 10 их разновидностей, включающих, среди прочего, «кликбейты», разного рода сатиру, информацию, вводящую в заблуждение содержанием, недостоверный контент, сообщения с подложным контекстом, манипулирование фактами, дезинформацию и т.д..¹⁸⁷ Существуют и альтернативные классификации фейков и дезинформации.¹⁸⁸

В то же время постправда – проблема, связанная не только с искажением правды. Рост значения эмоциональности в дискурсе влияет и на формирование других угроз. Так в качестве угрозы выступает и такое явление как «риторика ненависти», не являющейся формой дезинформации, но проявляющейся в качестве разновидности лжи, связанной с повышенной эмоциональностью дискурса и его проявлением в социальных сетях. Риторика ненависти – «проявление радикализма в высказываниях (личных, политических, религиозных, национальных, культурных, эстетических, научных и т.п.), использование оскорблений и выражение своего крайне негативного отношения к оппоненту с использованием аргументов к личности».¹⁸⁹ В то же время, как и сама ложь, риторика ненависти - явление неновое, которое, однако, меняет свои черты в новой информационной среде из-за «появления неуправляемых процессов в коммуникационной среде высокой плотности».¹⁹⁰ Зачастую она становится синонимом оскорблениям и частью той повестки, которая царит в информационном пространстве последних лет. Это понятие расширяет круг угроз, воздействующих на систему общественных отношений и выстраивает более

¹⁸⁵ European Commission. A multi-dimensional approach to disinformation *Report of the independent High Level group on fake news and online disinformation* / European Commission - Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. – 40 p.

¹⁸⁶ Tandoc Jr., E.C., Lim, Z.W., Ling, R. Defining “Fake News” / E.C. Tandoc Jr., Z.W. Lim, R. Ling // *Digital Journalism*. – 2018. Vol. 6, № 2. - P. 137-153.

¹⁸⁷ Farte, G. I., Obada, D. R. Reactive Public Relations Strategies for Managing Fake News in the Online Environment / G. I. Farte, D.R. Obada // *Postmodern Openings*. – 2018. Vol. 9, № 2. - P. 26-44.

¹⁸⁸ Rozgonyi, K. The Impact of the Information Disorder (Disinformation) on Elections / K. Rozgonyi – Strasbourg: European Commission for Democracy Through Law (Venice Commission), 26.11.2018. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-LA\(2018\)002-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-LA(2018)002-e) (дата обращения: 14.03.2020). ; Vasu, N., Ang, B., Teo, T. A., Jayakumar, S., Raizal, M., Ahuja, J. Fake news: National security in the post-truth era / N. Vasu, B. Ang, T. A. Teo, S. Jayakumar, M. Raizal, J. Ahuja - Singapore: RSIS, 2018. – 32 p.

¹⁸⁹ Винник, Д. В. Социальная феноменология цифровой эпохи: риторика ненависти, анонимусы, копирайт и полицейский надзор / Д. В. Винник // *Философия образования*. - 2013. Т. 51, № 6. - С. 169

¹⁹⁰ Там же. - С.171.

комплексное видение постправды, не ограничивая его до категории фейковой информации. В то же время важно отметить, что при распространении риторики ненависти присутствует такая же инструментализация эмоционально привлекательных утверждений, но с акцентом на ненависть, в рамках которой доказательность не играет никакой роли.

Таким образом, фейковые новости и риторика ненависти формируют основные угрозы, проистекающие из феномена постправды. Исходя из теоретических предпосылок стрессоустойчивости, важно понять, что обе угрозы носят внутрисистемный характер, даже в случае, когда источником в буквальном смысле выступает актер, напрямую не встроенный в общественно-политическую среду («внешний актер»). В контексте постправды такой актер, производящий угрозу, находится внутри системы в силу единства разделяемого всеми игроками информационного пространства (выраженного в интернете), рождающего как угрозы, так и ресурсы для их преодоления. Итак, вне зависимости от природы стороны, распространяющей фейки или культивирующей риторику ненависти, важно учитывать, что постправда (и связанные с ней явления) не должна восприниматься как внешняя опасность, которую можно предотвратить с помощью, к примеру, ограничений и попыток контроля. Главный ресурс, который может быть использован для выработки стрессоустойчивости в данном контексте находится внутри самой системы (общества), посредством самотрансформации и обращения к практикам всех уровней системы.

Исходя из данного соотношения ресурсов и угроз возникает необходимость поиска возможных подходов к противодействию фейковой информации. Ранние исследования постправды изначально задавались вопросом о возможности и способах развития стрессоустойчивости людей к воздействию со стороны постправды.¹⁹¹ Изучение в рамках дальнейших исследований практики последних лет продемонстрировало, что можно выделить две модели, реализуемые в борьбе с фейками - патерналистскую и адаптивную.¹⁹² Эти модели соответствуют различным парадигмам стрессоустойчивости.

Первая модель является *патерналистской*. Основным её свойством является приверженность принципу «отката назад» (bouncing back), иначе говоря гомеостатичности или нормализации. Ключевая характеристика принципа – стремление вернуться к предыдущему состоянию системы, акцентируя внимание на внутренних ресурсах

¹⁹¹ Lewandowsky, S., Ecker, U. K. H., Cook, J. Beyond misinformation: Understanding and coping with the “post-truth” era / S. Lewandowsky, U. K. H. Ecker, J. Cook // Journal of applied research in memory and cognition. – 2017. Vol. 6, № 4. – P.364

¹⁹² Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – С.93-95

сообщества, наделяя угрозу внешним характером. Некоторые исследователи связывают его с «превентивным» или «предупредительным» (*precautionary*) подходом к риску, фокусирующемся на неустойчивости и хрупкости мира.¹⁹³ Этот подход соответствует первой волне в истории развитии стрессоустойчивости. Основными формами противодействия здесь являются ограничительные меры, нормативное регулирование, институциональное вмешательство,^{194,195} а также контр-пропаганда/контр-нарратива.^{196,197} Такая модель противоречит обозначенному выше видению неразделимости угрозы и системы. Тем не менее данный подход осуществляется на практике, прежде всего на национальном уровне.

Вторая модель появилась вследствие развития имеющихся подходов к управлению рисками, она связана с аутопоэзисом или саморегуляцией и называется *адаптивной*. К основному её свойству относится способность совершить «скачек вперед» (*bounce forward*) посредством эволюции социальной системы на новую ступень стрессоустойчивости. В рамках данного подхода основной фокус смещается с непосредственного ответа на угрозу на развитие механизмов адаптации к угрозе, при помощи которых возможно сдерживание влияния угрозы. Таким образом, происходит переход сообществ на качественно новый уровень сосуществования с угрозой. Такой подход считается «проактивным» (*proactionary*), т.е. воспринимающим риск в качестве возможности для развития.¹⁹⁸ Ключевые формы противодействия, таким образом, основываются на логике приспособления к угрозе, суть которой в практическом выражении «состоит в обучении индивидов тому, как отделять ложную информацию от истинной, а также в комплексе добровольных практик общества и бизнеса, не ограничивающих свободу информации».¹⁹⁹

¹⁹³ Fuller, S. Post-truth: Knowledge as a power game / S. Fuller - London: Anthem Press, 2018. – P.169

¹⁹⁴ Yatid, M. M. Truth Tampering Through Social Media: Malaysia's Approach in Fighting Disinformation & Misinformation / M. M. Yatid // IKAT: The Indonesian Journal of Southeast Asian Studies. – 2019. Vol. 2, № 2. - P. 203-230.

¹⁹⁵ Hacıyakupoglu, G., Hui, J. Y., Suguna, V. S., Leong, D., Rahman, M. F. B. A. Countering fake news: A survey of recent global initiatives / G. Hacıyakupoglu, J. Y. Hui, V. S. Suguna, D. Leong, M. F. B. A. Rahman - Singapore: RSIS, 2018. – 22 p.

¹⁹⁶ Walker, V. S. Crafting Resilient State Narratives In Post Truth Environments: Ukraine And Georgia / V. S. Walker - ACPD, 2017. - P. 86.

¹⁹⁷ Baade, B. Fake News and International Law / B. Baade // European Journal of International Law. – 2018. Vol. 29, № 4. - P. 1357-1376.

¹⁹⁸ Walker, V. S. Crafting Resilient State Narratives In Post Truth Environments: Ukraine And Georgia / V. S. Walker - ACPD, 2017. - P. 86.

¹⁹⁹ Концепция стрессоустойчивости (resilience): рекомендации для России в контексте взаимодействия с Европейским союзом: рабочая тетрадь 55/2019 / Т. А. Романова [и др.]; под ред. И. С. Иванова. - Российский совет по международным делам (РСМД). - М.: НП РСМД, 2019. – С. 22.

Основой такого подхода становится способствование развитию критического мышления,²⁰⁰ цифровой грамотности и «фактчекинга».²⁰¹ Не менее важным является повышение ответственности социальных сетей и других медиа, требующих выработки механизмов саморегуляции.²⁰² Данный подход в большей степени соответствует современному академическому восприятию стрессоустойчивости общественной системы.

Оба подхода находят свое практическое выражение на всех уровнях системы. В рамках данного исследования ключевыми для анализа выступают наднациональный и национальный уровни европейской системы. Однако, исходя из логики единства самой системы, важно понимать, что практика выработки и реализации стрессоустойчивости реализуется и на локальном уровне, где она обретает непосредственное воплощение в действиях индивидов. Национальный и наднациональный уровень при этом задают общую повестку при акценте на тех ресурсах, которыми обладает сообщество, чтобы противостоять угрозе, выполняя тем самым мобилизующую и целеполагающую функции.

В то же время встает вопрос, каким образом измерить градус стрессоустойчивости и эффективность применяемых мер. Каковы те ресурсы, на которые важнее всего акцентировать внимание в рамках стрессоустойчивости к информационному воздействию? Институт Открытого общества в Софии предлагает измерять стрессоустойчивость к постправде по таким показателям как *свобода массовой информации* (свобода печати), *образование* (уровень образованности населения), *доверие* (уровень политизированности общества) и *новые формы вовлечения граждан в общественно-политическую жизнь* (электронное участие).^{203,204} Данная система является на данный момент одной из немногочисленных, стремящихся дать оценку стрессоустойчивости общества к угрозе. Однако нельзя не отметить нормативность представленной градации индикаторов. Свобода

²⁰⁰ Niklewicz, K. Weeding out Fake News: An Approach to Social Media Regulation / K. Niklewicz – Brussels: Wilfried Martens Centre for European Studies, 2017. – 66 p. ; Drums: Distortions, Rumours, Untruths, Misinformation, and Smears / V. Norman, J. Shashi, A. Benjamin [et al.]. - World Scientific, 2018. – 200 p.

²⁰¹ Burkhardt, J. M. Combating Fake News in the Digital Age / J. M. Burkhardt // Library Technology Reports. – 2017. Vol. 53, № 8. – P. 5-9. ; Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. – 312 с.

²⁰² Levi, L. Real Fake News and Fake Fake News / L. Levi // First Amendment Law Review. - 2018. Vol. 16. - P. 223–327. ; Alemanno, A. How to Counter Fake News? A Taxonomy of Anti-Fake News Approaches / A. Alemanno // European Journal of Risk Regulation. - 2018. Vol. 9, № 1. -P. 1–5.

²⁰³ Lessenski, M. Common Sense Wanted: Resilience to ‘Post-Truth’ and its Predictors in the New Media Literacy Index 2018 / M. Lessenski - Open Society Institute. - Sofia, 2018. URL: https://osis.bg/wp-content/uploads/2018/04/MediaLiteracyIndex2018_publishENG.pdf (дата обращения: 14.03.2020).

²⁰⁴ Lessenski, M. Just think about it. Findings of the Media Literacy Index 2019 / M. Lessenski - Open Society Institute. - Sofia, 2019. URL: https://osis.bg/wp-content/uploads/2019/11/MediaLiteracyIndex2019_-ENG.pdf (дата обращения: 14.03.2020).

массмедиа занимает 40% от итогового показателя, основываясь при этом на данных неправительственных организаций. Тем не менее важность другого индикатора, а именно образования, подчеркивается и в рамках других исследований,²⁰⁵ и в рамках деятельности организаций.²⁰⁶ Таким образом, представленные индикаторы пока не являются исчерпывающими, но задают вектор для дальнейших размышлений об оценке и квантификации общественной стрессоустойчивости. Для этого немаловажную роль играет анализ наиболее актуальных и последних примеров противодействия постправде в Европе, а также последствия её влияния на общественные процессы, в частности на процесс выборов.

Итак, подводя итог анализу вопросов стрессоустойчивости общественной системы через призму связанных с постправдой вызовов, следует выделить процесс эмоциональной аффилиации человека в качестве имманентного свойства системы общественных отношений, из которого проистекает инструментализация «правды» и связанные с ней угрозы. Таким образом, стрессоустойчивость как научная теория позволяет установить ключевые характеристики постправды. Постправда выступает в рамках данной логики средой, имеющей внутренний характер для системы, проистекающий из единства информационной среды, вне зависимости от того что или кто является источником угрозы. Угрозами в рамках системы видятся прежде всего фейковая информация и риторика ненависти, противодействие которым породило два подхода, соответствующих разным парадигмам стрессоустойчивости. Патерналистский метод завязан на ограничительных мерах с целью поддержания внутреннего баланса системы и блокирования негативного воздействия. Адаптивный же подход стремиться использовать вызовы, совместно с ресурсами самой системы для процесса трансформации и адаптации к угрозе. Обе стратегии принимаются на всех уровнях системы от наднационального до локального. Несмотря на имеющиеся ограничения в оценке стрессоустойчивости, существует консенсус относительно важности образования (а также самого образовательного процесса) и в качестве меры по противодействию постправде, и в качестве индикатора стрессоустойчивости. Дальнейшая же разработка критериев оценки и индикаторов стрессоустойчивости к постправде возможна лишь при детальном анализе опыта последних лет.

²⁰⁵ Hossová, M. Fake News and Disinformation: Phenomenons of Post-Factual Society / M. Hossová [et al.]. // Media Literacy and Academic Research. - 2018. Vol. 1, № 2. - P. 34.

²⁰⁶ Media Literacy and Common Sense in the EU // EAVI - European Association for Viewers Interests. - 16.01.2019. URL: <https://eavi.eu/media-literacy-and-common-sense-in-the-eu/> (дата обращения: 18.04.2020).

Глава 3: Постправда как вызов для европейских институтов на наднациональном уровне (выработка наднациональной стрессоустойчивости перед выборами в Европейский парламент 2019 г.)

Проблема распространения политики постправды затронула Европу на всех уровнях региональной системы. Активное обсуждение в общественном пространстве, а также наглядные примеры последних лет привели к осознанию насущности проблемы фейковой информации как на самом низком локальном уровне, так и на уровне Европейского союза. Феномен постправды в европейском контексте приобрел запутанный характер, строящийся на соотношении таких явлений, как рост популизма, угроза информационного вмешательства в выборы и проблема дезинформации в информационной среде. Следствием стало развитие различных подходов к противодействию феноменам, связанным с постправдой. Во многом эти подходы сопряжены с методами, рассмотренными в рамках концепции стрессоустойчивости. В то же самое время в Европе на наднациональном уровне были допущены некоторые неточности в определении характера угрозы, мешающие полноценному системному ответу на проявляющиеся вызовы.

Данный раздел работы посвящен анализу процесса закрепления постправды и различных её инструментов в качестве вызова и угрозы для системы на наднациональном уровне и попыткам найти на них ответ со стороны институтов ЕС. Ключевым событием, задающим контекст процессу разработки стратегии противодействия фейкам и дезинформации, становятся выборы в Европейский парламент в 2019 г. Наднациональный уровень становится одним из двух наиболее важных в контексте укрепления стрессоустойчивости европейских институтов по отношению к постправде. Основное внимание обращено к тем ресурсам, которые мобилизует Евросоюз, а также тому соотношению между внешним и внутренним характером угрозы, которое выстраивает ЕС.

3.1 Концептуальные сложности в развитии современного подхода Европейского союза к проблеме распространения политики постправды

Европейская политическая повестка в области информационного влияния на сегодняшний день обусловлена существованием в ней трёх основных проблем. Первая проблема проистекает из логики демократических откатов в периоды кризисов и формирования более чётких разделительных линий между «народом» и «элитой». В

современной Европе она приобрела выражение в «новой волне популизма».²⁰⁷ Отмеченное ещё в первой главе недоверие общественности к существующим институтам спровоцировало как само распространение постправды, так и изменение дискурсивной среды в сторону преобладания агрессии и оценочных суждений над принятыми в обществе нормами и фактами. Такая среда взаимосвязана со второй проблемой, которую затрагивает постправда. Прежде всего имеется в виду угроза институту выборов в европейских странах, а также вмешательство в него. Популистская волна поставила большое количество непростых вопросов как перед избирателями множества стран, так и перед политиками. Для существующего порядка возникла опасность (демократического) избрания сил, придерживающихся точки зрения доминирующего неолиберального дискурса недемократических позиций.²⁰⁸ С другой же стороны, помимо внутренней угрозы для выборов, европейские страны и сам ЕС активно продвигают повестку появления угрозы внешнего вмешательства в избирательный процесс.²⁰⁹ Здесь появляется и третья проблема, определяющая европейскую реальность в информационной сфере – угроза со стороны фейковой информации, дезинформации и стратегической коммуникации (то, что было ранее названо инструментализированной правдой в контексте ограниченной рациональности индивидов). Такая угроза, с точки зрения институтов ЕС, может произтекать преимущественно от третьих стран, прежде всего по восточные границы союза. В то же время остаётся неясной оценка угрозы «внутренних» фейков со стороны европейских институтов. Для прояснения соотношения данных трёх проблем стоит обратиться к анализу политического дискурса на наднациональном уровне и соотношению его с ключевыми положениями концепции стрессоустойчивости.

Ключевым звеном между тремя обозначенными выше проблемами является уязвимость института выборов. Именно выборы становятся одним из наиболее подверженных опасности институтов в рамках эмоциональной и агрессивной информационной среды, ведь любая информация может иметь в контексте выборов потенциальное влияние.²¹⁰ С точки зрения теории стрессоустойчивости, именно *выборы*

²⁰⁷ Шибкова, М. О. Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий / М. О. Шибкова // Современная Европа. – 2019. Т. 89, № 4. – С. 124

²⁰⁸ Galston, W. A. The populist challenge to liberal democracy / W. A. Galston // Journal of Democracy. - 2018. Vol. 29, № 2. - P. 11.

²⁰⁹ EU to take action against fake news and foreign electoral interference // European Parliament, Press room. - 10.10.2019. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20191007IPR63550/eu-to-take-action-against-fake-news-and-foreign-electoral-interference> (дата обращения: 15.04.2020).

²¹⁰ Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – С.93.

являются ответом на вопрос, стрессоустойчивость чего должна быть обеспечена в контексте текущей политической повестки. Вторым же параметром выступает вопрос, *перед чем* должна быть обеспечена стрессоустойчивость. Исходя из сложившейся среды, наиболее оправданным могла бы стать политика постправды, однако в европейском дискурсе напрямую в публичных выступлениях она использовалась на данный момент редко. Одним из немногочисленных примеров её использования стали слова Дональда Туска, бывшего Председателя Европейского совета, заявившего, что «постфактологическая реальность и политика постправды представляют из себя большое испытание по обе стороны Атлантики».²¹¹ Несмотря на явную артикуляцию угрозы со стороны постправды, утверждение не даёт никакого чёткого представления, в чём именно заключается угроза. Таким образом, акцент анализа угрозы автоматически смещается на основные инструменты постправды – фейковые новости и дезинформацию, нашедшие в политическом дискурсе более явное отражение.

Восприятие фейков и дезинформации в качестве угрозы появилось в европейской повестке дня в середине прошлого десятилетия и за последние несколько лет успело пройти определённую эволюцию. В то же время, артикуляция фейковой информации в европейской политике в качестве угрозы имеет два весьма противоречивых измерения. Одно из измерений обусловлено концептуальной путаницей связанных с постправдой понятий (фейковые новости, дезинформация и стратегические коммуникации) и их употребление в европейской практике. Европейский союз постепенно менял своё понимание природы фейковой информации. В самом начале украинского кризиса в 2014-2015 гг. основной категорией, используемой чиновниками ЕС, были *пропаганда* или *стратегические коммуникации*. Наиболее характерным примером здесь служит Резолюция Европейского парламента «О Стратегических коммуникациях ЕС как мерах противодействия пропаганде со стороны третьих сторон».²¹² В дальнейшем, в 2016 году, центральной категорией стало определение ложной информации в виде *фейковых новостей*, целью которых является дестабилизация процесса выборов. Это совпало с ранними шагами ЕС по предотвращению фейковых новостей,²¹³ а так же актуальностью повестки информационного вмешательства в выборы (на фоне скандала вокруг выборов

²¹¹ Tusk, D. The battle for CETA was highly emotional / D. Tusk // Twitter. - October 30, 2016. URL: <https://twitter.com/eucopresident/status/792717582524674048> (дата обращения: 30.10.2019).

²¹² European Parliament resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)) // OJ C 224. – 2018. - P. 58–67.

²¹³ Tackling online disinformation // European Commission, Shaping Europe's digital future. - Policies. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/tackling-online-disinformation> (дата обращения: 23.02.2020).

Президента США). Однако в начале 2018 года происходит ещё один сдвиг в лексическом аппарате документов ЕС. Понятие «фейковые новости» заменяется на определение «дезинформация». Поводом послужил отчёт Группы экспертов высокого уровня по фейковым новостям и дезинформации.²¹⁴ В целом, было две причины, по которым ЕС отошёл от термина «фейковые новости»: первой являлась политизация термина, второй – его неясность и ограниченность.

В итоге, именно «дезинформация» становится главной концепцией и термином в каждом новом документе и стратегии противодействия угрозе фейковой информации. В то же время в общественном дискурсе закрепляются все три термина, встречающиеся в документах ЕС на разных этапах, что приводит к категориальной путанице в политике.²¹⁵ Однако размытие проблемы ложной информации в рамках множественности терминов является лишь одним из обозначенных измерений.

Наиболее же важным является измерение, связанное с вопросом, относится ли фейковая информация к внесистемным угрозам или внутрисистемным. С точки зрения концепции стрессоустойчивости было бы некорректно обозначать фейки в качестве внешней угрозы, в силу названных во второй главе причин (прежде всего из-за неделимости и открытости информационной среды системы, где невозможно чёткое разграничение внешних и внутренних угроз и ресурсов). Однако теоретические параметры стрессоустойчивости не всегда применимы к категориям общественного дискурса, в рамках которого возможен процесс секьюритизации проблемы. Таким образом, в Европейском союзе на возникающее противоречие появляется два возможных ответа.

Первый из них сводится к тому, что главной причиной распространения дезинформационного и эмоционально привлекательного ложного контента является внутренняя угроза популизма. Популистский дискурс способствует созданию аффективных высказываний или контента, что позволяет популистским политическим группам получить большее влияние. Жан-Клод Юнкер, бывший Председатель Европейской комиссии, перед выборами в Европейский парламент выразил опасение по поводу распространения

²¹⁴ European Commission. A multi-dimensional approach to disinformation *Report of the independent High Level group on fake news and online disinformation* / European Commission - Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. – 40 p.

²¹⁵ См.: Колотаев, Ю. Ю. Фейковые новости, дезинформация и стратегические коммуникации-ключевые категории в отношениях между Европейским союзом и Россией в условиях постправды. Внешние угрозы и внутренние вызовы / Ю. Ю. Колотаев // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. Сборник работ VII международной студенческой научной конференции (29 марта 2019 г., Санкт-Петербург). / Санкт-Петербургский государственный университет; ред. Е.М. Скворцова, К.А. Коновалова, Е.Н. Данилова, Е.В. Смирнов, Д.О. Матяшова. - СПб.: Скифия-принт, 2019. — 456 с. - С. 434.

фальшивых новостей внутри каждой из стран. В апреле 2019 года он заявил: «Я вижу попытку фальсификации выборов в Европейский парламент. Это происходит с нескольких сторон, и не только из-за пределов ЕС. Государства внутри ЕС также стремятся направить волю избирателей в определенном направлении с помощью фейковых новостей».²¹⁶ Аналогичное сообщение было сделано Рамоном Луисом Валькарселем Сисо, бывшим Вице-председателем Европейского парламента, который подчеркнул необходимость решительных мер, направленных на то, чтобы «антидемократы не побеждали у избирательных урн» из-за «раскола, посеянного популистами и националистами при помощи дискурса ненависти, лжи, полуправд и доказанной лжи».²¹⁷

Противоположная точка зрения фокусируется на внешних характеристиках дезинформации. Эта точка зрения была концептуализирована в уже упомянутой Резолюции Европейского парламента о стратегических коммуникациях ЕС.²¹⁸ В данном документе основным источником фальшивых новостей воспринимается Россия, выводя, таким образом, на внешнее положение угрозу фейковых новостей и дезинформации по отношению к общественной системе. В своём заявлении о разработанном Плате действий по борьбе с дезинформацией²¹⁹ Андрус Ансип, бывший Заместитель Председателя Европейской комиссии и еврокомиссар по единому цифровому рынку, подчеркнул, что «существуют убедительные доказательства того, что Россия является первоисточником дезинформации в Европе»,²²⁰ считая, что «дезинформация является частью военной доктрины России и её стратегии дробления и ослабления Запада».²²¹ Такое же отношение можно отметить в заявлениях Федерики Могерини, бывшего Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности. На пресс-конференции после заседания Совета по иностранным делам Европейского союза в 2018 году она отметила

²¹⁶ EU's Juncker: there is still a risk of no-deal Brexit despite delay / F. Y. Chee // Reuters. – 20.04.2019. URL: <https://uk.reuters.com/article/uk-britain-eu-juncker/eus-juncker-there-is-still-a-risk-of-no-deal-brexit-despite-delay-idUKKCNI1RV1B5> (дата обращения: 15.04.2020).

²¹⁷ EU vs Fake News: The truth about Brussels' fight against disinformation / M. Williams // Channel 4. – 18.12.2018. URL: <https://www.channel4.com/news/eu-vs-fake-news-the-truth-about-brussels-fight-against-disinformation> (дата обращения: 15.04.2020).

²¹⁸ European Parliament resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)) // OJ C 224. – 2018. - P. 58–67.

²¹⁹ European Commission. Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions *Action Plan against Disinformation* JOIN(2018) 36 final / European Commission – Brussels, 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/eu-communication-disinformation-euco-05122018_en.pdf (дата обращения: 16.04.2020).

²²⁰ Statement by Vice-President Ansip on the action plan to counter disinformation and progress achieved so far (press conference) / European Commission – December 5, 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2014-2019/ansip/announcements/statement-vice-president-ansip-action-plan-counter-disinformation-and-progress-achieved-so-far-press_en (дата обращения: 21.11.2019).

²²¹ Ibid.

«проблематичное поведение России во многих различных областях»,²²² подчеркнув, что «области спорного поведения России включают в себя ... деятельность по дезинформированию, вмешательству во внутренние дела, осуществлению гибридных угроз, злонамеренной кибер-деятельности...».²²³

Анализ применённых ЕС практик по противодействию постправде (проведённый во второй части главы) показывает, что на данный момент баланс между данными двумя подходами к дезинформации склоняется ко второму подходу. Особенно хорошо данная позиция прослеживается в Плане действий против дезинформации,²²⁴ являющимся основным документом ЕС на данный момент в сфере борьбы с дезинформацией и закрепляющим угрозу лишь в форме внешнего вмешательства в электоральные процессы стран ЕС.

Таким образом, несмотря на прослеживающееся мнение относительно возможной опасности фейковых новостей, создаваемых различными радикальными политическими группами внутри ЕС, основное внимание уделяется лишь внешнему аспекту постправды. В связи с этим сам термин «постправда» становится частью лишь академических дискуссий, исчезая при этом из политического дискурса в Европе. Эта диспропорция в восприятии внешнего и внутреннего аспекта постправды приводит к искажённому пониманию того, как развить стрессоустойчивость к нему.

В итоге, два спорных явления характеризуют европейский подход к проблеме дезинформации. Разделение фейков на внутренние и внешние дополняется колебаниями между используемыми терминами. Данная путаница мешает внятно ответить на вопрос, перед чем ЕС обязан выработать стрессоустойчивость. В сущности же, с точки зрения концепции стрессоустойчивости и внешняя угроза дезинформации, и внутренняя угроза фейковой информации от популистов являются частью единой системы (стоящей перед указанными в начале раздела тремя связанными проблемами). Система сама является источником своих угроз, и решением может служить лишь обращение к собственным ресурсам через адаптацию к информационным угрозам в целом, а не по отдельности.

²²² Remarks by HR/VP Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council / European External Action Service - Luxembourg, April 16, 2018. URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighbourhood-policy-enp/42996/remarks-hrvp-mogherini-press-conference-following-foreign-affairs-council_en (дата обращения: 22.11.2019).

²²³ Ibid.

²²⁴ European Commission. Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions *Action Plan against Disinformation* JOIN(2018) 36 final / European Commission – Brussels, 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/eu-communication-disinformation-euco-05122018_en.pdf (дата обращения: 16.04.2020).

Несмотря на то, что ЕС на данный момент не принял для себя в рамках политического дискурса данного единства угроз и ресурсов (в контексте фейков), он, тем не менее, стремится обеспечить стрессоустойчивость общественности, по крайней мере к внешним аспектам постправды. Данный опыт по своей природе также не однороден и в целом соотносим с адаптивной и патерналистской стратегией противодействия дезинформации. При этом в практическом выражении оба подхода комбинируются, о чём свидетельствует деятельность ЕС в преддверии выборов в Европейский парламент 2019 г.

3.2 Подготовка к выборам в Европейский парламент 2019 г. как пример комбинированной стратегии противодействия негативному влиянию политики постправды

Вопрос противодействия негативному информационному влиянию извне встал в Европейской повестке дня за несколько лет до появления в политическом дискурсе понятия «постправда». Он был поднят задолго до выборов в Европейский парламент 2019 г. в силу внешних обстоятельств. «Триггером борьбы с дезинформацией в ЕС стали события 2014 г. Они стимулировали Европарламент принять резолюцию по Украине, где был прописан призыв избегать пропаганды, ненавистнических высказываний и риторики, в том числе из России, которые могут усугубить конфликт».²²⁵ Именно в этот момент и предпринимаются первые шаги в сторону экстернализации вопросов противодействия дезинформации, что сыграет впоследствии свою роль в исключении внутреннего измерения из понятий «постправда» и «фейки» в политическом дискурсе и документах институтов ЕС.

Первой серьезной инициативой ЕС в направлении противодействия дезинформации стало создание Европейской Службой Внешних Связей (ЕСВС) в 2016 г. Оперативной рабочей группы по стратегическим коммуникациям - Страткома (East StratCom Task Force). Учитывая её восточноевропейскую направленность, она быстро превратилась в институт, направленный на создание контр-нарратива против информационного влияния русскоязычных СМИ, закрепив тем самым окончательно за Россией статус ключевого агента информационного воздействия на ЕС. Всё это, в совокупности с участвовавшими с 2016 г. сообщениями и заявлениями о предполагаемом информационном вмешательстве России в национальные выборы различных стран, стало базой для дальнейшего развития

²²⁵ Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. — С. 95-96. ; European Parliament resolution of 17 July 2014 on Ukraine (2014/2717(RSP)) // OJ C 224. - 2016. - P. 14–18.

ЕС полноценной стратегии противодействия внешней дезинформации. Также, это позволило укрепить именно внешнее проявление ложной информации в качестве ключевого в политической повестке.

На фоне всеобщего распространения темы иностранного вмешательства, а также в последующем и концепции постправды, дезинформация начинает всё чаще ассоциироваться с влиянием недостоверной информации на выборы, что сделает в дальнейшем и вопрос защиты граждан ЕС во время выборов 2019 г. одним из наиболее важных. Основа мер по защите граждан закладывается же на более раннем этапе. Так, после создания Страткома, происходит выработка стратегического начала в противодействии дезинформации. После вступления в 2016 году в силу Глобальной стратегии ЕС, необходимость противодействия негативному влиянию дезинформации начинает увязываться с концепцией стрессоустойчивости. Наиболее важной становится идея о развитии и выработке институтами ЕС стрессоустойчивости граждан к враждебной дезинформации.²²⁶ С теоретической точки зрения, предпринятые в дальнейшем меры со стороны ЕС можно рассмотреть через призму двух указанных во второй главе данной работы стратегий: адаптивной и патерналистской. Каждая из них опирается на различные ресурсы системы, которые следует мобилизовать для противодействия угрозе.

Обе стратегии отразились в деятельности центральных европейских институтов. Основные инициативы по борьбе с дезинформацией в 2016-2017 гг. шли в основном от Европейского парламента и ЕСВС. Но с конца 2017 г. Европейская комиссия начинает предпринимать более активные меры в данной сфере. В указанный промежуток времени наметилась тенденция Европарламента и ЕСВС следовать патерналистскому подходу. Еврокомиссия же, наоборот, с активизацией своей деятельности по борьбе с фейками и дезинформацией привнесла адаптивный подход. Таким образом, период с 2015 по 2018 демонстрирует своего рода трансформацию в подходах, которая также отражена в основных документах, принятых каждым из органов ЕС.

Резолюция по противодействию пропаганде третьих стран 2016 г. стала первой серьезной инициативой Европейского парламента, отмечавшей «крайнюю необходимость обеспечить стрессоустойчивость информационной системы на уровне ЕС и стран-

²²⁶ European Commission. Joint Communication to the European Parliament and the Council *A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action* JOIN(2017) 21 final / European Commission - Brussels, 2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52017JC0021> (дата обращения: 30.03.2020).

членов...»²²⁷ и выдвинула стрессоустойчивость медиа как «стратегический приоритет». Ключевым источником информационного воздействия остаётся Россия. При этом в самой резолюции никак не разъясняется, что подразумевается под стрессоустойчивостью медиа. Данная мысль была развита и в резолюции Европарламента от 15 июня 2017 г. «Об онлайн платформах и едином цифровом рынке». Несмотря на отсутствие использования в ней понятий «стрессоустойчивость» и «дезинформация», Европарламент напрямую обращается к данной проблеме, косвенно отмечая необходимость анализа существующей нормативной базы со стороны Еврокомиссии, с целью рассмотрения возможных *«юридических интервенций для сокращения распространения фейкового контента»*.²²⁸ Идея о юридическом регулировании распространения фейковой информации проявлялась в линии ЕП весьма чётко, знаменуя тем самым патерналистский подход.

Не менее чётко патернализм отражается и в деятельности Страткома. Ключевой целью его является выявление и разоблачение (российской) дезинформации и её исправление.²²⁹ Нередко при этом в процессе разоблачения «происходит стигматизация России путём создания прочной связи между ней и фейковыми новостями, доверие к исходящей от Москвы информации уничтожается». ²³⁰ Подобная стратегия приводит к созданию контр-пропаганды, при которой граждане становятся косвенно отгорожены от информации, т.к. установленный на источнике информации ярлык закрепляется в общественном сознании. Несмотря на отсутствие прямого ограничения на информацию, патернализм проявляется в действиях Страткома прежде всего в том, что его действия нацелены на создание собственного нарратива, не стимулирующего критическое мышление и адаптацию граждан.

Вместе с тем, изначальный выбор патерналистской стратегии не ограничивает институты ЕС в том, как они воспринимают проблему дезинформации, и не противоречит эволюции взглядов. Так, с начала 2018 г. в линии Европарламента стало проявляться отхождение от патернализма. Параллельно с постепенной заменой термина «фейковые

²²⁷ European Parliament resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)) // OJ C 224. – 2018. - P. 58–67

²²⁸ European Parliament resolution of 15 June 2017 on online platforms and the digital single market (2016/2276(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0272_EN.html (дата обращения: 15.04.2020).

²²⁹ Questions and Answers about the East StratCom Task Force // European External Action Service, EEAS press team. – 05.12.2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-Homepage/2116/questions-and-answers-about-east-stratcom-task-force_en (дата обращения: 24.02.2020).

²³⁰ Романова, Т. А., Соколов, Н. И., Колотаев, Ю. Ю. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена / Т. А. Романова, Н. И. Соколов, Ю. Ю. Колотаев // Балтийский регион. - 2020. Т. 12, №. 1. – С.59

новости» понятием «дезинформация» приходит и более адаптивное понимание выбора мер по формированию стрессоустойчивого ответа на существующие угрозы для информационной среды. В резолюции от 3 мая 2018 г. «О плюрализме медиа и свободе СМИ в ЕС», отмечается такая опасность, как ограничение свободы слова при использовании понятия «фейковые новости», а также подчёркивается необходимость выработки механизмов саморегуляции, базирующейся на принципах точности и транспарентности при проведении процедур фактчекинга, производимого третьей стороной для защиты объективности информации.²³¹

В противовес линии, начатой ЕСВС путём создания Страткома и продолженной Европарламентом, Европейская комиссия придерживается в большей степени адаптивного подхода. И здесь ключевыми документами являются План по противодействию дезинформации, Сообщение: «Борьба с онлайн дезинформацией: европейский подход», а также доклад Группы высокого уровня по фейковым новостям и онлайн дезинформации. Последний заложил, в определённой степени, основу для всех последующих действий Еврокомиссии и был создан в результате работы группы экспертов для продвижения политических инициатив противодействия фейковым новостям и дезинформации. Создание данной группы проходило в рамках публичных обсуждений, инициированных ЕС. В докладе можно отметить многомерный подход, включающий в себя: повышение открытости новостных интернет-ресурсов, продвижение медиаграмотности, расширение прав и возможностей пользователей и журналистов для устранения дезинформации, сохранение разнообразия и устойчивости европейской экосистемы СМИ, а также продолжение исследований в сфере изучения воздействия дезинформации в Европе.²³² Все эти параметры становятся ключевыми *ресурсами* обеспечения готовности системы к угрозе. Данный доклад даёт понимание об *уязвимости* системы по отношению к дезинформации и выдвигает в качестве одной из ключевых целей «увеличение долгосрочной стрессоустойчивости граждан ЕС, сообществ, новых организаций, государств-членов и ЕС

²³¹ European Parliament resolution of 3 May 2018 on media pluralism and media freedom in the European Union (2017/2209(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0204_EN.html (дата обращения: 15.04.2020).

²³² European Commission. A multi-dimensional approach to disinformation *Report of the independent High Level group on fake news and online disinformation* / European Commission - Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. – 40 p.

в целом для ... помощи европейцам проактивно распознавать различные формы дезинформации».²³³

Данная повестка была выдержана и в рамках Сообщения Еврокомиссии «Борьба с онлайн дезинформацией: европейский подход»,²³⁴ являвшегося, в сущности, первым глобальным планом по противодействию дезинформации. В целом, он повторяет идеи доклада экспертной группы, отмечая *открытость, разнообразие, доверие и инклюзивность* в качестве ключевых принципов, которых следует придерживаться при противодействии дезинформации. В контексте выработки стрессоустойчивости, данные принципы дополняются важностью развития «критических и цифровых компетенций, в особенности среди молодого поколения, с целью увеличения стрессоустойчивости ... общества по отношению к дезинформации».²³⁵ В результате, образованность как всего общества, так и отдельного индивида становится в видении Еврокомиссии ключевым ресурсом стрессоустойчивости. Помимо этого, данное Сообщение становится первым документом, который *связывает дезинформацию, выборы и стрессоустойчивость воедино*. Речь идёт о важности «надёжного и стрессоустойчивого электорального процесса», которому посвящён целый раздел документа. В нём же впервые говорится об «управлении риском со стороны дезинформации для демократического избирательного процесса в особенности... в связи с выборами в Европарламент 2019 г.». ²³⁶ Именно с этого момента следует говорить о начале целенаправленной подготовки ЕС к выборам 2019 г. До этого момента противодействие дезинформации лишь косвенно было связано с предстоящим событием и носило в большей степени обобщающий характер.

Ключевым же документом, который отражает текущую стратегию ЕК по противодействию дезинформации, является План по противодействию дезинформации,²³⁷ принятый после отчёта о деятельности по предыдущему плану, действовавшему на

²³³ European Commission. A multi-dimensional approach to disinformation *Report of the independent High Level group on fake news and online disinformation* / European Commission - Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. – P. 19.

²³⁴ European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions *Tackling online disinformation: a European Approach* COM/2018/236 final / European Commission - Brussels, 2018. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018DC0236> (дата обращения: 15.04.2020).

²³⁵ Ibid.

²³⁶ Ibid.

²³⁷ European Commission. Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions *Action Plan against Disinformation* JOIN(2018) 36 final / European Commission – Brussels, 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/eu-communication-disinformation-euco-05122018_en.pdf (дата обращения: 16.04.2020).

протяжении 2018 г.²³⁸ Новый план действий выделяет четыре ключевых вектора для деятельности по адаптации среды под угрозу дезинформации. Первое направление подразумевает улучшение способности ЕС к обнаружению, анализу и разоблачению дезинформации; второе указывает на необходимость усиления координации и совместных мер по реагированию на дезинформацию; третье призывает к мобилизации частного сектора для борьбы с дезинформацией; четвертое же направление должно способствовать росту осведомлённости и укреплению социальной стрессоустойчивости.²³⁹ Кроме того, в документе совершенно чётко прописывается направленность всех предусмотренных векторов деятельности на обеспечение стрессоустойчивости ЕС к дезинформации на выборах 2019 г. (о чём свидетельствует упоминание выборов не менее 12 раз).²⁴⁰

Все четыре обозначенных вектора ориентированы на выработку внутри ЕС у граждан и институтов стрессоустойчивости и являются четким противопоставлением патерналистскому подходу. Еврокомиссия «постулирует намерение прежде всего обучать граждан и сохранять многообразие точек зрения. Гражданское общество и СМИ полностью включены в процесс».²⁴¹ Отсюда центральным аспектом новой стратегии становится самообучение системы, где граждане и гражданское общество – ключевой ресурс стрессоустойчивости. Акцент смещается с превентивных действий по отношению к конкретным видам информационных атак на более глобальную идею создания устойчивой среды или системы внутри союза. «Таким образом, приоритетами становятся не вмешательство, а создание условий; не стабильность, а выносливость; не изоляция от угрозы, а приспособление к жизни в контексте угрозы».²⁴²

В результате, в преддверии выборов в Европейский парламент 2019 г. Европейский союз в лице отдельных своих институтов выработал комбинированную стратегию противодействия угрозе дезинформации. Суть её двойственного характера заключается в

²³⁸ European Commission. Report From the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee Of The Regions on the implementation of the Communication "Tackling online disinformation: a European Approach" COM(2018) 794 final / European Commission – Brussels, 2018. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/report-implementation-communication-tackling-online-disinformation-european-approach> (дата обращения: 16.04.2020).

²³⁹ European Commission. Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions *Action Plan against Disinformation* JOIN(2018) 36 final / European Commission – Brussels, 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/eu-communication-disinformation-euco-05122018_en.pdf (дата обращения: 16.04.2020).

²⁴⁰ Ibid.

²⁴¹ Романова, Т. А., Соколов, Н. И., Колотаев, Ю. Ю. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена / Т. А. Романова, Н. И. Соколов, Ю. Ю. Колотаев // Балтийский регион. - 2020. Т. 12, №. 1. – С. 57

²⁴² Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – С. 101

совмещении действий таких институтов, как Европарламента (на ранних этапах) и ЕСВС (и связанного с ним Страткома), придерживающихся патерналистской стратегии, с действиями Европейской комиссии, закрепившей с момента начала своей деятельности адаптивную стратегию в качестве основного подхода к противодействию информации. Комбинация также заключается в том, что национальные государства, входящие в более широком смысле в единую с ЕС систему, придерживаются в большей степени патерналистского подхода, что будет продемонстрировано в последней главе данной работы.

Доминирование логики долгосрочных действий и опоры на ресурсы самого общества позволили расширить сферу действия в борьбе с дезинформацией. Несмотря на то, что ключевой угрозой остается именно дезинформация, характеризующаяся в ЕС как внешнее вмешательство, нацеленность на активное вовлечение общества в процесс противодействия угрозе позволяет говорить о включении и внутреннего аспекта фейковой информации в центр внимания ЕС (хотя напрямую об этом нигде не говорится, и основным источником называются зарубежные информационные атаки).

Что касается непосредственно выборов в Европейский парламент 2019 г., то, исходя из рассмотренных документов, ключевой угрозой (с точки зрения институтов ЕС) было внешнее информационное вмешательство. Угроза со стороны популистов и постправды отражается только в отдельных заявлениях, но не в самих документах. Сами выборы, таким образом, можно оценивать во двум направлениям: внутреннему и внешнему

С точки зрения внешнего направления, выбранная ЕС стратегия дала умеренный результат. Исходя из Отчета о реализации Плана действий против дезинформации, не было выявлено серьезных попыток дезинформации в ходе выборов.²⁴³ Так же важно и то, что рост общественной осведомленности, которому способствовали меры ЕС, привел к одному из лучших показателей участия за несколько десятилетий, о чем также говорится в отчете. Но угроза дезинформации все еще существует, и ЕС декларирует свое стремление сохранить курс на развитие общественной стрессоустойчивости к ней.

В то же самое время, намного сложнее дать оценку по внутреннему направлению. Волна популизма хоть и оказалась существенной, но не превзошла ожидаемых результатов

²⁴³ European Commission. Joint communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions *Report on the implementation of the Action Plan Against Disinformation* JOIN(2019) 12 final / European Commission - Brussels, 2019. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_report_on_disinformation.pdf (дата обращения: 14.04.2020).

(позиции по сравнению с 2014 годом были усилены лишь незначительно).²⁴⁴ Однако общеевропейские показатели мало говорят об отдельных случаях, как, например, в Италии и Франции, где популистские партии заняли первые места по количеству голосов.²⁴⁵ Такая же ситуация во многом сложилась и в Венгрии с Польшей, хотя праворадикальные партии из этих стран и не входят во фракции и альянсы евроскептиков и праворадикалов в Европарламенте.²⁴⁶ В то же время, несмотря на фрагментарность успеха популистов в отдельных странах, влияние их в той или иной степени сохраняется на общеевропейском уровне. Как отмечается множеством наблюдателей, у популистов нет необходимости находиться у власти, чтобы доминировать и определять повестку дня (в особенности в области наиболее острых тем).²⁴⁷ Такая задача упрощается, когда, несмотря на распределение популистов между различными политическими группировками, их общая доля составляет порядка 25% (включая евроскептиков).²⁴⁸ В результате, такая ситуация усложняет продвижение отдельных инициатив через Европейский парламент.²⁴⁹

В итоге, угроза популизма лишь закрепились в европейской повестке, продемонстрировав, что внешнее влияние – это лишь половина возможной угрозы для института выборов. Поиск внешних врагов не решает проблем внутренних. Снижение уровня дезинформации не снизило влияния популизма, что продемонстрировало ещё раз, что постправда не сводится лишь до её инструментов. Эмоциональность дискурса сохранилась, а популистами был выбран другой инструментарий, в частности, риторика ненависти (hate-speech), а также тактика манипуляции дискурсом через соцсети.²⁵⁰ ЕС, сосредоточившись полностью на вопросах дезинформации, упустил аспект, касающийся

²⁴⁴ Karnitschnig, M. Populist tide rises but fails to flood EU / M. Karnitschnig // POLITICO. – 27.05.19. URL: <https://www.politico.eu/article/populist-tide-rises-but-no-flood-eu-elections-2019/> (дата обращения: 18.04.2020).

²⁴⁵ The 2019 Post-Electoral Survey. Have European Elections Entered a New Dimension? Eurobarometer Survey 91.5 / European Parliament: DG Communication. Public Opinion Monitoring Unit, 2019. J. Zalc, N. Becuwe, A. Buruian. – Brussels, 2019. № 91.5.

²⁴⁶ Share of votes for populist and nationalist parties in the European Parliamentary Elections of 2019, by country // Statista, Politics & Government. - 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/1027735/populist-vote-share-in-eu-elections/> (дата обращения: 16.04.2020).

²⁴⁷ Taylor, P. Has Europe Reached Peak Populism? The tide may have turned against nationalist right / P. Taylor // POLITICO MAGAZINE. – 05.09.2019. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2019/09/05/has-europe-reached-peak-populism-228036> (дата обращения: 19.04.2020).

²⁴⁸ Krastev, I. The Far Right Is Here to Stay and other lessons from the European Parliament elections / I. Krastev // The New York Times. – 28.05.2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/28/opinion/european-elections.html> (дата обращения: 18.04.2020).

²⁴⁹ Schulz, F. How strong is right-wing populism after the European elections? / F. Schulz // EURACTIV. - 04.06.2019. URL: <https://www.euractiv.com/section/eu-elections-2019/news/how-strong-is-right-wing-populism-after-the-european-elections/> (дата обращения: 19.04.2020).

²⁵⁰ Chan, K., Cook, L., Parra, A. Fake news changes shape as EU heads into elections / K. Chan, L. Cook, A. Parra // Associated Press. - May 22, 2019. URL: <https://apnews.com/5e81a57aa17d4ca7a0c02f89c8efe421> (дата обращения: 18.04.2020).

недоверия и эмоциональности. В таких условиях популисты сохранили за собой возможность определять политический дискурс в социальных сетях, задавая ключевые тенденции по направлениям антииммиграционной политики и недоверия правительству. Исходя из исследований, представленных Alto Analytics,²⁵¹ в отдельных странах (Германия, Франция, Испания, Италия, Польша) менее 0,1% пользователей, большая часть которых была связана с праворадикальными группами, производила порядка 10% всего контента, связанного с политикой и выборами в Европарламент.²⁵² Основными же инструментами для обеспечения такого присутствия в информационной среде по-прежнему остаются технически обусловленная возможность производства бесконечного количества повторений какого-либо мнения или данных в соцсетях, а также децентрализация информационных потоков.

В результате, можно констатировать, что влияние факторов, связанных с постправдой, на выборы 2019 г. весьма неоднородны. Частично угрозы эпохи постправды были сведены до минимума в силу выработки общественной стрессоустойчивости к дезинформации мерами, предпринятыми ЕС. Однако было бы чрезмерно оптимистично считать, что результаты выборов всецело связаны с предпринятыми со стороны ЕС действиями, т.к. хотя срок их реализации и приходится на период прямо перед выборами, сами меры направлены по своему характеру на долгосрочную перспективу. Помимо этого, вывод об успешности действий ЕС касается лишь внешней составляющей постправды. Что касается внутренней, то эмоциональный дискурс сохранился, а популистские группировки, даже если и не выиграли новых мест в Европарламенте, то, по крайней мере, окончательно закрепились как «нормальное» явление современной политики, с которым необходимо сосуществовать.

Таким образом, вопросы стрессоустойчивости наднациональных институтов ЕС в контексте эпохи постправды характеризуются следующими чертами: во-первых, доминирует логика внешнего характера угрозы над внутренней; во-вторых, стрессоустойчивость является ключевой концепцией, на базе которой строится практика противодействия дезинформации, выраженная в патерналистской и адаптивной стратегиях; в-третьих, адаптивная стратегия доминирует в политике противодействия дезинформации

²⁵¹ Public Digital Debate Ahead of EU Parliamentary Elections // Alto Analytics. – 01.04.2019. URL: https://www.alto-analytics.com/en_US/eu-elections-public-digital-debate/ (дата обращения: 18.04.2020).

²⁵² Scott, M., Cerulus, L. Europe's populists are flooding social media, research shows / M. Scott, L. Cerulus // POLITICO. - 04.02.2019. URL: <https://www.politico.eu/article/europe-far-right-groups-noisier-than-others-on-twitter-research-shows-afd-germany-facebook-google-alto-analytics/> (дата обращения: 20.04.2020).

в ЕС, выделяя в качестве основного ресурса системы индивида и общество, а их образованность в качестве главного условия стрессоустойчивости; в-четвертых, смещение фокуса на внешнего врага (при частичной стигматизации России в качестве основного источника дезинформации) снижает внимание институтов ЕС к проблеме эмоциональности и фрагментации политических дискуссий в сети (способствующей росту популизма); в-пятых, внутри понятийного аппарата в рамках европейского дискурса существует путаница между дезинформацией, фейковыми новостями и стратегическими коммуникациями (пропагандой). В итоге, пример наднационального влияния постправды продемонстрировал, что общественно-политические институты способны вырабатывать отдельные меры по совершенствованию общественной стрессоустойчивости к возможным угрозам. В то же время, европейский пример наглядно показывает, что разделение угрозы на внешнюю и внутреннюю составляющую противоречит не только логике стрессоустойчивости, но и эффективному управлению угрозой.

Глава 4: Влияние политики постправды на стрессоустойчивость национальных общественно-политических институтов (выборы в Бундестаг 2017 г. и трансформации немецкой политической системы)

Распространение постправды в качестве системного явления затронуло национальный уровень общественно-политических отношений раньше, чем он достиг наднационального уровня. После 2016 года признаки политики постправды отмечались в различных государствах с разной степенью интенсивности. Как и позднее, на наднациональном уровне связаны они были с процессом выборов, популистами и ростом общественного недоверия. Одним из весьма характерных примеров влияния политики постправды стали процессы, проходившие в Федеративной Республике Германия в преддверии выборов в Бундестаг (высший законодательный орган) в 2017 г., а также последовавшие за этими выборами явления национального уровня и региональные последствия. Пример Германии является одним из наиболее наглядных с точки зрения выраженности вызова для стрессоустойчивости системы, а также влияния и проверки на стрессоустойчивость на различных уровнях системы (национальном и региональном).

Как и в случае с наднациональным уровнем, в контексте стрессоустойчивости ключевым объектом, стрессоустойчивость которого испытывается, остаётся институт выборов, а также дополняется национальным публичным дискурсом. Источником угрозы остаётся риторика ненависти и фейковые новости, как ключевые формы проявления постправды. В то же время важно отметить некоторые лингвистические особенности артикуляции постправды в немецком дискурсе. Само понятие «политика постправды» (англ. post-truth politics) в немецком варианте звучит как «postfaktische Politik», что в дословном переводе соотносится не с категорией «правды», а с категорией «фактов», обозначая таким образом политику в качестве «постфактической». Данное слово в 2016 году также стало словом года в Германии²⁵³ и в смысловом контексте соотносится и переводится как устоявшееся в других языках понятие «постправда». Отчасти из-за своего языкового своеобразия «postfaktische Politik» или отдельно понятие «postfaktisch» (прилагательное к существительному постправда) закрепились в политическом и публичном дискурсе сильнее, чем это можно наблюдать в некоторых других неанглоязычных странах, где постправда стала одной из доминант на протяжении 2016-

²⁵³ Heine, M. Was Sie über das „Wort des Jahres“ wissen müssen / M. Heine // WELT. - 09.12.2016. URL: <https://www.welt.de/kultur/article160136912/Was-Sie-ueber-das-Wort-des-Jahres-wissen-muessen.html> (дата обращения: 03.05.2020).

2017 гг. В Германии в рамках этого же периода можно отметить существенный рост использования понятия в политических прениях в частности в рамках немецкого парламента.²⁵⁴ Слово становится своеобразной отправной точкой для выражения эмоциональной или иррациональной стороны какой-либо проблемы. Отсюда следует, что на национальном уровне в случае Германии постправда чаще артикулируется в качестве проблемы (в отличие от наднационального уровня, см. глава 3.1), что подтверждается и словами Федерального канцлера Германии Ангелы Меркель, указавшей, что «мы живём в эпоху постправды (postfaktischen); а это, вероятно, значит, что люди интересуются теперь не фактами, а одними чувствами».²⁵⁵

4.1 Проявления политики постправды перед выборами в Бундестаг в 2017 г. и государственные меры по противодействию им

Наступление эпохи постправды для немецкой политики произошло в период перед выборами в Бундестаг. Парламентские выборы в Германии, прошедшие 24 сентября 2017 г., ознаменовали серьёзный политический сдвиг в политическом ландшафте, и что ещё важнее, в политическом дискурсе и культуре. Произошла поляризация политических групп, усиление эмоциональности и явно выраженной ненависти в политическом дискурсе, а также ряд политических кризисов, произошедших после самих выборов. Предпосылкой такого рода изменений стала комплексная и противоречивая ситуация, обусловленная внешними и внутренними факторами.

Предвыборный период был обусловлен доминированием в общественной дискуссии темы миграционного кризиса, а также интеграции мигрантов после событий 2015-2016 гг. Сложность ситуации, просчёты в действиях действующего правительства, а также полярные точки зрения на способы решения проблемы повлекли рост радикальных настроений у части населения, выразившиеся в поддержке движения ПЕГИДА и партии «Альтернатива для Германии» (АдГ).²⁵⁶ И движение, и партия стали олицетворением в рамках немецкой общественности популистских и в большей степени даже

²⁵⁴ Suchergebnis für „postfaktisch“ // Deutscher Bundestag, Service. URL: <https://www.bundestag.de/services/suche?suchbegriff=postfaktisch> (дата обращения: 04.05.2020).

²⁵⁵ Angela Merkel im Wortlaut: "Wenn wir nicht gerade aus Stein sind" // Der Tagesspiegel. - 21.09.2016. URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/angela-merkel-im-wortlaut-wenn-wir-nicht-gerade-aus-stein-sind/14576252.html> (дата обращения: 04.05.2020).

²⁵⁶ Charalambous, G. The European Far Right: Historical and Contemporary Perspectives / G. Charalambous - Cyprus: PRIO Cyprus Centre, 2015. – P. 4.

праворадикальных сил, обостряющих общественную дискуссию дискурсом ненависти.²⁵⁷ Для АдГ, партии, являвшейся изначально евроскептической,²⁵⁸ а не праворадикальной, смена повестки на вопросы миграции стала окном возможности для повышения своей популярности.²⁵⁹

Другим аспектом сложившихся обстоятельств была общественная «усталость» от правящей «большой коалиции» (нем. Große Koalition) ХДС и СДПГ. Ещё на этапе формирования, после выборов 2013 г. её связывали с неизбежной политической стагнацией.²⁶⁰ Выборы же 2017 г. и их результаты давали надежду на выход из подобной стагнации.²⁶¹

Наконец, на европейской повестке остро стоял вопрос о вмешательстве в национальные выборы различных стран ЕС. Поводом послужили скандал вокруг избрания Д. Трампа, а также серия кибератак по всей Европе. Ключевым источником информационных атак в Германии, как и в ряде других стран, обозначалась Россия.²⁶² Это соответствовало повестке, заданной в рамках проводимой ЕС политики по борьбе с дезинформацией.

Таким образом, преддверие выборов в немецкий Парламент охарактеризовалось наличием информационных угроз, повышенной эмоциональностью на фоне миграционного кризиса, а также внутренними противоречиями политической системы. В совокупности сложившееся соотношение угроз создало давление на стрессоустойчивость немецкой общественно-политической системы. Ключевым элементом давления стала АдГ, имевшая непропорциональное представление в информационном пространстве и эксплуатировавшая наиболее эмоциональные темы в свою пользу, инструментализируя их в угоду собственной политики постправды. Как и отмечалось выше, повестку АдГ

²⁵⁷ Rafael, S., Ritzmann, A. Hintergrund: „Das ABC des Problemkomplexes Hassrede, Extremismus und NetzDG“ / S. Rafael, A. Ritzmann // OCCI-Forschungsbericht: Hassrede und Radikalisierung im Netz. - 2018. – P. 12

²⁵⁸ Schmitt-Beck, R. The ‘Alternative für Deutschland in the Electorate’: Between single-issue and right-wing populist party / R. Schmitt-Beck // German Politics. - 2017. Vol. 26, №. 1. - P. 124-148.

²⁵⁹ Вендик, Ю. "Альтернатива для Германии": в чем секрет успеха крайне правых / Ю. Вендик // BBC News Русская служба. - 25.09.2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41392567> (дата обращения: 04.05.2020).

²⁶⁰ Altenbockum, J. Die große Stagnation / J. Altenbockum // Frankfurter Allgemeine Zeitung. - 27.11.2013. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/koalitionsvertrag-die-grosse-stagnation-12683096.html> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁶¹ Kreijger, G. Europe's Future after Germany's Election / G. Kreijger // Handelsblatt. – 10.05.2017. URL: <https://www.handelsblatt.com/today/opinion/new-coalition-europes-future-after-germanys-election/23572502.html?ticket=ST-7515760-sA9NRVaKc6IEfe7fPeUa-ap5> (дата обращения: 04.05.2020).

²⁶² Adler, S. Angst vor Fake News, Lügen und Verleumdungen / S. Adler // Deutschlandradio – Deutschlandfunk. - 02.03.2017. URL: https://www.deutschlandfunk.de/bundestagswahl-2017-angst-vor-fake-news-luegen-und.724.de.html?dram:article_id=380314 (дата обращения: 04.05.2020).

составляла популистская, анти-иммигрантская, евроскептическая риторика, *прибегавшая к ряду табуированных в немецком обществе тем и выражений*.²⁶³

Исследование, проведенное учёными из Баварской школы публичной политики на основе сравнительного анализа данных по различным социальным сетям, продемонстрировало, что рост влияния АдГ невозможно в полной мере понять без учёта онлайн-присутствия партии, нередко превосходившее по всем показателям присутствие других партий. Ключевыми его факторами стали использование соцмедиа в качестве альтернативной медиасистемы, крайне высокая активность в сети, а также онлайн-манипуляций.²⁶⁴ При этом основным инструментом таких манипуляций стали не только фейковые новости, но и акцент на разжигании ненависти при помощи соответствующей риторики в социальных сетях и бесконечно воспроизводящих её ботов.²⁶⁵ В данном контексте чаще используется не ложь, а искажение и ложная контекстуализация.²⁶⁶

Укрепление авторитета АдГ до выборов 2016 г. было заметно не только по проникновению в общественный дискурс продвигаемых ею тем и возросшему вниманию к АдГ со стороны традиционных медиа.²⁶⁷ Результаты на этапе региональных выборов, начиная с 2016 г., показывали внушительный прогресс для партии, которая в 2013 г. (в год своего появления) не перешла 5% барьер на федеральных выборах. Так, на региональных выборах в таких землях, как Баден-Вюртемберг, Рейнланд-Пфальц и Берлине она набрала 15,1%, 12,6% и 14,2% соответственно.²⁶⁸ На выборах же в Саксонии-Анхальт и Мекленбург-Передней Померании она достигла 24,3% и 20,8% соответственно.²⁶⁹ При этом уже на этапе региональных выборов явно выделились эмоциональный и спекулятивный тип коммуникаций ведущих представителей АдГ. Так, к примеру, на сентябрьских выборах в Берлине председатель регионального отделения АдГ заявил, что «реальностью является то, что ты чувствуешь», подчеркивая при этом главенство народного восприятия над

²⁶³ Germany's AfD: How right-wing is nationalist Alternative for Germany? // BBC News. - 11.02.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-37274201> (дата обращения: 06.05.2020).

²⁶⁴ Serrano, J. C. M. The Rise of Germany's AfD: A Social Media Analysis / J. C. M. Serrano [et al.]. // Proceedings of the 10th International Conference on Social Media and Society. - 2019. - P. 214-223.

²⁶⁵ Ibid.

²⁶⁶ Sänglerlaub, A. Deutschland vor der Bundestagswahl: Überall Fake News / A. Sänglerlaub - Berlin: Stiftung Neue Verantwortung, 2017. – P.9

²⁶⁷ Is Germany's media to blame for the inexorable rise of the AfD? // The Guardian. - 14.11.2018. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/14/afd-german-media-politicians-angela-merkel> (дата обращения: 04.05.2020).

²⁶⁸ Wahlergebnisse und Wählerschaft der AfD / F. Decker // Bundeszentrale für politische Bildung. - 16.07.2018. URL: <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/afd/273131/wahlergebnisse-und-waehlerschaft> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁶⁹ Ibid.

статистикой.²⁷⁰ Контекстом для данного высказывания стало обсуждение в рамках теледебатов миграционной тематики, где приводились данные, что 98% живущих в Германии мигрантов являются законопослушными.²⁷¹ Таким образом была продемонстрирована типичная для политики постправды апелляция к неверифицируемым данным, выраженная в эмоциональности восприятия (при игнорировании явных фактических данных).

Дальнейшие действия АдГ протекали в схожем русле. Успех в соцсетях позволял достигнуть большей результативности, при использовании дополнительных инструментов информационного влияния и искажения фактов. Позднее будет отмечено, что онлайн-присутствие АдГ, ретранслирующее и развивающее повестку ключевых политиков партии, формировалось с самого начала предвыборной кампании в Бундестаг, т.к. опыт предыдущих (зарубежных) выборов показывал важность данного канала распространения информации.²⁷² При этом активность данного канала сохранилась и после выборов, став мощным инструментом поддержания общественного интереса к партии, стремившейся после выборов составить противовес федеральным партиям и вступая с ними в частую конфронтацию.²⁷³

На федеральном уровне дискурсивные и информационные изменения не прошли незамеченными. В декабре 2016 г. Парламентский исследовательский центр немецкого Бундестага выпустил доклад о текущем правовом положении в Германии по вопросам распространения недостоверной информации и фейковых новостей.²⁷⁴ Помимо обобщающих положений об актуальности проблематики в сложившихся условиях, в рамках доклада обозначалось, что существует двойственность в рамках законодательства касательно действующего регулирования проблемы. С одной стороны, действуют ограничения, касающиеся распространения заведомо ложной информации, относящейся и

²⁷⁰ AfD-Wahlkampf in Berlin - Gefühlte Realität // Deutschlandradio, Deutschlandfunk. - 14.09.2016. URL: https://www.deutschlandfunk.de/afd-wahlkampf-in-berlin-gefuehlte-realitaet.1773.de.html?dram:article_id=365806 (дата обращения: 05.05.2020).

²⁷¹ Nicht die Realität soll zählen - sondern das Gefühlte // Süddeutsche Zeitung. - 07.09.2016. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/nachtkritik-zur-rbb-debatte-das-was-man-fuehlt-ist-auch-realitaet-1.3151588-2> (дата обращения: 04.05.2020).

²⁷² Die AfD im Bundestag Provokation als Strategie // Deutschlandradio: Deutschlandfunk. - 26.04.2018. URL: https://www.deutschlandfunk.de/die-afd-im-bundestag-provokation-als-strategie.724.de.html?dram:article_id=416622 (дата обращения: 04.05.2020).

²⁷³ Ibid.

²⁷⁴ Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. Der Umgang mit Fake-News - Rechtslage und Reformansätze WD 10 - 3000 - 067/16 / Deutscher Bundestag – 2016. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/494418/4321d229204080dce488ebd0356b5db2/wd-10-067-16-pdf-data.pdf> (дата обращения: 02.05.2020).

затрагивающей отдельную личность. С другой же стороны, распространение недостоверных новостей или информации общего характера не влекут никакой правовой ответственности (за исключением той, что предусмотрена для журналистов, исходя из действующих профессиональных кодексов).²⁷⁵

Интерес Бундестага к проблеме коррелирует и с возросшей озабоченностью общественности по проблеме ложной информации. Согласно проведённому региональной службой по СМИ федеральной земли Северная Рейн-Вестфалия в мае 2017 г. опросу более 59% пользователей сталкивалась с фейковыми новостями, а 80% считает необходимым принятие новых законов, вынуждающих различные сервисы быстрее удалять недостоверные сообщения.²⁷⁶ Параллельно с этим, Парламентский исследовательский центр немецкого Бундестага выпускает новый документ, перечисляющий ключевые зарубежные инициативы по противодействию фейкам.²⁷⁷ Характерно, что в документе перечисляются именно парламентские инициативы. Изучение правового опыта зарубежных стран активизирует дальнейшую деятельность немецкого парламента по противодействию распространения фейковой информации в сети.

Следствием становится разработка нового закона, ограничивающего распространение противоправного контента в сети. Несмотря на имевшиеся ещё с 2015 г. инициативы по началу выработки новых законов в данной области, именно в 2017 г. в Бундестаг выносятся законопроект, направленный на пресечение распространения неправомерного контента, имеющего своей целью разжигание ненависти (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG).²⁷⁸ Новый закон обязывает онлайн-платформы удалять информацию «явно противоправного содержания» в течение 24 часов, с угрозой штрафа в €50 млн., в случае неисполнения закона. Сама обязанность при этом распространяется на соцмедиа с количеством пользователей свыше 2 млн. Закон был

²⁷⁵ Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. Der Umgang mit Fake-News - Rechtslage und Reformansätze WD 10 - 3000 - 067/16 / Deutscher Bundestag – 2016. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/494418/4321d229204080dce488ebd0356b5db2/wd-10-067-16-pdf-data.pdf> (дата обращения: 02.05.2020).

²⁷⁶ Neue LFM-Studie zu Fake News: Mehr als die Hälfte der Onlinenutzer hat Erfahrung Damit // Landesanstalt für Medien NRW. – Düsseldorf, 2017. URL: <https://www.medienanstalt-nrw.de/presse/pressemitteilungen/pressemitteilungen-2017/2017/juni/neue-lfm-studie-zu-fake-news-mehr-als-die-haelfte-der-onlinenutzer-hat-erfahrung-damit.html> (дата обращения: 04.05.2020).

²⁷⁷ Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. Bekämpfung von Fake-News im europäischen Ausland WD 10 – 3000 – 004/17 / Deutscher Bundestag – 2017. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/502160/b90e2e68a419dc63e466f0728ccdc62/wd-10-004-17-pdf-data.pdf> (дата обращения: 02.05.2020).

²⁷⁸ Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG) vom 1. September 2017 // Bundesgesetzblatt. – 2017. T. I Nr. 61. – S. 3352.

принят в июне 2017 г., однако вступил в силу лишь в октябре этого же года, при переходном периоде до начала 2018 г. Таким образом, действие закона не распространялось на период проведения выборов в Бундестаг.

Сам закон стал первой инициативой государственных институтов Германии в противодействии постправде. В то же самое время он имеет несколько особенностей. С одной стороны, он был предназначен лишь для пресечения риторики ненависти (в социальных сетях), что часто ошибочно принималось в медиа за его направленность против фейковых новостей. С другой стороны, по заявлению министерства юстиции, «сам закон не создавал новых ограничений, а опирался на уже установленные в рамках законодательства правонарушения».²⁷⁹

В результате, закон вызвал неоднозначную общественную реакцию и получил большое количество критики. Имплементация закона уже на ранних этапах столкнулась с такими случаями, нарушающими право на свободу слова, как блокировка информационных материалов сатирического содержания.²⁸⁰ В результате, в марте 2018 г. на повестку встал вопрос о внесении поправок в закон.²⁸¹

Инициатива парламента имела явный патерналистский характер. Помимо установления ограничительных мер и обязательства блокировать недостоверную информацию, закон наносил ущерб свободному выражению мнения. Впоследствии закон стал наиболее характерным примером государственного регулирования проблемы недостоверной информации и языка вражды, хотя сама суть закона зачастую интерпретировалась в медиа неверно.²⁸² В то же время, стоит обратить внимание, что закон, установивший патерналистскую парадигму, задал лишь повестку для действий во время выборов, т.к. сам во время выборов не вступил в силу.

Параллельно с действиями парламента следует обратиться и к точке зрения федерального правительства. Наиболее последовательно она была выражена в Белой книге

²⁷⁹ Startschuss für die Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. - 18.09.2017. URL: https://web.archive.org/web/20171102171222/https://www.bmjbv.de/SharedDocs/Artikel/DE/2017/091817_Rechtsdurchsetzung_in_sozialen_Netzwerken.html (дата обращения: 02.05.2020).

²⁸⁰ German hate speech law tested as Twitter blocks satire account // Reuters. - 03.01.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-germany-hatecrime/german-hate-speech-law-tested-as-twitter-blocks-satire-account-idUSKBN1ES1AT> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁸¹ Germany looks to revise social media law as Europe watches // Reuters. - 08.03.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-germany-hatespeech/germany-looks-to-revise-social-media-law-as-europe-watches-idUSKCN1GK1BN> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁸² Funke, D., Flamini, D. A guide to anti-misinformation actions around the world / D. Funke, D. Flamini // Poynter Institute. URL: <https://www.poynter.org/ifcn/anti-misinformation-actions/#germany> (дата обращения: 04.05.2020).

по Цифровым платформам, выпущенной в марте 2017 г. Министерством экономики и энергетики.²⁸³ Интересным является двойственность позиции министерства. Оно подчёркивает важность и необходимость адаптивных практик фактчекинга и саморегулирования на платформах. Но, в то же время, акцентирует внимание на потребности вести патерналистские практики активного контрнарратива и подчёркивает недостаточность самостоятельных общественных практик для защиты от противоправного контента. В результате, в документе выражена поддержка инициативы принятия нового закона, а также подчёркивается необходимость создания стандартизированных правил обработки запросов на удаление информации. Указывается обязательная отчётность платформ о проведении соответствующей деятельности. Но, несмотря на поддержание патерналистской стратегии, министерство стремится указать на необходимость сочетания законодательных и «незаконодательных» практик.²⁸⁴

В итоге, характеризуя предвыборный период, важно подчеркнуть явное преобладание оградительных и патерналистских мер в действиях федеральных институтов. Отдельные практики адаптивной самоорганизации общественных платформ и СМИ (включающие информирование граждан о характерных признаках фейков)²⁸⁵ дополняют, но не определяют общую картину. Ключевой угрозой видится распространяющаяся в обществе и социальных медиа эмоциональная, агрессивная риторика ненависти, имеющая особенно сильный эффект в контексте событий перед выборами и эксплуатируемая ключевой популистской партией в Германии – АдГ.

4.2 Итоги выборов в Бундестаг 2017 г. как вызов для немецкой политической стрессоустойчивости

Результаты избирательного процесса осенью 2017 г. для Германии имели несколько далеко идущих последствий. Несмотря на то, что некоторые обозреватели указывали на предсказуемость и «скучность» избирательной компании,²⁸⁶ результаты выборов и

²⁸³ Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. Weißbuch Digitale Plattformen - Digitale Ordnungspolitik für Wachstum, Innovation, Wettbewerb und Teilhabe / Bundesministerium für Wirtschaft und Energie - Berlin: Hirschen Group, 2017. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Digitale-Welt/weissbuch-digitale-plattformen.html> (дата обращения: 02.05.2020).

²⁸⁴ Ibid. - P.91-94.

²⁸⁵ Hendricks, V. F., Vestergaard, M. Postfaktisch: Die neue Wirklichkeit in Zeiten von Bullshit, Fake News und Verschwörungstheorien / V. F. Hendricks, M. Vestergaard - München: Karl Blessing Verlag, 2018. – 209 p.

²⁸⁶ Holtz-Bacha, C. Bundestagswahl 2017: Flauer Wahlkampf? Spannende Wahl! / C. Holtz-Bacha // Die (Massen-) Medien im Wahlkampf: Die Bundestagswahl 2017 / C. Holtz-Bacha [et al.]. – Wiesbaden: Springer VS, 2019. – P.3-6.

последовавшие изменения оказались значительными для политической системы Германии. Наиболее существенной, хоть и ожидаемой переменной, стал безусловный рост популистских сил, привлёкших не только ранее неактивную часть электората, но также переманив часть избирателей других ключевых партий. Альтернатива для Германии в результате выборов получила 12,6% голосов, став третьей партией по величине в парламенте.²⁸⁷ Христианский демократический союз (совместно с Христианско-социальным союзом) и Социально-демократическая партия Германии потеряли 8,6% и 5,2% голосов соответственно по сравнению с выборами 2013 г., набрав 32,9% и 20,5%.²⁸⁸

В дальнейшем, анализ результатов выборов продемонстрировал, что популистская повестка привела к оттоку избирателей в пользу АдГ. При этом поддержку АдГ получала со стороны людей, причисляющих себя как к левым, так и правым.²⁸⁹ Так совокупный отток из левых и лево-центристских партий составил порядка 870 тыс. избирателей. Из блока ХДС/ХСС отток составил 980 тыс. Это отражает то, что АдГ удалось в определённой степени добиться ухода от классического деления электората на предпочтения по политическому спектру в угоду увеличения числа своих избирателей, захватив при этом как можно большую их часть в свою пользу, опираясь на провокационную риторику, волнующую представителей различных политических направленностей. В большей степени мобилизация новых слоёв населения произошла через «высказывание недоверия политическим, корпоративным и медиа-элитам».²⁹⁰

Положение после выборов создало особую ситуацию. Несмотря на то, что ХДС и СДПГ сохранили большинство голосов, они значительно уступили по сравнению с предыдущими результатами. В то же время неприятие ключевыми двумя партиями возможности формирования новой большой коалиции вызвали затруднительное положение. Глава СДПГ после выборов официально заявил о переходе в оппозицию.²⁹¹ АдГ, забравшая практически 13%, была нежелательным коалиционным партнёром ни для одной из партий. Таким образом, оставшимся выходом стало формирование так называемой

²⁸⁷ Bundestagswahl 2017 - Endgültige Ergebnisse // Der Bundeswahlleiter. – Wiesbaden, 2017. URL: <https://bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2017/ergebnisse.html> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁸⁸ Ibid.

²⁸⁹ Wählerwanderung von und zu der AfD bei der Bundestagswahl 2017 // Statista, Wirtschaft & Politik. – 2017. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/753486/umfrage/waehlerwanderung-von-und-zu-der-afd-bei-der-bundestagswahl/> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁹⁰ Хохлова, Д. Д. Как метамодерн привел к политической сатире и новому популизму / Д. Д. Хохлова // Власть. – 2017. № 8. – С.60.

²⁹¹ AfD drittstärkste Kraft im Bundestag, herbe Verluste für Union und SPD // Süddeutsche Zeitung. - 25.09.2017. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/bundestagswahl-2017-historische-verluste-fuer-union-und-spd-afd-zweistellig-1.3681185> (дата обращения: 05.05.2020).

«ямайской коалиции», в состав которой, помимо ХДС/ХСС, входили либеральная (СвДП) и зелёная (Союз 90/Зеленые) партии, набравшие по 10,4% и 9,1%.

Затянувшиеся зондирующие переговоры продемонстрировали стагнацию политического процесса, т.к. между участниками были изначально заложены идеологические и политические противоречия.²⁹² Итогом стал выход из переговоров спустя месяц СвДП. Сложившимся провалом поспешила воспользоваться АдГ. Лидер партии Александер Гауланд обвинил в провале переговоров лично А. Меркель, заявив о необходимости её отставки.²⁹³ Его коллега Алис Вайдель и вовсе причислила провал формирования «Ямайки» к достижениям АдГ, указав, что «АдГ имеет свой эффект. Мы предотвратили союз христианских демократов и зелёных».²⁹⁴ В действительности, позиция «неудобного партнёра» стала *вызовом для системы* и заставила в определенной степени стагнировать политический прогресс, т.к. практически 13% от парламентских мандатов оказались атрофированы в рамках процесса формирования нового правительства (не говоря о 9,2% Левой партии, находящейся на схожем положении, хотя и в менее выраженном масштабе).

Сложившаяся ситуация создала предпосылки для правительственного кризиса, в результате которого формирование правительства затянулось до марта 2018 года. Исходя из сложившейся ситуации, оставшимися вариантами стали формирование новой большой коалиции, досрочные выборы или правительство меньшинства. Воздействие со стороны влиятельных политиков и СМИ привели к тому, что формирование большой коалиции стало наиболее предпочтительным вариантом. Активизация общественности в качестве ресурса стабилизации системы стала ключевым фактором для создания нового баланса в политике. К данному процессу также присоединился Федеральный президент Германии Франк-Вальтер Штайнмаер, призвав руководство партий найти компромисс, а СДПГ отказаться от изначальных установок, связанных с уходом в оппозицию.²⁹⁵ В результате, под воздействием временного фактора, произошёл политический откат (*bouncing back*) с

²⁹² Деревянченко, А. А., Деревянченко, А. А. Германия после парламентских выборов 2017 года: формирование федерального правительства и его перспективы / А. А. Деревянченко, А. А. Деревянченко // Гражданин. Выборы. Власть. – 2018. №. 2. – С. 73-74

²⁹³ Was bedeutet das Jamaika-Aus für die AfD? // Deutsche Welle. - 20.11.2017. URL: <https://www.dw.com/de/was-bedeutet-das-jamaika-aus-für-die-afd/a-41451042-0> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁹⁴ Geplatzte Sondierungsgespräche: AfD feiert sich nach Jamaika-Aus // Rheinische Post Online. - 20.11.2017. URL: <https://rp-online.de/politik/deutschland/afd-feiert-sich-nach-jamaika-aus-aid-20774975> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁹⁵ Steinmeier redet Parteien ins Gewissen // ZEIT Online. - 20.11.2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-11/bundespraesident-erwartet-von-allen-parteien-gespraechsbereitschaft> (дата обращения: 05.05.2020).

формированием старого типа коалиции. «Ещё никогда в истории страны не проходило столько времени (почти полгода) между выборами в бундестаг и созданием правительственной коалиции: второй раз подряд и четвертый — в истории ФРГ её сформировали консервативный союз ХДС/ХСС и СДПГ».²⁹⁶ Таким образом, несмотря на недостатки такого выхода, общественно-политическая система отреагировала на стресс, прибегнув к гомеостатическому подходу, восстановив докризисное состояние системы.

Данный кризис дал чёткий сигнал относительно новых тенденций в политике Германии. Падение авторитета ключевых партий совпало с ростом влияния АдГ, снизив возможности для манёвра в рамках политического процесса. При этом случай правительственного кризиса на национальном уровне не стал единственным. Новым примером послужила ситуация, сложившаяся в феврале-марте 2020 г. на региональном уровне в федеральной земле Тюрингия, после выборов в земельный парламент в октябре 2019 г. На прошедших выборах АдГ заняла второе место с 23,4%, в то время как партия действующего председателя местного правительства, «Левые», получила большинство с 31%.²⁹⁷ Падение голосов за ключевые федеральные партии вновь создало затруднительную ситуацию для формирования правительства.

В результате голосования в земельном парламенте после трёх туров в качестве председателя был избран представитель Свободных демократов (несмотря на их общий результат в 5%), как альтернативная кандидатура, получившая поддержку как однопартийцев и ХДС, так и АдГ.²⁹⁸ При этом перевес в раках голосования составил один голос, свидетельствовавший о том, что поддержка АдГ, игнорируемой в других представительных органах Германии, оказалась решающей для избрания главы правительства Тюрингии. Последовавшая ситуация продемонстрировала кризис не регионального, а национального масштаба. Ключевым аспектом его оказалась критика со стороны оппозиции (прежде всего СДПГ) не только СвД, но прежде всего ХДС за

²⁹⁶ Деревянченко, А. А., Деревянченко, А. А. Германия после парламентских выборов 2017 года: формирование федерального правительства и его перспективы / А. А. Деревянченко, А. А. Деревянченко // Гражданин. Выборы. Власть. – 2018. № 2. – С. 77

²⁹⁷ Landtagswahl 2019 in Thüringen - endgültiges Ergebnis, Wahlübersicht // Thüringer Landesamt für Statistik. – Erfurt, 2019. URL: <https://wahlen.thueringen.de/datenbank/wahl1/wahl.asp?wahlart=LW&wJahr=2019&zeigeErg=Land> (дата обращения: 06.05.2020).

²⁹⁸ Die Chronologie des Wahltags in Thüringen // Mitteldeutscher Rundfunk, Thüringen. - 06.02.2020. URL: <https://www.mdr.de/thueringen/ministerpraesident-wahl-ablauf-chronologie-kemmerich100.html> (дата обращения: 06.05.2020).

«нарушение политического табу на сотрудничество с крайне правыми».²⁹⁹ Немецкий историк Норберт Фрай в контексте дебатов о сложившейся ситуации указывает на то, что согласиться на поддержку «явных антидемократов» - это настоящий скандал.³⁰⁰ Федеральный канцлер обозначила в свою очередь происшествие в Тюрингии как нечто «непростительное», требующее пересмотра.³⁰¹

Итогом критической реакции немецкой общественности стала отставка новоизбранного главы регионального правительства Тюрингии. Однако политические трансформации не ограничились региональным уровнем. В наибольшей степени они затронули ХДС. С поста главы регионального отделения ХДС пришлось уйти Майке Моринг, защищавшего, вопреки массовой критике, избрание представителя СвД.³⁰² Помимо этого, последовала смена нескольких других должностных лиц, принадлежавших к ХДС.³⁰³ Итоговой же и наиболее значительной переменой стало заявление действующего председателя ХДС Аннегрет Крамп-Карренбауэр об уходе с поста председателя партии и отказа баллотироваться на пост канцлера на следующих выборах (обязавшись, однако, продолжить исполнять обязанности председателя до момента избрания нового главы ХДС). По словам самой Крамп-Карренбауэр, решение об уходе «назрело уже довольно давно» и связано с неразрешенностью вопросов лидерства в партии.³⁰⁴ С её точки зрения, любое сближение партии с АдГ недопустимо и «ослабляет ХДС».³⁰⁵ Большая часть СМИ интерпретировала при этом сам уход с поста председателя в качестве прямого следствия

²⁹⁹ Фаворитка Ангелы Меркель отказалась баллотироваться в канцлеры ФРГ // РБК. - 10.02.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/02/2020/5e41244b9a794711d331210a> (дата обращения: 06.05.2020).

³⁰⁰ Historiker über die Ministerpräsidentenwahl in Thüringen „Kemmerichs Leichtfertigkeit ist ein Skandal“ // Deutschlandradio: Deutschlandfunk Kultur. - 06.02.2020. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/historiker-ueber-die-ministerpraesidentenwahl-in-thueringen.1008.de.html?dram:article_id=469647 (дата обращения: 06.05.2020).

³⁰¹ Merkel bezeichnet Kemmerichs Wahl als "unverzeihlichen Vorgang" // SPIEGEL Politik. - 06.02.2020. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/angela-merkel-spricht-nach-ministerpraesidentenwahl-in-thueringen-von-unverzeihlichen-vorgang-a-937015fb-6deb-4217-bd0a-c5aad333b58b> (дата обращения: 06.05.2020).

³⁰² Mohring gibt als CDU-Fraktionchef in Thüringen auf // Mitteldeutscher Rundfunk, Thüringen. - 08.02.2020. URL: <https://www.mdr.de/thueringen/mike-mohring-gibt-kampf-um-fraktionsvorsitz-auf100.html> (дата обращения: 06.05.2020).

³⁰³ Ostbeauftragter der Bundesregierung muss Posten abgeben // Berliner Morgenpost. - 08.02.2020. URL: <https://www.morgenpost.de/politik/article228368247/Ostbeauftragter-der-Bundesregierung-muss-Posten-abgeben.html> (дата обращения: 06.05.2020).

³⁰⁴ Leistner A. Merkel zu AKK-Rückzug: "Ich bedauere die Entscheidung" // Euronews. - 10.02.2020. URL: <https://de.euronews.com/2020/02/10/akk-zu-ihrem-ruckzug-entscheidung-seit-geraumer-zeit-in-mir-gereift> (дата обращения: 06.05.2020).

³⁰⁵ Ibid.

кризиса в Тюрингии, т.к. в ходе него проявилась слабость Крамп-Карренбауэр внутри партии.³⁰⁶

Разрешение ситуации в Тюрингии последовало с теоретической точки зрения по сценарию федеральных выборов, выразившись в откате на существовавший до кризиса статус-кво с формированием старого типа коалиции (т.е. вновь проявился гомеостатический подход). Бодо Рамелов, являвшийся до выборов 2019 г. председателем правительства Тюрингии, был переизбран вновь на должность, при повторном формировании коалиции из Левой партии, СДПГ и Зелёных и поддержки данной коалиции со стороны ХДС.³⁰⁷

Произошедшая ситуация на региональном уровне продемонстрировала серьёзные потрясения и изменения политической системы Германии, стрессоустойчивость которой оказалась под давлением праворадикальных популистов. Используемая ими агрессивная повестка, применение различных видов информационных манипуляций и кампания в соцмедиа позволили им закрепить своё положение на региональном и национальном уровне, создав помеху для развития и трансформации политической системы. Ситуация повлекла за собой последствия, которые можно объединить в несколько групп.

Первая группа связана с изменением дискурса. Группа наблюдателей ОБСЕ ещё во время выборов 2017 г. отметила, что «дискуссионная культура в Германии изменилась, как и в остальной Европе, и не всегда в лучшую сторону».³⁰⁸ Тон политических дебатов становится всё более острым,³⁰⁹ что является следствием распространения свойственной постправде риторики ненависти. При этом ключевой партии, как ХДС, приходится выбирать «между сохранением своих центристских позиций или принятием более жёстких форм консерватизма, чтобы завоевать обратно голоса, ушедшие в пользу праворадикальной

³⁰⁶ So rutschte die CDU in die Krise // SPIEGEL Politik. - 10.02.2020. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ruecktritt-von-annegret-kramp-karrenbauer-so-rutschte-die-cdu-in-die-krise-a-8eb1fe97-8892-4818-b41a-43338f92a6eb> (дата обращения: 06.05.2020).

³⁰⁷ Regierungsbildung in Thüringen - Erfurter Pakt // SPIEGEL Politik. - 22.02.2020. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/thueringen-erstmal-in-deutschland-wollen-cdu-und-linke-zusammenarbeiten-a-8c844a2a-1f2d-44bc-a52d-1976877c01ff> (дата обращения: 06.05.2020).

³⁰⁸ Korrekt gewählt // Das Deutschland-Portal - deutschland.de. - 27.09.2017 URL: <https://www.deutschland.de/de/topic/politik/korrekt-gewaeht> (дата обращения: 02.05.2020).

³⁰⁹ Holtz-Bacha, C. Bundestagswahl 2017: Flauer Wahlkampf? Spannende Wahl! / C. Holtz-Bacha // Die (Massen-) Medien im Wahlkampf: Die Bundestagswahl 2017 / C. Holtz-Bacha [et al.]. – Wiesbaden: Springer VS, 2019. – P.20.

АдГ».³¹⁰ В ХДС такие предложения звучат при этом всё чаще от ключевых фигур партийного аппарата.³¹¹

Вторая группа последствий связана с гомеостатическим ответом системы на вызовы регионального и национального уровня. Неспособность выработать альтернативный ответ на новый вызов вынудил немецкую общественно-политическую систему вернуться к докризисному положению. Отсутствие адаптации к угрозе, возникшей из-за вовлечённости «табуированной» политической группы, сдерживающей работу политических институтов, создаёт ситуацию политической стагнации по ключевым вопросам. Распространение популистской повестки вокруг миграционного кризиса дополнительно ухудшает работоспособность демократических институтов, т.к. политика вне остросоциальной проблематики воспринимается второстепенной. Общественно-политические институты и сама система в таких условиях нуждаются в эффективном механизме сосуществования с угрозой, включения её в систему без ущерба демократическому статусу институтов. Пример Тюрингии свидетельствует о неудачной попытке адаптации. Однако, игнорирование политической группы (13% электората на национальном уровне и 23% на региональном) также не является системным ответом, поскольку ведёт к росту протеста и остроты общественного конфликта.

Третья группа проблем демонстрирует ограниченность патерналистского подхода к борьбе в рамках национальной практики с явлениями постправды, способствовавшим развитию двух кризисов в немецкой политике. Ограничительные меры, предпринятые Бундестагом и поддержанные правительством, на распространение ложной или искажённой информации не способствуют снижению их влияния. Возможность бесконечного их повторения в соцсетях ограничивает эффективность блокировок. Кроме того, риторика ненависти, распространяемая АдГ, имеет сильное воздействие в общественном пространстве в силу остроты тем для национальной политики. Наложение ограничений или даже табу в рамках информационного пространства в такой ситуации лишь мобилизует сторонников радикальных консервативных взглядов, что ведёт к созданию обратного эффекта, усиливающего веру в ложные или искажённые сведения. Примером здесь служит закрепление в дискурсе понятия «Lügenpresse» (с нем. лже-

³¹⁰ AKK's resignation sparks battle for soul of German conservatism // The Guardian. - 11.02.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/11/annegret-kramprach-karrenbauer-resignation-sparks-battle-for-soul-of-german-conservatism> (дата обращения: 06.05.2020).

³¹¹ Friedrich Merz spricht über GroKo, AfD und die Probleme der CDU // Passauer Neue Presse. - 07.11.2019. URL: <https://www.pnp.de/nachrichten/politik/Friedrich-Merz-spricht-ueber-GroKo-AfD-und-die-Probleme-der-CDU-3504452.html> (дата обращения: 06.05.2020).

СМИ),³¹² обозначающего стигматизацию популистами традиционных и системных медиа, как источника дезинформации, т.к. они избегают актуальную для крайне правых политическую повестку.

Таким образом, Германия продемонстрировала влияние политики постправды на национальном уровне, показав возможные последствия для политической системы и её институтов. Несмотря на то, что сама стрессоустойчивость системы позволила выйти из кризисов и на региональном, и на национальном уровне, решения, выбранные в рамках системы, были патерналистского и гомеостатического характера. В то же время попытки вернуться в докризисное состояние позволяют лишь временно справиться с проявлениями проблемы, но не с ней самой. Новая угроза создания эмоциональной и агрессивной повестки в Германии закрепились и уже имела свои проявления и в росте насилия, и в стремлении различных партий подстроиться под повестку. Однако, возвращение к докризисному состоянию не способно устранить угрозу, необходима новая логика решения развивающегося социального конфликта, основанная на трансформации. Сохранение статуса-кво может повлечь за собой далеко идущие последствия, которые скажутся на системе в будущем более радикальным образом.

³¹² Koliska, M., Assmann, K. Lügenpresse: The lying press and German journalists' responses to a stigma / M. Koliska, K. Assmann // Journalism. - 2019. - P. 1–18. <https://doi.org/10.1177/1464884919894088>

Заключение

Исследование проблемы распространения постправды наглядно демонстрирует наличие большого количества уязвимостей в рамках любого общества, находящегося в условиях повышенной информатизации и цифровизации. Технологические новации в совокупности с острой социальной повесткой порождают снижение влияния фактических данных, что наносит непоправимый ущерб социальному доверию и функционированию институтов. Важным инструментом противодействия такому влиянию является укрепление и развитие общественной стрессоустойчивости, выражающейся в способности системы вернуться к состоянию до воздействия угрозы или даже эволюционировать, приспособившись к существованию кризисных явлений. В итоге стрессоустойчивость выступает одновременно и характеристикой общества или системы, и теоретическим аппаратом, позволяющим изучать, анализировать и описывать кризисные явления таким образом, чтобы найти оптимальную возможность противодействовать им. Обе данные предпосылки учтены и реализованы при написании работы.

В рамках исследования были сделаны следующие выводы:

1. Несмотря на относительно давнее появление самого понятия «постправда», популярность оно снискало в конкретном социально-политическом контексте, связанном с политическими трансформациями, вылившимися в события 2016 года (Брекзит и избрание Д. Трампа президентом США). После данных событий и последовавшей за ними волны публикаций, постправда быстро стала объектом исследования в академической среде. В то же время рост интереса к постправде породил множественность интерпретаций феномена в совершенно разных плоскостях, сделав его гетерогенным по своей сущности и междисциплинарным в исследовательском отношении явлением.

2. Постправду можно определить, как особые условия меняющихся в дискурсе приоритетов в рамках формируемой бинарной оппозиции эмоций и фактов с преобладанием первых над вторыми. Эти изменения обусловлены целым рядом факторов, изменивших социальную жизнь. К ним относятся как технические предпосылки, такие, как распространение интернета и новых типов массмедиа, рост использования колоссальных объемов персональных данных пользователей посредством алгоритмов, децентрализация источников информации, так и социально обусловленный рост недоверия во всем многообразии своего проявления. Кроме того, эпоху постправды характеризует меняющееся отношение к эмоциям со стороны общественности и осознание их важности.

3. При анализе постправды особое значение имеет применение новых подходов для расширения исследовательской повестки. Примером такого подхода является концепция «стрессоустойчивости». На сегодняшний день Европейский союз наглядно демонстрирует практическую реализацию термина «стрессоустойчивость» в своем политическом дискурсе. За более чем три десятилетия термин интегрировался в стратегическое мышление европейских институтов. В то же время современная реализация термина меняет свойства стрессоустойчивости с академической точки зрения, превращая концепцию в политический инструмент. Процесс наделения стрессоустойчивости нормативными свойствами, а также процесс секьюритизации угроз вызывают деформацию изначального смысла понятия. Тем не менее академическая сторона стрессоустойчивости позволяет рассматривать процессы противодействия угрозам в ЕС с системной точки зрения, определяя ресурсы и уровни противодействия, которыми система обладает.

4. При анализе постправды через призму стрессоустойчивости и свойственных ей теоретических рамок, следует выделить процесс эмоциональной аффилиации человека в качестве имманентного свойства системы общественных отношений, из которого проистекает инструментализация «правды», являющаяся источником вызовов для системы. Таким образом, постправда является средой, имеющей внутренний характер для системы, проистекающий из единства информационной среды, вне зависимости от того что или кто является источником угрозы. Угрозами в рамках системы видятся прежде всего фейковая информация и риторика ненависти, противодействие которым породили два подхода. Патерналистский метод завязан на ограничительных мерах с целью поддержания внутреннего баланса системы и блокирования негативного воздействия. Адаптивный же подход стремиться использовать вызовы, совместно с ресурсами самой системы для процесса трансформации и адаптации к угрозе. Обе стратегии принимаются на всех уровнях системы от наднационального до локального. Несмотря на имеющиеся ограничения в оценке стрессоустойчивости, существует консенсус относительно важности образования (а также самого образовательного процесса) и в качестве меры по противодействию постправде, и в качестве индикатора стрессоустойчивости.

5. Европейский подход к проблеме дезинформации и фейковых новостей характеризуют два спорных явления. Разделение фейков на внутренние и внешние дополняется колебаниями между используемыми терминами. Данная путаница мешает внятно ответить на вопрос, перед чем ЕС обязан выработать стрессоустойчивость. С точки зрения концепции стрессоустойчивости и внешняя угроза дезинформации, и внутренняя

угроза фейковой информации от популистов являются частью единой системы. Система сама является источником своих угроз, и решением может служить лишь обращение к собственным ресурсам через адаптацию к информационным угрозам в целом, а не по отдельности. Несмотря на то, что ЕС на данный момент не принял для себя в рамках политического дискурса данного единства угроз и ресурсов (в контексте фейков), он, тем не менее, стремится обеспечить стрессоустойчивость общественности, по крайней мере к внешним аспектам постправды. Данный опыт по своей природе также неоднороден и в целом соотносим с адаптивной и патерналистской стратегией противодействия дезинформации. При этом в практическом выражении оба подхода комбинируются, о чём свидетельствует деятельность ЕС в преддверии выборов в Европейский парламент 2019 г.

6. Стрессоустойчивость наднациональных институтов ЕС в контексте эпохи постправды характеризуются следующими чертами: во-первых, доминирует логика внешнего характера угрозы над внутренней; во-вторых, стрессоустойчивость является ключевой концепцией, на базе которой строится практика противодействия дезинформации, выраженная в патерналистской и адаптивной стратегиях; в-третьих, адаптивная стратегия доминирует в политике противодействия дезинформации в ЕС, выделяя в качестве основного ресурса системы индивида и общество, а их образованность в качестве главного условия стрессоустойчивости; в-четвертых, смещение фокуса на внешнего врага (при частичной стигматизации России в качестве основного источника дезинформации) снижает внимание институтов ЕС к проблеме эмоциональности и фрагментации политических дискуссий в сети (способствующей росту популизма); в-пятых, внутри понятийного аппарата в рамках европейского дискурса существует путаница между дезинформацией, фейковыми новостями и стратегическими коммуникациями (пропагандой). В итоге, пример наднационального влияния постправды демонстрирует, что общественно-политические институты способны вырабатывать отдельные меры по совершенствованию общественной стрессоустойчивости к возможным угрозам. В то же время, европейский пример наглядно показывает, что разделение угрозы на внешнюю и внутреннюю составляющую противоречит не только логике стрессоустойчивости, но и эффективному управлению угрозой.

7. Характеризуя предвыборный период перед выборами в парламент Германии в 2017 г., важно подчеркнуть явное преобладание оградительных и патерналистских мер в действиях федеральных институтов. Отдельные практики адаптивной самоорганизации общественных платформ и СМИ дополняют, но не определяют общую картину. Ключевой

угрозой видится распространяющаяся в обществе и социальных медиа эмоциональная, агрессивная риторика ненависти, имеющая особенно сильный эффект в контексте событий перед выборами и эксплуатируемая ключевой популистской партией в Германии – Альтернативой для Германии.

8. Германия наглядно продемонстрировала влияние политики постправды на национальном уровне, показав её возможные последствия для политической системы и институтов. Несмотря на то, что сама стрессоустойчивость системы позволила выйти из кризисов и на региональном (кризис в Тюрингии и его последствия), и на национальном уровне (проблемы с формированием правительственной коалиции), решения выбранные в рамках системы были патерналистского и гомеостатического характера. В то же время попытки вернуться в докризисное состояние позволяют лишь временно справиться с проявлениями проблемы, но не с ней самой. Новая угроза создания агрессивной повестки в Германии закрепилась и уже имела свои проявления и в росте насилия, и в стремлении различных партий соответствовать актуальной и эмоциональной проблематике. Отсюда возвращение к докризисному состоянию не способно предотвратить угрозу, необходима новая логика решения развивающегося социального конфликта, основанная на трансформации. Сохранение статуса-кво может повлечь за собой далеко идущие последствия, которые скажутся на системе в будущем более радикальным образом.

Сравнение двух указанных в выводах примеров позволяет сформировать определенные рекомендации, основанные на существующей практике по противодействию постправде. Влияние фейковых новостей и рост риторики ненависти следует воспринимать как часть более общей проблемы, а именно распространения политики постправды. Разработка мер по противодействию её должна происходить с учётом системного воздействия проблемы на различных уровнях, а также её внутреннего и внешнего измерения. Комплекс мер должен учитывать невозможность отгородиться от угрозы в силу неделимости информационного пространства, из чего следует, что патерналистская стратегия может иметь лишь ограниченный эффект, т.к. рассчитана на быстрое реагирование с краткосрочным результатом. Для долгосрочных изменений, подразумевающих адаптацию к проблеме и дающих более комплексный ответ на проблему, следует обратиться к адаптивной стратегии. Основными её составляющими является децентрализация управления угрозой с переносом отдельных функций на индивидов и их способность к самоорганизации. Ключевую роль здесь играет образовательный процесс, и

добровольные практики, позволяющие при низкой угрозе нарушения свободы самовыражения выработать комплексный и разносторонний ответ.

Анализ национальной и наднациональной практики также показал, что более низкие уровни системы способны попадать под влияние кризисных явлений, связанных с информационными угрозами, в той же степени, что и более высокие. При этом в институциональной логике Европейского союза сохраняется значительная роль государств, что делает угрозы национального и регионального уровня опасными для всей системы в целом. Два кризиса в Германии после выборов в Бундестаг в 2017 г. имели для европейского пространства в сравнительном отношении не меньшее значение, чем сохранившееся влияние популистов после выборов в Европейский парламент в 2019 г. Отсюда угроза постправды не должна разграничиваться между различными уровнями системы, т.к. выработка стрессоустойчивости к ней является общесистемным вопросом, а наилучшей формой противодействия являются практики локального характера, сфокусированные на индивидах.

Список использованных источников и литературы

Источники:

Резолюции Европейского парламента:

1. European Parliament resolution of 17 July 2014 on Ukraine (2014/2717(RSP)) // OJ C 224. - 2016. - P. 14–18.
2. European Parliament resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)) // OJ C 224. – 2018. - P. 58–67.
3. European Parliament resolution of 15 June 2017 on online platforms and the digital single market (2016/2276(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0272_EN.html (дата обращения: 15.04.2020).
4. European Parliament resolution of 3 May 2018 on media pluralism and media freedom in the European Union (2017/2209(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0204_EN.html (дата обращения: 15.04.2020).

Стратегии и белые книги:

1. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. Weißbuch Digitale Plattformen - Digitale Ordnungspolitik für Wachstum, Innovation, Wettbewerb und Teilhabe / Bundesministerium für Wirtschaft und Energie - Berlin: Hirschen Group, 2017. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Digitale-Welt/weissbuch-digitale-plattformen.html> (дата обращения: 02.05.2020).
2. European Union. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe - A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy / European Union - Brussels, 2016. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

Доклады и документы органов ЕС и ФРГ:

1. Council of the European Union. Council Conclusions on EU Approach to Resilience - 3241st Foreign Affairs Council meeting, Brussels, 2013, 28 May / Council of the European Union – Brussels, 2013. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/137319.pdf (дата обращения: 14.04.2020).
2. European Commission. A multi-dimensional approach to disinformation *Report of the independent High Level group on fake news and online disinformation* / European Commission - Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. – 40 p.
3. European Commission. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions *Tackling online disinformation: a European Approach* COM/2018/236 final / European Commission - Brussels, 2018. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018DC0236> (дата обращения: 15.04.2020).
4. European Commission. Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions *Action Plan against Disinformation* JOIN(2018) 36 final / European Commission – Brussels, 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/eu-communication-disinformation-euco-05122018_en.pdf (дата обращения: 16.04.2020).

5. European Commission. Joint communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions *Report on the implementation of the Action Plan Against Disinformation* JOIN(2019) 12 final / European Commission - Brussels, 2019. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_report_on_disinformation.pdf (дата обращения: 14.04.2020).
6. European Commission. Joint Communication to the European Parliament and the Council *A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action* JOIN(2017) 21 final / European Commission - Brussels, 2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52017JC0021> (дата обращения: 30.03.2020).
7. European Commission. Report From the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee Of The Regions on the implementation of the Communication "Tackling online disinformation: a European Approach" COM(2018) 794 final / European Commission – Brussels, 2018. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/report-implementation-communication-tackling-online-disinformation-european-approach> (дата обращения: 16.04.2020).
8. Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. Bekämpfung von Fake-News im europäischen Ausland WD 10 – 3000 – 004/17 / Deutscher Bundestag – 2017. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/502160/b90e2e68a419dc63e466f0728ccdc62/WD-10-004-17-pdf-data.pdf> (дата обращения: 02.05.2020).
9. Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. Der Umgang mit Fake-News - Rechtslage und Reformansätze WD 10 - 3000 - 067/16 / Deutscher Bundestag – 2016. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/494418/4321d229204080dce488ebd0356b5db2/wd-10-067-16-pdf-data.pdf> (дата обращения: 02.05.2020).

Законодательные акты:

1. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz - NetzDG) vom 1. September 2017 // Bundesgesetzblatt. – 2017. T. I Nr. 61. – S. 3352.

Официальные выступления и заявления:

1. Remarks by HR/VP Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council / European External Action Service - Luxembourg, April 16, 2018. URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/european-neighbourhood-policy-enp/42996/remarks-hrvp-mogherini-press-conference-following-foreign-affairs-council_en (дата обращения: 22.11.2019).
2. Statement by Vice-President Ansip on the action plan to counter disinformation and progress achieved so far (press conference) / European Commission - December 5, 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2014-2019/ansip/announcements/statement-vice-president-ansip-action-plan-counter-disinformation-and-progress-achieved-so-far-press_en (дата обращения: 21.11.2019).
3. Tusk, D. The battle for CETA was highly emotional / D. Tusk // Twitter. - October 30, 2016. URL: <https://twitter.com/eucopresident/status/792717582524674048> (дата обращения: 30.10.2019).

Пресс-релизы и информация с официальных сайтов:

1. EU to take action against fake news and foreign electoral interference // European Parliament, Press room. - 10.10.2019. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20191007IPR63550/eu-to-take-action-against-fake-news-and-foreign-electoral-interference> (дата обращения: 15.04.2020).
2. Korrekt gewählt // Das Deutschland-Portal - deutschland.de. - 27.09.2017 URL: <https://www.deutschland.de/de/topic/politik/korrekt-gewaehlt> (дата обращения: 02.05.2020).
3. Media Literacy and Common Sense in the EU // EAVI - European Association for Viewers Interests. - 16.01.2019. URL: <https://eavi.eu/media-literacy-and-common-sense-in-the-eu/> (дата обращения: 18.04.2020).
4. Questions and Answers about the East StratCom Task Force // European External Action Service, EEAS press team. - 05.12.2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/2116/questions-and-answers-about-east-stratcom-task-force_en (дата обращения: 24.02.2020).
5. Startschuss für die Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. - 18.09.2017. URL: https://web.archive.org/web/20171102171222/https://www.bmjbv.de/SharedDocs/Artikel/DE/2017/091817_Rechtsdurchsetzung_in_sozialen_Netzwerken.html (дата обращения: 02.05.2020).
6. Tackling online disinformation // European Commission, Shaping Europe's digital future. - Policies. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/tackling-online-disinformation> (дата обращения: 23.02.2020).

Поисковые выдачи с веб-сайтов:

1. Suchergebnis für „postfaktisch“ // Deutscher Bundestag, Service. URL: <https://www.bundestag.de/services/suche?suchbegriff=postfaktisch> (дата обращения: 04.05.2020).

Новостные статьи:

1. AfD drittstärkste Kraft im Bundestag, herbe Verluste für Union und SPD // Süddeutsche Zeitung. - 25.09.2017. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/bundestagswahl-2017-historische-verluste-fuer-union-und-spd-afd-zweistellig-1.3681185> (дата обращения: 05.05.2020).
2. AfD-Wahlkampf in Berlin - Gefühlte Realität // Deutschlandradio, Deutschlandfunk. - 14.09.2016. URL: https://www.deutschlandfunk.de/afd-wahlkampf-in-berlin-gefuehlte-realitaet.1773.de.html?dram:article_id=365806 (дата обращения: 05.05.2020).
3. AKK's resignation sparks battle for soul of German conservatism // The Guardian. - 11.02.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/11/annegret-kramp-karrenbauer-resignation-sparks-battle-for-soul-of-german-conservatism> (дата обращения: 06.05.2020).
4. Angela Merkel im Wortlaut: "Wenn wir nicht gerade aus Stein sind" // Der Tagesspiegel. - 21.09.2016. URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/angela-merkel-im-wortlaut-wenn-wir-nicht-gerade-aus-stein-sind/14576252.html> (дата обращения: 04.05.2020).
5. Die Chronologie des Wahltags in Thüringen // Mitteldeutscher Rundfunk, Thüringen. - 06.02.2020. URL: <https://www.mdr.de/thueringen/ministerpraesident-wahl-ablauf-chronologie-kemmerich100.html> (дата обращения: 06.05.2020).

6. EU vs Fake News: The truth about Brussels' fight against disinformation / M. Williams // Channel 4. – 18.12.2018. URL: <https://www.channel4.com/news/eu-vs-fake-news-the-truth-about-brussels-fight-against-disinformation> (дата обращения: 15.04.2020).
7. EU's Juncker: there is still a risk of no-deal Brexit despite delay / F. Y. Chee // Reuters. – 20.04.2019. URL: <https://uk.reuters.com/article/uk-britain-eu-juncker/eus-juncker-there-is-still-a-risk-of-no-deal-brexit-despite-delay-idUKKCN1RV1B5> (дата обращения: 15.04.2020).
8. Friedrich Merz spricht über GroKo, AfD und die Probleme der CDU // Passauer Neue Presse. - 07.11.2019. URL: <https://www.pnp.de/nachrichten/politik/Friedrich-Merz-spricht-ueber-GroKo-AfD-und-die-Probleme-der-CDU-3504452.html> (дата обращения: 06.05.2020).
9. Geplatzte Sondierungsgespräche: AfD feiert sich nach Jamaika-Aus // Rheinische Post Online. - 20.11.2017. URL: https://rp-online.de/politik/deutschland/afd-feiert-sich-nach-jamaika-aus_aid-20774975 (дата обращения: 05.05.2020).
10. German hate speech law tested as Twitter blocks satire account // Reuters. - 03.01.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-germany-hatecrime/german-hate-speech-law-tested-as-twitter-blocks-satire-account-idUSKBN1ES1AT> (дата обращения: 05.05.2020).
11. Germany looks to revise social media law as Europe watches // Reuters. - 08.03.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-germany-hatespeech/germany-looks-to-revise-social-media-law-as-europe-watches-idUSKCN1GK1BN> (дата обращения: 05.05.2020).
12. Is Germany's media to blame for the inexorable rise of the AfD? // The Guardian. - 14.11.2018. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/14/afd-german-media-politicians-angela-merkel> (дата обращения: 04.05.2020).
13. Leistner A. Merkel zu AKK-Rückzug: "Ich bedauere die Entscheidung" // Euronews. - 10.02.2020. URL: <https://de.euronews.com/2020/02/10/akk-zu-ihrem-ruckzug-entscheidung-seit-geraumer-zeit-in-mir-gereift> (дата обращения: 06.05.2020).
14. Merkel bezeichnet Kemmerichs Wahl als "unverzeihlichen Vorgang" // SPIEGEL Politik. - 06.02.2020. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/angela-merkel-spricht-nach-ministerpraesidentenwahl-in-thueringen-von-unverzeihlichen-vorgang-a-937015fb-6deb-4217-bd0a-c5aad333b58b> (дата обращения: 06.05.2020).
15. Mohring gibt als CDU-Fraktionchef in Thüringen auf // Mitteldeutscher Rundfunk, Thüringen. - 08.02.2020. URL: <https://www.mdr.de/thueringen/mike-mohring-gibt-kampf-um-fraktionsvorsitz-auf100.html> (дата обращения: 06.05.2020).
16. Nicht die Realität soll zählen - sondern das Gefühlte // Süddeutsche Zeitung. - 07.09.2016. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/nachtkritik-zur-rbb-debatte-das-was-man-fuehlt-ist-auch-realitaet-1.3151588-2> (дата обращения: 04.05.2020).
17. Ostbeauftragter der Bundesregierung muss Posten abgeben // Berliner Morgenpost. - 08.02.2020. URL: <https://www.morgenpost.de/politik/article228368247/Ostbeauftragter-der-Bundesregierung-muss-Posten-abgeben.html> (дата обращения: 06.05.2020).
18. Regierungsbildung in Thüringen - Erfurter Pakt // SPIEGEL Politik. - 22.02.2020. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/thueringen-erstmal-in-deutschland-wollen-cdu-und-linke-zusammenarbeiten-a-8c844a2a-1f2d-44bc-a52d-1976877c01ff> (дата обращения: 06.05.2020).
19. So rutschte die CDU in die Krise // SPIEGEL Politik. - 10.02.2020. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ruecktritt-von-annegret-kramp-karrenbauer-so-rutschte-die-cdu-in-die-krise-a-8eb1fe97-8892-4818-b41a-43338f92a6eb> (дата обращения: 06.05.2020).

20. Steinmeier redet Parteien ins Gewissen // ZEIT Online. - 20.11.2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-11/bundespraesident-erwartet-von-allen-parteien-gespraechsbereitschaft> (дата обращения: 05.05.2020).
21. Was bedeutet das Jamaika-Aus für die AfD? // Deutsche Welle. - 20.11.2017. URL: <https://www.dw.com/de/was-bedeutet-das-jamaika-aus-für-die-afd/a-41451042-0> (дата обращения: 05.05.2020).
22. Фаворитка Ангелы Меркель отказалась баллотироваться в канцлеры ФРГ // РБК. - 10.02.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/02/2020/5e41244b9a794711d331210a> (дата обращения: 06.05.2020).

Статистические данные:

1. Bundestagswahl 2017 - Endgültige Ergebnisse // Der Bundeswahlleiter. – Wiesbaden, 2017. URL: <https://bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2017/ergebnisse.html> (дата обращения: 05.05.2020).
2. Landtagswahl 2019 in Thüringen - endgültiges Ergebnis, Wahlübersicht // Thüringer Landesamt für Statistik. – Erfurt, 2019. URL: <https://wahlen.thueringen.de/datenbank/wahl1/wahl.asp?wahlart=LW&wJahr=2019&zeigeErg=Land> (дата обращения: 06.05.2020).
3. Neue LFM-Studie zu Fake News: Mehr als die Hälfte der Onlinenutzer hat Erfahrung Damit // Landesanstalt für Medien NRW. – Düsseldorf, 2017. URL: <https://www.medienanstalt-nrw.de/presse/pressemitteilungen/pressemitteilungen-2017/2017/juni/neue-lfm-studie-zu-fake-news-mehr-als-die-haelfte-der-onlinenutzer-hat-erfahrung-damit.html> (дата обращения: 04.05.2020).
4. Share of votes for populist and nationalist parties in the European Parliamentary Elections of 2019, by country // Statista, Politics & Government. - 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/1027735/populist-vote-share-in-eu-elections/> (дата обращения: 16.04.2020).
5. The 2019 Post-Electoral Survey. Have European Elections Entered a New Dimension? Eurobarometer Survey 91.5 / European Parliament: DG Communication. Public Opinion Monitoring Unit, 2019. J. Zalc, N. Becuwe, A. Buruian. – Brussels, 2019. № 91.5. – 116 p.
6. Wahlergebnisse und Wählerschaft der AfD / F. Decker // Bundeszentrale für politische Bildung. - 16.07.2018. URL: <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/afd/273131/wahlergebnisse-und-waehlerschaft> (дата обращения: 05.05.2020).
7. Wählerwanderung von und zu der AfD bei der Bundestagswahl 2017 // Statista, Wirtschaft & Politik. – 2017. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/753486/umfrage/waehlerwanderung-von-und-zu-der-afd-bei-der-bundestagswahl/> (дата обращения: 05.05.2020).

Словари:

1. «Post-truth» / Oxford Learner's Dictionary. - Oxford University Press, 2020. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/post-truth> (дата обращения: 14.02.2020).
2. Word of the Year 2016 / OxfordLanguages. - Oxford University Press, 2020. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 14.02.2020).

Литература:

Монографии:

1. Ball, J. Post-Truth: How Bullshit Conquered the World / J. Ball - London: Biteback Publishing, 2017. – 320 p.
2. Block, D. Post-Truth and Political Discourse / D. Block - Cham: Palgrave Pivot, 2019. – 142 p.
3. Buzan, B., Waever, O., de Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Waever, J. de Wilde - Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.
4. Chandler, D. Resilience: The Governance of Complexity / D. Chandler – Abingdon: Routledge, 2014. – 270 p.
5. d’Ancona, M. Post-Truth: The New War On Truth and How to Fight Back / M. d’Ancona - London: Ebury Press, 2017. – 164 p.
6. Davis, E. Post-Truth: Why We Have Reached Peak Bullshit and What We Can Do About It / E. Davis - London: Little, Brown Book Group, 2017. – 368 p.
7. Die (Massen-)Medien im Wahlkampf: Die Bundestagswahl 2017 / C. Holtz-Bacha [et al.]. – Wiesbaden: Springer VS, 2019. – 356 p.
8. Drums: Distortions, Rumours, Untruths, Misinformation, and Smears / V. Norman, J. Shashi, A. Benjamin [et al.]. - World Scientific, 2018. – 200 p.
9. Durnová, A. Understanding Emotions in Post-Factual Politics: Negotiating Truth / A. Durnová - Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. – 192 p.
10. Frankfurt, H. G. On Bullshit / H. G. Frankfurt - Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. – 81 p.
11. Fuller, S. Post-truth: Knowledge as a power game / S. Fuller - London: Anthem Press, 2018. – 218 p.
12. Handbook of Sustainability and Social Science Research / W. Leal Filho, R.W. Marans, J. Callewaert [et al.]. - Springer, 2018. – 494 p.
13. Hendricks, V. F., Vestergaard, M. Postfaktisch: Die neue Wirklichkeit in Zeiten von Bullshit, Fake News und Verschwörungstheorien / V. F. Hendricks, M. Vestergaard - München: Karl Blessing Verlag, 2018. – 209 p.
14. Jamieson, K.H., Cappella, J.N. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment / K.H. Jamieson, J.N. Cappella - Oxford: Oxford University Press, 2008. – 313 p.
15. Kahneman, D. Thinking, fast and slow / D. Kahneman - London: Macmillan, 2011. – 512 p.
16. Kalpokas, I. A Political Theory of Post-Truth / I. Kalpokas - Cham: Palgrave Pivot, 2019. – 135 p.
17. Keyes, R. The Post-truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life / R. Keyes - New York: St. Martin's, 2004. – 325 p.
18. McIntyre, L. Post-truth / L. McIntyre - Cambridge, MA: MIT Press, 2018. – 240 p.
19. Overell, R., Nicholls, B. Post-truth and the Mediation of Reality / R. Overell, B. Nicholls - Cham: Palgrave Macmillan, 2019. – 215 p.
20. Pariser, E. The filter bubble: How the new personalized web is changing what we read and how we think / E. Pariser - New York: Penguin, 2011. – 304 p.
21. Sim, S. Post-Truth, Scepticism & Power / S. Sim - Cham: Palgrave Macmillan, 2019. – 175 p.
22. The Routledge handbook of International resilience / D. Chandler, J. Coaffee [et al.]. - New York, London: Routledge, 2016. – 420 p.
23. Попова, О.В. «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Попова - СПб.: Скифия-принт, 2018. - 216 с.

Научные статьи:

1. Alemanno, A. How to Counter Fake News? A Taxonomy of Anti-Fake News Approaches / A. Alemanno // *European Journal of Risk Regulation*. - 2018. Vol. 9, № 1. - P. 1–5.
2. Aradau, C. Assembling Credibility: Knowledge, Method and Critique in Times of ‘Post-truth’ / C. Aradau // *Security Dialogue*. - 2019. Vol. 50, № 1. - P. 40–58.
3. Baade, B. Fake News and International Law / B. Baade // *European Journal of International Law*. – 2018. Vol. 29, № 4. - P. 1357-1376.
4. Braun, K., Dodge, J. Critical policy studies and the politics of post-truth politics / K. Braun, J. Dodge // *Critical Policy Studies*. - 2018. Vol. 12, № 1. - P. 1–2.
5. Burkhardt, J. M. Combating Fake News in the Digital Age / J. M. Burkhardt // *Library Technology Reports*. – 2017. Vol. 53, №. 8. – P. 5-9.
6. Carpenter, S., Walker, B., Anderies, J.M., Abel, N. From Metaphor to Measurement: Resilience of What to What / S. Carpenter, B. Walker, J.M. Anderies, N. Abel // *Ecosystems*. - 2001. Vol. 4, №. 8. - P. 765–781.
7. Crilley, R. International relations in the age of ‘post-truth’ politics / R. Crilley // *International Affairs*. - 2018. Vol. 94, № 2. – P. 417-425.
8. Demasi, M. A. Facts as social action in political debates about the European Union / M. A. Demasi // *Political Psychology*. - 2019. Vol. 40, № 1. - P. 3-20.
9. Duncombe, C. Popular Culture, Post-Truth and Emotional Framings of World Politics Politics / C. Duncombe // *Australian Journal of Political Science*. - 2019. Vol. 54, №4. - P. 543-555.
10. Durnová, A. Der ‚March for Science‘ als Schauplatz der gesellschaftspolitischen Polarisierung zwischen Elite und Volk: ein interpretativer Beitrag zur Analyse von Postfaktizität / A. Durnová // *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. - 2019. Vol. 29, №. 2. - P. 345-360.
11. Durnová, A. Unpacking emotional contexts of post-truth / A. Durnová // *Critical Policy Studies*. - 2019. Vol. 13, № 4. - P. 447–450.
12. Farte, G. I., Obada, D. R. Reactive Public Relations Strategies for Managing Fake News in the Online Environment / G. I. Farte, D.R. Obada // *Postmodern Openings*. – 2018. Vol. 9, № 2. - P. 26-44.
13. Frankfurt, H. G. On Bullshit / H. G. Frankfurt // *Raritan Quarterly Review*. - 1986. Vol. 6, № 2. - P. 81–100.
14. Galston, W. A. The populist challenge to liberal democracy / W. A. Galston // *Journal of Democracy*. - 2018. Vol. 29, № 2. - P. 5-19.
15. Harsin, J. Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies / J. Harsin // *Communication, Culture & Critique*. - 2015. № 8. - P. 327–333.
16. Holling, C. S. Resilience and stability of ecological systems / C.S. Holling // *Annual review of ecology and systematics*. – 1973. Vol.4, № 1. - P. 1-23.
17. Hossová, M. Fake News and Disinformation: Phenomenons of Post-Factual Society / M. Hossová [et al.]. // *Media Literacy and Academic Research*. - 2018. Vol. 1, № 2. - P. 27-35.
18. Hyvönen, A. E. Careless speech: Conceptualizing post-truth politics / A. E. Hyvönen // *New Perspectives*. - 2018. Vol. 26, № 3. - P. 31-55.
19. Koliska, M., Assmann, K. Lügenpresse: The lying press and German journalists’ responses to a stigma / M. Koliska, K. Assmann // *Journalism*. - 2019. - P. 1–18. <https://doi.org/10.1177/1464884919894088>
20. Levi, L. Real Fake News and Fake Fake News / L. Levi // *First Amendment Law Review*. - 2018. Vol. 16. - P. 223–327.

21. Lewandowsky, S., Ecker, U. K. H., Cook, J. Beyond misinformation: Understanding and coping with the “post-truth” era / S. Lewandowsky, U. K. H. Ecker, J. Cook // *Journal of applied research in memory and cognition*. – 2017. Vol. 6, № 4. – P. 353-369.
22. Mair, J. Post-truth anthropology / J. Mair // *Anthropology Today*. – 2017. Vol. 33, № 3. – P. 3–4.
23. Marcinkowski, F. Mediatisation of politics: Reflections on the state of the concept / F. Marcinkowski // *Javnost-The Public*. – 2014. Vol. 21, № 2. – P. 5-22.
24. McDermott, R. Psychological underpinnings of post-truth in political beliefs / R. McDermott // *PS - Political Science and Politics*. – 2019. Vol. 52, № 2. – P. 218–222.
25. Michelsen, N., Tallis, B. Post-Truth-Telling in International Relations / N. Michelsen, B. Tallis // *New Perspectives*. – 2018. Vol. 26, № 3. – P. 7-16.
26. Prozorov, S. Why is there truth? Foucault in the age of post-truth politics / S. Prozorov // *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*. – 2019. Vol. 26. – P. 18–30.
27. Rafael, S., Ritzmann, A. Hintergrund: „Das ABC des Problemkomplexes Hassrede, Extremismus und NetzDG “ / S. Rafael, A. Ritzmann // *OCCI-Forschungsbericht: Hassrede und Radikalisierung im Netz*. – 2018. – P. 11-19. URL: <https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2018/09/ISD-NetzDG-Report-German-FINAL-26.9.18.pdf> (дата обращения: 05.05.2020).
28. Roozenbeek, J., van der Linden, S. The fake news game: actively inoculating against the risk of misinformation / J. Roozenbeek, S. van der Linden // *Journal of Risk Research*. – 2019. Vol. 22, № 5. – P. 570–580.
29. Schmitt-Beck, R. The ‘Alternative für Deutschland in the Electorate’: Between single-issue and right-wing populist party / R. Schmitt-Beck // *German Politics*. – 2017. Vol. 26, № 1. – P. 124-148.
30. Serrano, J. C. M. The Rise of Germany's AfD: A Social Media Analysis / J. C. M. Serrano [et al.]. // *Proceedings of the 10th International Conference on Social Media and Society*. – 2019. – P. 214-223.
31. Speed, E., Mannion, R. The Rise of Post-truth Populism in Pluralist Liberal Democracies: Challenges for Health Policy / E. Speed, R. Mannion // *International Journal of Health Policy and Management*. – 2017. Vol. 6, № 5. – P. 249–251.
32. Tandoc Jr., E.C., Lim, Z.W., Ling, R. Defining “Fake News” / E.C. Tandoc Jr., Z.W. Lim, R. Ling // *Digital Journalism*. – 2018. Vol. 6, № 2. – P. 137-153.
33. Tesich, S. A Government of Lies / S. Tesich // *The Nation*. – 1992. Vol. 254, № 1. – P. 12-14.
34. Tredinnick, L. Post truth, information, and emotion / L. Tredinnick // *Business Information Review*. – 2016. Vol. 33, № 4. – P. 204–206.
35. Walker, B., Holling, C. S., Carpenter, S., Kinzig, A. Resilience, adaptability and transformability in social–ecological systems / B. Walker, C. S. Holling, S. Carpenter, A. Kinzig // *Ecology and society*. – 2004. Vol. 9, № 2. URL: <https://www.ecologyandsociety.org/vol9/iss2/art5/inline.html> (дата обращения: 18.03.2020).
36. Walker, J., Cooper, M. Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation / J. Walker, M. Cooper // *Security Dialogue*. – 2011. Vol. 42, № 2. – P. 143–160.
37. Wight, C. Post-Truth, Postmodernism and Alternative Facts / C. Wight // *New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations*. – 2018. Vol. 26, № 3. – P. 17–30.

38. Yatid, M. M. Truth Tampering Through Social Media: Malaysia's Approach in Fighting Disinformation & Misinformation / M. M. Yatid // IKAT: The Indonesian Journal of Southeast Asian Studies. – 2019. Vol. 2, № 2. – P. 203-230.
39. Винник, Д. В. Социальная феноменология цифровой эпохи: риторика ненависти, анонимусы, копирайт и полицейский надзор / Д. В. Винник // Философия образования. – 2013. Т. 51, № 6. – С. 168-173.
40. Гудалов, Н. Н., Тулупов, Д. С. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов / Н. Н. Гудалов, Д. С. Тулупов // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. Т. 88, № 1. – С. 135-147.
41. Деревянченко, А. А., Деревянченко, А. А. Германия после парламентских выборов 2017 года: формирование федерального правительства и его перспективы / А. А. Деревянченко, А. А. Деревянченко // Гражданин. Выборы. Власть. – 2018. №. 2. – С. 64-85.
42. Котова, Н. С., Дусян, С. С. Феномен "фейка" в политическом дискурсе эпохи "постправды" / Н. С. Котова, С. С. Дусян // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2018. №. 2. – С. 130-135.
43. Лучинский, Ю. В. "Правительство лжи": феномен "постправды" Стива Тесича / Ю. В. Лучинский // Век информации. – 2018. Т. 1, № 2. – С. 322-323.
44. Романова, Т. А. Категория "стрессоустойчивость" в Европейском союзе / Т. А. Романова // Современная Европа. – 2017. Т. 76, № 4. – С. 17-28.
45. Романова, Т. А., Павлова, Е. Б. От гражданской и нормативной силы к стрессоустойчивости? Эволюция идейных основ внешней деятельности ЕС / Т. А. Романова, Е. Б. Павлова // Международные процессы. – 2018. Т. 16, № 2. – С. 73-90.
46. Трещенков, Е. Ю. Стрессоустойчивость в современных дискурсах управления / Е. Ю. Трещенков // Власть. – 2018. № 8. – С. 24-31.
47. Хохлова, Д. Д. Как метамодерн привел к политической сатире и новому популизму / Д. Д. Хохлова // Власть. – 2017. № 8. – С. 59-63.
48. Чугров, С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С. В. Чугров // Polis: Journal of Political Studies. – 2017. № 2. – С. 42-59.
49. Шибкова, М. О. Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий / М. О. Шибкова // Современная Европа. – 2019. Т. 89, № 4. – С. 119-128.

Аналитические статьи:

1. Adler, S. Angst vor Fake News, Lügen und Verleumdungen / S. Adler // Deutschlandradio – Deutschlandfunk. - 02.03.2017. URL: https://www.deutschlandfunk.de/bundestagswahl-2017-angst-vor-fake-news-luegen-und-724.de.html?dram:article_id=380314 (дата обращения: 04.05.2020).
2. Altenbockum, J. Die große Stagnation / J. Altenbockum // Frankfurter Allgemeine Zeitung. - 27.11.2013. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/koalitionsvertrag-die-grosse-stagnation-12683096.html> (дата обращения: 05.05.2020).
3. Chan, K., Cook, L., Parra, A. Fake news changes shape as EU heads into elections / K. Chan, L. Cook, A. Parra // Associated Press. - May 22, 2019. URL: <https://apnews.com/5e81a57aa17d4ca7a0c02f89c8efe421> (дата обращения: 18.04.2020).
4. Die AfD im Bundestag Provokation als Strategie // Deutschlandradio: Deutschlandfunk. - 26.04.2018. URL: https://www.deutschlandfunk.de/die-afd-im-bundestag-provokation-als-strategie-724.de.html?dram:article_id=416622 (дата обращения: 04.05.2020).

5. Funke, D., Flamini, D. A guide to anti-misinformation actions around the world / D. Funke, D. Flamini // Poynter Institute. URL: <https://www.poynter.org/ifcn/anti-misinformation-actions/#germany> (дата обращения: 04.05.2020).
6. Germany's AfD: How right-wing is nationalist Alternative for Germany? // BBC News. - 11.02.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-37274201> (дата обращения: 06.05.2020).
7. Heine, M. Was Sie über das „Wort des Jahres“ wissen müssen / M. Heine // WELT. - 09.12.2016. URL: <https://www.welt.de/kultur/article160136912/Was-Sie-ueber-das-Wort-des-Jahres-wissen-muessen.html> (дата обращения: 03.05.2020).
8. Historiker über die Ministerpräsidentenwahl in Thüringen „Kemmerichs Leichtfertigkeit ist ein Skandal“ // Deutschlandradio: Deutschlandfunk Kultur. - 06.02.2020. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/historiker-ueber-die-ministerpraesidentenwahl-in-thueringen.1008.de.html?dram:article_id=469647 (дата обращения: 06.05.2020).
9. Karnitschnig, M. Populist tide rises but fails to flood EU / M. Karnitschnig // POLITICO. – 27.05.19. URL: <https://www.politico.eu/article/populist-tide-rises-but-no-flood-eu-elections-2019/> (дата обращения: 18.04.2020).
10. Krastev, I. The Far Right Is Here to Stay and other lessons from the European Parliament elections / I. Krastev // The New York Times. – 28.05.2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/28/opinion/european-elections.html> (дата обращения: 18.04.2020).
11. Kreijger, G. Europe's Future after Germany's Election / G. Kreijger // Handelsblatt. – 10.05.2017. URL: <https://www.handelsblatt.com/today/opinion/new-coalition-europes-future-after-germanys-election/23572502.html?ticket=ST-7515760-sA9NRVaKc6IEfe7fPeUa-ap5> (дата обращения: 04.05.2020).
12. Lewis, P. 'Fiction is outperforming reality': How YouTube's algorithm distorts truth / P. Lewis // The Guardian. – 02.02.2018. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2018/feb/02/how-youtubes-algorithm-distorts-truth> (дата обращения: 09.03.2020).
13. Post-truth politicians such as Donald Trump and Boris Johnson are no joke // The Guardian. - 13.05.2016. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/may/13/boris-johnson-donald-trump-post-truth-politician> (дата обращения: 16.02.2020).
14. Post-truth politics. Art of the lie // The Economist. - 10.09.2016. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/09/10/art-of-the-lie> (дата обращения: 16.02.2020).
15. Schulz, F. How strong is right-wing populism after the European elections? / F. Schulz // EURACTIV. - 04.06.2019. URL: <https://www.euractiv.com/section/eu-elections-2019/news/how-strong-is-right-wing-populism-after-the-european-elections/> (дата обращения: 19.04.2020).
16. Scott, M., Cerulus, L. Europe's populists are flooding social media, research shows / M. Scott, L. Cerulus // POLITICO. - 04.02.2019. URL: <https://www.politico.eu/article/europe-far-right-groups-noisier-than-others-on-twitter-research-shows-afd-germany-facebook-google-alto-analytics/> (дата обращения: 20.04.2020).
17. Taylor, P. Has Europe Reached Peak Populism? The tide may have turned against nationalist right / P. Taylor // POLITICO MAGAZINE. – 05.09.2019. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2019/09/05/has-europe-reached-peak-populism-228036> (дата обращения: 19.04.2020).

18. The Age of Post-Truth Politics // The New York Times. - 24.08.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html> (дата обращения: 16.02.2020).
19. Welcome to the post-truth presidency // The Washington Post. - 02.12.2016. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/welcome-to-the-post-truth-presidency/2016/12/02/baaf630a-b8cd-11e6-b994-f45a208f7a73_story.html (дата обращения: 16.02.2020).
20. Вендик, Ю. "Альтернатива для Германии": в чем секрет успеха крайне правых / Ю. Вендик // BBC News Русская служба. - 25.09.2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41392567> (дата обращения: 04.05.2020).

Аналитические доклады:

1. Charalambous, G. The European Far Right: Historical and Contemporary Perspectives / G. Charalambous - Cyprus: PRIO Cyprus Centre, 2015. – 57 p.
2. Hacıyakupoglu, G., Hui, J. Y., Suguna, V. S., Leong, D., Rahman, M. F. B. A. Countering fake news: A survey of recent global initiatives / G. Hacıyakupoglu, J. Y. Hui, V. S. Suguna, D. Leong, M. F. B. A. Rahman - Singapore: RSIS, 2018. – 22 p.
3. Lessenski, M. Common Sense Wanted: Resilience to 'Post-Truth' and its Predictors in the New Media Literacy Index 2018 / M. Lessenski - Open Society Institute. - Sofia, 2018. URL: https://osis.bg/wp-content/uploads/2018/04/MediaLiteracyIndex2018_publishENG.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
4. Lessenski, M. Just think about it. Findings of the Media Literacy Index 2019 / M. Lessenski - Open Society Institute. - Sofia, 2019. URL: https://osis.bg/wp-content/uploads/2019/11/MediaLiteracyIndex2019_-ENG.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
5. Niklewicz, K. Weeding out Fake News: An Approach to Social Media Regulation / K. Niklewicz – Brussels: Wilfried Martens Centre for European Studies, 2017. – 66 p.
6. Public Digital Debate Ahead of EU Parliamentary Elections // Alto Analytics. – 01.04.2019. URL: https://www.alto-analytics.com/en_US/eu-elections-public-digital-debate/ (дата обращения: 18.04.2020).
7. Rozgonyi, K. The Impact of the Information Disorder (Disinformation) on Elections / K. Rozgonyi – Strasbourg: European Commission for Democracy Through Law (Venice Commission), 26.11.2018. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CDL-LA\(2018\)002-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CDL-LA(2018)002-e) (дата обращения: 14.03.2020).
8. Sänglerlaub, A. Deutschland vor der Bundestagswahl: Überall Fake News / A. Sänglerlaub - Berlin: Stiftung Neue Verantwortung, 2017. – 18 p.
9. Vasu, N., Ang, B., Teo, T. A., Jayakumar, S., Raizal, M., Ahuja, J. Fake news: National security in the post-truth era / N. Vasu, B. Ang, T. A. Teo, S. Jayakumar, M. Raizal, J. Ahuja - Singapore: RSIS, 2018. – 32 p.
10. Walker, V. S. Crafting Resilient State Narratives In Post Truth Environments: Ukraine And Georgia / V. S. Walker - ACPD, 2017. - P. 83-88

Авторские материалы, подготовленные в ходе написания ВКР:

1. Колотаев, Ю. Ю. Фейковые новости, дезинформация и стратегические коммуникации-ключевые категории в отношениях между Европейским союзом и Россией в условиях постправды. Внешние угрозы и внутренние вызовы / Ю. Ю.

- Колотаев // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. Сборник работ VII международной студенческой научной конференции (29 марта 2019 г., Санкт-Петербург). / Санкт-Петербургский государственный университет; ред. Е.М. Скворцова, К.А. Коновалова, Е.Н. Данилова, Е.В. Смирнов, Д.О. Матяшова. - СПб.: Скифия-принт, 2019. — 456 с. - С. 431-438.
2. Концепция стрессоустойчивости (resilience): рекомендации для России в контексте взаимодействия с Европейским союзом: рабочая тетрадь 55/2019 / Т. А. Романова [и др.]; под ред. И. С. Иванова. - Российский совет по международным делам (РСМД). - М.: НП РСМД, 2019. – 40 с.
 3. Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России / Т.А. Романова [и др.]; под ред. Т.А. Романовой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 312 с.
 4. Романова, Т. А., Соколов, Н. И., Колотаев, Ю. Ю. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена / Т. А. Романова, Н. И. Соколов, Ю. Ю. Колотаев // Балтийский регион. - 2020. Т. 12, №. 1. – С. 53-67.